КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 Іюня 1895 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

18-го мая окончилось 30-тилѣтіе оффиціальной служебной дѣятельности извѣстнаго представителя нашей исторической науки, профессора Кіевскаго университета, *Владиміра Бонифатьевича Антоновича*. По общепринятому обычаю, въ такіе истекающіе сроки служебной дѣятельности лица такъ или иначе совершаются привѣты и чествованія его, въ болѣе или менѣе выразительной формѣ. Въ данномъ случаѣ, у насъ, въ Кіевѣ, чествованіе это приняло характеръ того сердечнаго проявленія чувствъ благодарности, которое естественнѣе всего и должно было сказаться въ сердцахъ студенчества, непосредственно воспринимающаго впечатлѣнія отъ своихъ профессоровъ. Мѣстныя газеты сообщили, что чествованіе этого момента въ жизни В. Б. Антоновича выразилось въ поднесеніи ему отъ студентовъ адреса и въ устройствѣ торжественнаго шествія съ зажженными свѣчами въ рукахъ къ его квартирѣ. Такое, сравнительно рѣдкое, явленіе въ нашей жизни, какъ намъ кажется, объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ, что 1895-ый годъ въ жизни уважаемаго нашего ученаго не только важенъ по исполнившемуся термину 30-тилѣтія оффиціальной его службы, но гораздо болѣе по двумъ другимъ терминамъ: въ этомъ году истекаетъ 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности и 35 лѣтъ—учено-общественной. Эти двѣ послѣднія роли—профессора и ученаго представителя общественной мысли—есть, по нашему мнѣнію, тотъ центръ тяжести, къ которому сводится проявившееся на этихъ дняхъ восторженное настроеніе нашей чуткой молодежи. Это же самое обязываетъ и нашъ журналъ, имѣющій счастіе

считать Владиміра Бонифатьевича Антоновича въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, посвятить его имени нѣсколько строкъ, какъ выраженіе нашей признательности ему въ роли профессора и ученаго. Говорить коротко о значеніи его, какъ профессора и ученаго—это значило бы повторять хорошо всѣмъ извѣстное, а подробную оцѣнку этой его дѣятельности давать теперь не время, т. к. задачу эту гораздо лучше исполнитъ благодарное потомство, нежели современники. Въ виду этого мы напомнимъ только нашимъ читателямъ нѣкоторые факты изъ жизни В. Б. Антоновича и укажемъ тѣ стороны въ его дѣятельности, которыя ближе всего касаются интересовъ нашего органа.

В. Б. Антоновичъ родился въ 1834 г. въ бердичевскомъ уѣздѣ кіевской губ. и по происхожденію принадлежалъ къ семьѣ южно-русскаго дворянства, въ свое время подвергшейся общей участи ополяченія. Дѣтство его прошло при обстановкѣ домашняго ученія, состоявшаго „въ заучиваніи польской исторіи въ стихахъ, миѳологіи, краткаго катехизиса, да въ чтеніи французскихъ путешествій“,—какъ объ этомъ читаемъ въ статьѣ о немъ, помѣщенной въ газетѣ „По морю и сушѣ“ (1895 г. № 20). Школьную науку Вл. Бон—чъ проходилъ въ одесской 2-й гимназіи, гдѣ прошли годы его первой юности и гдѣ, конечно, начали складываться и его первыя общественныя настроенія. Извѣстно, что въ эти годы онъ особенно охотно читалъ представителей французской литературы, т. к. въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ—результатъ домашней науки. Въ 1850 г. Влад. Бонифат. поступаетъ въ кіевскій университетъ на медицинскій факультетъ, какъ говорятъ, по желанію родныхъ, а не по своему собственному, такъ-какъ личныя симпатіи его влекли къ наукамъ гуманнымъ. Это и было причиной того, что, прослушавъ всѣ пять курсовъ медицинскаго факультета, В. Б. покинулъ навсегда медицину и поступилъ опять на первый курсъ, но уже историко-филологическаго факультета. Нужно принять во вниманіе, что это были годы общественнаго оживленія на Руси вообще, а въ Кіевѣ—въ частности: здѣсь, параллельно съ развитіемъ обще-русскихъ

вопросовъ жизни, сталъ среди молодежи выдѣляться вопросъ и о мѣстномъ національномъ значеніи общественнаго дѣятеля. Для Вл. Бон—ча этотъ вопросъ имѣлъ особое значеніе, т. к. ему въ концѣ концовъ пришлось порвать связи со всѣмъ своимъ прошлымъ, шляхетскимъ, и написать извѣстный его отвѣтъ г. Падалицѣ подъ заглавіемъ „Моя исповѣдь" (Основа 1862 г. № 1). Эта горячая общественная дѣятельность не отвлекла однако-же Вл. Бон. отъ научныхъ студенческихъ занятій, и онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ въ 1860 году. Съ этого момента мы вправѣ считать начало его учено-литературныхъ работъ, посвященныхъ какъ чисто научной разработкѣ вопросовъ исторіи, этнографіи и археологіи юга Россіи, такъ и публицистическому проведенію ихъ въ жизнь то путемъ устной рѣчи, то путемъ печатнаго слова. 35-тилѣтняя его дѣятельность въ этомъ направленіи успѣла создать ему славу первокласснаго русскаго ученаго, труды котораго по исторіи и археологіи составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и признаются таковыми, какъ у насъ, такъ и заграницей.

Дѣятельность его общественная послѣ окончанія университета долгое время шла по очень скромному пути сначала учителя въ 1-й гимназіи и въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ роли работника во временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Но если скромно было положеніе его общественное, то далеко не такъ выступалъ онъ въ то же время со своими научными статьями: имя его давно уже стало повторяться и цитироваться на страницахъ научныхъ изданій, а онъ все еще пребывалъ въ незамѣтной роли архивнаго чиновника. Мы видѣли его въ моментъ защиты имъ магистерской диссертаціи, какъ всегда скромно и даже застѣнчиво высматривавшимъ и говорившимъ, а между тѣмъ тогда достаточно уже было сказать, что это авторъ „Изслѣдованія о козачествѣ" (1863 г.), что это авторъ изслѣдованія „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи" (1867 г.), что это, наконецъ, авторъ „Послѣднихъ временъ козачества на правой сторонѣ Днѣпра" (1868),—достаточно, повторяю, было сказать это, чтобы каж-

дый образованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ нашего юга Россіи, сразу узналъ, кого онъ видитъ предъ собою. Послѣдняя изъ названныхъ нами работъ и была его магистерской диссертаціей, открывшей ему въ 1870 году дорогу къ каѳедрѣ. И вотъ, прошло теперь 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности, для характеристики которой достаточно сказать, что, не блистая краснорѣчіемъ, лекціи его всегда умѣли приковывать къ себѣ вниманіе слушателей не изяществомъ формы, не вычурностью въ построеніи мыслей, а исключительно своей содержательностью, вразумительностью, простотой и жизненностью. Какъ профессоръ, Влад. Бон. Антоновичъ, по признанію всѣхъ, создалъ свою школу историковъ и археологовъ южно-русскихъ. Привѣтствуя теперь 35-тилѣтнюю плодотворную научную дѣятельность его, а также 25-тилѣтнюю работу его на поприщѣ профессора— наставника молодыхъ поколѣній, пожелаемъ уважаемому нашему ученому профессору еще много лѣтъ подвизаться для блага дорогой ему и намъ родины, а школѣ, созданной имъ, выразимъ такое-же наше искреннее пожеланіе доблестно продолжить дѣло, начатое учителемъ ея, чтобы на склонѣ жизни почтенный наставникъ могъ, съ гордостью указывая на труды учениковъ своихъ, повторить слова поэта: „Exegi monumentum aere perennius“!

МИТРОПОЛИТЪ ТОБОЛЬСКІЙ ПАВЕЛЪ КОНЮСКЕВИЧЪ [1].

Скончавшійся въ 1770 году въ Кіево-Печерской Лаврѣ митрополитъ Тобольскій Павелъ Конюскевичъ, котораго тѣло до настоящаго времени остается нетлѣннымъ, родился въ г. Самборѣ, въ Галиціи, въ 1705 году и при крещеніи нареченъ Петромъ. Обучался въ кіевской академіи и по окончаніи въ ней курса наукъ оставленъ въ той-же академіи преподавателемъ піитики. На 28 г. жизни, согласно желанію своему, постриженъ въ монашество, съ именемъ Павла, въ Кіево-Печерской Лаврѣ архимандритомъ Романомъ Копою; 5 декабря 1734 г. рукоположенъ въ санъ іеродіакона и 1-го января 1740 г. въ санъ іеромонаха митрополитомъ кіевскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Въ томъ же 1740 г. онъ отправился въ С.-Петербургъ въ званіи „шафара“ или личнаго эконома, сопутствуя Кіево-Михайловскому архимандриту Тимофею Щербацкому, избранному въ должность священно-архимандрита Кіево-Печерской Лавры и по сему случаю вызванному въ Св. Синодъ. Для записи путеваго расхода Павлу Конюскевичу выдана была шнуровая книга изъ духовнаго собора лавры.

[1]) Составлено на основаніи статей профессоровъ Ф. А. Терновскаго и В. С. Иконникова, помѣщенныхъ въ Чтеніяхъ Истор. Общества Нестора Лѣтописца за 1873—1877 г. кн. 1, и за 1888 г. кн. 2., изъ коихъ 1-й пользовался свѣдѣніями изъ дѣлъ Архива Св. Синода, а послѣдній имѣлъ въ виду свѣдѣнія о. м. Павлѣ, заключающіяся въ сборникѣ Рус. Ист. Общества т. X., Перм. сборникѣ т. II, и въ дѣлѣ изъ Госуд. Архива у Соловьева XXVII, 150—160. Легенды о м. Павлѣ Конюскевичѣ помѣщены графомъ М. В. Толстымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей за 1870 г.

Но ему не суждено было возвратиться въ лавру съ архимандритомъ Тимофеемъ, такъ какъ по указу Св. Синода въ 1741 г. послѣдовало назначеніе его въ московскую славяно-греко-латинскую академію на должность проповѣдника. Въ 1743 г. іеромонахъ Павелъ Конюскевичъ, по указу Св. Синода, опредѣленъ въ новгородскую епархію, при чемъ предписано было новгородскому архіепископу Амвросію Юскевичу предоставить ему первую архимандричью вакансію, на которую въ Новгородскій Юрьевъ монастырь и былъ онъ произведенъ въ архимандриты 18 февраля слѣдующаго 1744 года.

Чрезъ 14 лѣтъ послѣ сего, 5 мая 1758 г., архимандритъ Павелъ Конюскевичъ хиритонисанъ въ санъ митрополита Тобольскаго и Сибирскаго; прибылъ въ Тобольскъ 20 ноября того же года. Здѣсь онъ проявилъ свою архипастырскую дѣятельность первѣе всего открытіемъ богословскаго класса въ мѣстной семинаріи, въ которой до сего времени были только классы: русскій, инфимическій, синтаксическій и піитическій, а для занятія учительскихъ въ ней должностей въ генварѣ 1759 г., по его ходатайству, присланы были изъ Кіева два іеромонаха—Савватій Исаевичъ и Веніаминъ Бялковскій [1]).

Построено было при немъ болѣе 20 каменныхъ храмовъ въ Тобольскѣ и въ другихъ городахъ Западной Сибири и значительное число деревянныхъ церквей во вновь открытыхъ приходахъ и при заводахъ. Но заботясь о благоповеденіи священно и церковнослужителей своей епархіи, Преосвященный Павелъ былъ строгъ къ своимъ подчиненнымъ и употреблялъ крутыя мѣры къ ихъ исправленію, требуя въ монастыри на черныя работы и подвергая даже тѣлесному наказанію какъ священнослужителей, такъ и учителей семинаріи. Ревностный пастырь *смирялъ*, по старому обычаю, не однихъ духовныхъ лицъ; не менѣе того взыскателенъ былъ и въ отношеніи къ мірянамъ: отлучалъ отъ церковнаго общенія, расторгалъ незаконные браки,

---

[1]) Французскій астрономъ, аббатъ Шаппъ, бывшій въ Тобольскѣ въ 1761 г. для наблюденія за прохожденіемъ Венеры противъ солнца, признаетъ митрополита Павла хорошимъ латинистомъ, очень вѣжливымъ и пріятнымъ въ бесѣдѣ, мужомъ ученымъ, но не вѣрившимъ въ движеніе земли вокругъ солнца.

вдовыхъ священниковъ постригалъ въ монашество съ *понужденіемъ*. Наконецъ, стали доходить не только до Святѣйшаго Синода, но и до самой Императрицы Екатерины слухи о неудовольствіяхъ архіерейскихъ крестьянъ на жестокое управленіе эконома архіерейскаго дома, архимандрита Іоакинѳа, подтвержденные и донесеніемъ сибирскаго губернатора Соймонова. Архимандритъ Іоакинѳъ, котораго совѣтамъ слѣдовалъ митрополитъ, своими дѣйствіями вызвалъ даже бунтъ крестьянъ въ монастырскихъ вотчинахъ, подавленный военною силою. Къ этому присоединились еще обнаруженныя въ тобольской епархіи злоупотребленія при обращеніи язычниковъ въ христіанство, которое сопровождалось частыми наѣздами миссіонеровъ, спаиваніемъ, большими поборами, а иногда и неправильнымъ обвиненіемъ новокрещенныхъ въ отпаденіи отъ христіанства, хотя обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру было только номинальное. По донесенію сибирскаго губернатора о такомъ положеніи миссіонерскаго дѣла въ Сибири, составлена была коммиссія, въ которой приняли участіе с.-петербургскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ и Тепловъ. Въ этой коммиссіи, принявшей во вниманіе и поступившія въ Св. Синодъ жалобы на управленіе митрополита Павла, число которыхъ простиралось до 30, рѣшено смѣнить митрополита Павла, а миссіонерамъ на будущее время дать инструкцію.

Для приведенія этого рѣшенія въ исполненіе, въ засѣданіи Св. Синода 22 іюня 1767 г., митрополитомъ новгородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ объявлена высочайшая воля Государыни Императрицы о вызовѣ митрополита Павла въ Москву. Посланы были два о семъ указа, но митрополитъ не ѣхалъ ни по первому, ни по второму указу, продолжая жить въ Тобольскѣ и управлять епархіею. Наконецъ, по настоянію Синодальнаго оберъ-прокурора Мелиссино, Св. Синодъ въ засѣданіи 22 марта 1768 г. постановилъ: преосвященному Павлу, митрополиту тобольскому, подтвердить указомъ „буде его преосвященство, во исполненіе Ея Императорскаго Величества повелѣнія, по посланнымъ двумъ указамъ изъ Тобольска еще не выѣхалъ, то Св. Синодъ нынѣ послѣдній уже терминъ полагаетъ, чтобъ не-

премѣнно въ путь отправился съ полученія того указа въ недѣлю, а буде и за симъ отправою своею въ путь продолжать медлѣть будетъ, то находящемуся въ Тобольскѣ губернатору онаго преосвященнаго выслать изъ Тобольска безъ всякихъ отговорокъ, о чемъ и къ нему—губернатору послать указъ".

Преосвященный митрополитъ Павелъ однако выѣхалъ изъ Тобольска до полученія этого указа и 21 апрѣля 1768 года былъ уже въ Москвѣ, изъ которой отправилъ въ Св. Синодъ такое прошеніе: „По присланнымъ мнѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошлаго 1767 г., іюня отъ 25 и октября 10 чиселъ, Ея Императорскаго Величества указамъ, велѣно мнѣ быть въ Москву. Почему я, учиня по долгу распоряженія и здравіемъ, коимъ весьма слабъ, укрѣпясь, имѣлъ непремѣнное намѣреніе отправиться декабря въ послѣднихъ числѣхъ того жъ году въ путь, только за продолжающеюся болѣзнію до 11 нынѣшняго января 1768 г. выѣхать никакъ было невозможно. А со онаго оправившись, съ возможною поспѣшностію старанія прибыть въ Москву и явиться Вашему Святѣйшеству. Только отъ умножавшихся въ дорожномъ безпокойствіи во мнѣ болѣзней, по коимъ въ Екатеринбурхѣ принужденъ былъ жить три недѣли и 5 дней, и еще не совсѣмъ выпользовавшись, по выѣздѣ въ дорогѣ различныя имѣлъ припадки. А нынѣ, 2 апрѣля, прибывъ въ Москву и по учиненной мнѣ отъ конторы Св. Синода повѣсткѣ, апрѣля 7 дня явился въ оной конторѣ, гдѣ о ожиданіи мнѣ въ Москвѣ отъ Вашего Святѣйшества указъ объявленъ. А какъ я нынѣ найвящую по усилившимся во мнѣ болѣзнямъ слабость моего здравія ежедневно чувствую, и по старости лѣтъ моихъ къ выполненію оныхъ мало надежды заключаю, почему въ правленіи епаршескихъ дѣлъ нахожу себе не въ состояніи; того ради Ваше Святѣйшество всепокорнѣйше прошу, за старостію и слабостію моего здоровья, отъ епархіи и правленія епаршескихъ дѣлъ въ Кіево-Печерскую Лавру на обѣщаніе увольненія, и о семъ моемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе".

„Вашего Святѣйшества нижайшій послушникъ смиренный Павелъ, митрополитъ Тобольскій".

1768 г. 8 апрѣля, Москва.

Святѣйшій Синодъ радъ былъ положить конецъ сложному и непріятному дѣлу и потому постановилъ: „всеподданнѣйше просить, не соизволитъ ли Ея Императорское Величество онаго Тобольскаго митрополита Павла, для пресѣченія происходящихъ въ той епархіи безпокойствъ, отъ оной и отъ правленія епаршескихъ дѣлъ, какъ онъ и самъ проситъ, на обѣщаніе въ Кіево-Печерскую Лавру уволить; а если по изслѣдованіи достальныхъ дѣлъ въ чемъ онъ митрополитъ виновнымъ явится, то Св. Синодъ надлежащее въ силу законовъ взысканіе и въ бытность его въ Кіево-Печерской Лаврѣ учинить долженъ“. Императрица утвердила докладъ Синода, написавъ на немъ: „митрополита Павла отъ Тобольской епархіи на обѣщаніе по прошенію его уволить, а въ дѣлахъ, ежели впредь истцы будутъ, чинить Синодъ имѣетъ по законамъ производства“. „Екатерина. Іюня 4 дня 1768 г. Царское село“.

Изъ вышесказаннаго видно, что появившееся въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ извѣстіе о протестѣ митрополита тобольскаго Павла противъ отобранія въ казну монастырскихъ имѣній и о судѣ за это надъ нимъ въ 1767 г. совершенно не вѣрно. Также къ области вымысловъ принадлежитъ и сказаніе о явленіи митрополита Павла ночью во снѣ, наканунѣ суда надъ нимъ митрополиту Сѣченову съ слѣдующею грозною латинскою рѣчью: Quandoquidem patres nostri, e numero quorum quidam sancti, varia bona terrena dederunt, anathematis omnibus detractoribus istorum bonorum; etiam ego, homo peccator et Ecclesis Christi episcopus indignus, non meo quidem ore, sed ore patrum, tibi, detractori Ecclesiasticorum bonorum, anathema etinopinatam mortem profero. Но совершенно вѣрно говоритъ профессоръ Терновскій, что для оцѣнки этой легенды достаточно вспомнить, что митрополитъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ скончался 11 декабря 1767 года, т. е. за 4 мѣсяца до грознаго сновидѣнія, предвѣщавшаго ему напрасную смерть; также справедливо замѣчаніе профессора В. С. Иконникова, что угроза митрополита Павла во снѣ митрополиту Дмитрію есть лишь варіантъ извѣстнаго разсказа объ угрозѣ тому же м. Дмитрію Сѣченову и

другимъ членамъ Синода, приписываемой обыкновенно м. Арсенію Маціевичу за судъ надъ нимъ по поводу отобранія монастырскихъ имуществъ въ 1764 году. Равнымъ образомъ къ числу вымысловъ принадлежитъ разсказъ о присылкѣ императрицей Екатериной б. тобольскому митрополиту Павлу въ лавру 1.000 червонцевъ, которыхъ онъ якобы не захотѣлъ принять отъ нея въ С.-Петербургѣ и которыя потомъ отдалъ на позолоту куполовъ великой лаврской церкви. Можетъ быть, онъ пожертвовалъ на этотъ предметъ извѣстную сумму, но не царскую, а свою, привезенную изъ Сибири, такъ какъ пожалованія значительной суммы митрополиту Павлу лично императрицей Екатериной, судя по извѣстнымъ ея отзывамъ о немъ, нельзя предполагать.

Поселившись въ Кіево-Печерской Лаврѣ, преосвященный Павелъ не долго пользовался здѣсь земнымъ покоемъ: 31 августа 1768 г. онъ прибылъ въ лавру, а 4 ноября 1770 г. года скончался „со всякимъ христіанскимъ порядкомъ“, какъ доносилъ Св. Синоду Кіево-печерскій архимандритъ Зосима отъ 6 ноября 1770 года, приписывая при семъ, что гробъ съ тѣломъ покойнаго, за отпѣтіемъ соборной панихиды, поставленъ въ придѣлѣ архидіакона Стефана въ склепу до полученія изъ Св. Синода указа о томъ, какъ и кому повелѣно будетъ отпѣть погребеніе. Оставшееся имущество, деньги и разныя вещи розданы покойнымъ митрополитомъ предъ кончиной своей, „при доброй памяти и изъ собственной воли“, какъ значилось въ оставленной имъ записи, названной въ рапортѣ архимандрита Зосимы завѣщаніемъ.

Погребеніе преосвященнаго Павла совершено 19 декабря, спустя полтора мѣсяца по его кончинѣ, при чемъ тѣло его, сохранившееся нетлѣннымъ, оставлено въ томъ же склепѣ непреданнымъ землѣ. Подобнымъ образомъ оставлялись тогда въ общемъ склепу въ Кіево - Софійскомъ соборѣ непогребенными въ землѣ до полученія указа Св. Синода и тѣла кіевскихъ митрополитовъ 18 вѣка, въ томъ числѣ и сохранявшееся нетлѣннымъ тѣло митрополита Кіевскаго Рафаила Заборовскаго (1731—1747 г.). Поступившій въ 1823 г. на Кіев-

скую каѳедру митрополитъ Евгеній устроилъ въ Софійскомъ соборѣ надъ каждымъ изъ митрополичьихъ гробовъ кирпичныя надгробія, и въ то же, вѣроятно, время захотѣлъ сдѣлать такое же надгробіе въ Кіево-Печерской Лаврѣ надъ гробомъ митрополита Павла, или перенести его гробъ въ другое мѣсто и предать землѣ, или же, наконецъ, поставить его въ общей усыпальницѣ подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла лаврской великой церкви, но почему то не исполнилъ сего. Можетъ быть, онъ не рѣшился сдѣлать это перенесеніе безъ разрѣшенія св. синода, а можетъ быть, препятствіемъ къ сему послужило и то, что усыпальница лаврская переполнена гробами покойниковъ до того, что гробы стоятъ массою одни надъ другими, безъ промежутковъ, въ нѣсколько рядовъ. Неисполненіе такого предположенія, по всей вѣроятности, подало поводъ къ легендѣ о явленіи покойнаго митрополита Павла митрополиту Евгенію, но уже не во снѣ, а по пробужденіи его отъ сна, при чемъ м. Павелъ угрожалъ м. Евгенію не по латыни, а по малороссійски, хотя оба митрополита были большіе латинисты и могли бы объясниться между собою на классическомъ языкѣ. *Чи даси намъ почивати, чи ни? Не даси намъ почивати, не дамъ тоби и я николы почивати*, сказалъ будто м. Евгенію б. тобольскій архипастырь, еще не забывшій матерняго языка.

Въ извѣстіи, помѣщенномъ во 2-й книжкѣ чтеній Московскаго Общества Исторіи и древностей графомъ В. М. Толстымъ, говорится, будто сохранилась и собственноручная записка митрополита Евгенія объ этомъ видѣніи. Но таковой собственноручной записки митрополита Евгенія нѣтъ, и никто ея не видалъ, да и не таковъ былъ ученый митрополитъ Евгеній, чтобы останавливался въ своихъ распоряженіяхъ предъ какими либо сновидѣніями, а тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ него записи подобныхъ видѣній и разсказовъ. Графъ В. М. Толстой, въ той же статьѣ своей, передаетъ, будто предъ явленіемъ м. Павла митрополиту Евгенію былъ устроенъ подъ великою лаврскою церковію новый склепъ, въ который велѣно было перенести всѣ гробы, какъ погребенные въ землѣ, такъ и поставленные въ *склепъ подъ соборомъ*. Но и это совершенно

не вѣрно, такъ какъ никакого, ни новаго, ни стараго, склепа подъ среднею частью великой лаврской церкви нѣтъ и не было. Большой склепъ или подвалъ имѣется только подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла великой церкви, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гроба митрополита Павла, мимо котораго и проходятъ въ этотъ большой склепъ. Но этотъ склепъ устроенъ еще до 1729 г. при возобновленіи лавры послѣ пожара 1718 года, когда пристроенъ къ великой лаврской церкви придѣлъ во имя св. первомученника Стефана, на мѣстѣ древнѣйшаго, устроеннаго здѣсь князьями Корецкими въ 16 вѣкѣ.

Графъ В. М. Толстой говоритъ еще, что о явленіи м. Павла разсказано самимъ митрополитомъ Евгеніемъ б. префекту кіевской академіи, архимандриту Мелетію Носкову. Но архимандритъ этотъ выбылъ изъ Кіева въ 1817 г. [1]), за 6 лѣтъ до прибытія митрополита Евгенія въ Кіевъ, а возвратился въ Кіево-Печерскую Лавру уже по смерти митрополита Евгенія, при его преемникѣ митрополитѣ Филаретѣ, и здѣсь скончался въ 1851 году.

Склепъ, въ которомъ находится гробъ митрополита Павла Конюскевича, рядомъ съ гробомъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, не открывался ни для кого изъ посѣтителей лавры при митрополитѣ Евгеніѣ; при митрополитѣ Филаретѣ вводили въ этотъ склепъ и открывали гробъ митрополита Павла только для нѣкоторыхъ лицъ, съ дозволенія намѣстника лавры; а со времени митрополита Арсенія стали водить туда и показывать нетлѣнное тѣло митрополита Павла всѣмъ желающимъ, допуская и къ цѣлованію его руки. Отъ частаго соприкосновенія съ наружнымъ воздухомъ лицо святителя, бывшее прежде совершенно бѣлымъ, значительно потемнѣло.

При митрополитѣ Платонѣ было предположеніе ходатайствовать предъ св. Синодомъ даже о причисленіи митрополита

---

[1]) Архимандритъ *Мелетій Носковъ* изъ префектовъ старой кіевской академіи, по преобразованіи ея, назначенъ въ 1817 г. инспекторомъ черниговской семинаріи, потомъ былъ ректоромъ полтавской семинаріи и, наконецъ, настоятелемъ свіяжскаго монастыря, казанской губерніи, откуда прибылъ въ 1841 году на покой въ кіево-печерскую лавру.

Павла къ святымъ, но оставлено въ виду того, что одно нетлѣніе не служитъ еще доказательствомъ святости.—

Подобнымъ образомъ, въ монастыряхъ Бѣлгородскомъ и Харьковскомъ и въ Черниговскомъ соборѣ допускаются богомольцы къ поклоненію предъ открытыми гробницами и къ цѣлованію нетлѣнно почивающихъ въ нихъ, но еще не прославленныхъ церковью мощей бѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка, Харьковскаго архіепископа Мелетія Леонтовича и Черниговскаго епископа Ѳеодосія Углицкаго.—

Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода[1]).

ГЛАВА 2-я.

Значеніе Г. С. Сковороды.

Познакомивъ читателя съ міросозерцаніемъ и жизнью Сковороды, мы тѣмъ самимъ дали нѣкоторый матеріалъ и для сужденія о значеніи его. Но это на столько важный и сложный вопросъ, что на немъ нужно остановиться подробнѣе, ему необходимо посвятить отдѣльную главу, тѣмъ болѣе, что въ изслѣдованіяхъ, касающихся его личности и ученія, объ этомъ мы находимъ только отрывочныя и далеко не всегда обоснованныя замѣчанія. Да и едва ли возможно было раньше, когда большая часть его важнѣйшихъ трудовъ не была извѣстна ученому міру, сдѣлать оцѣнку ихъ литературнаго значенія; тогда можно было говорить только о непосредственномъ вліяніи его личности и оригинальнаго характера, да и то не съ такою полнотою и обстоятельностью, какія возможны теперь для насъ, благодаря новымъ біографическимъ матеріаламъ.

Но мы ясно представляемъ себѣ затрудненія, ожидающія насъ при рѣшеніи даннаго вопроса; мы прекрасно понимаемъ, какъ легко вообще впасть въ крайности при оцѣнкѣ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей стараго времени: размѣры всякихъ вліяній съ трудомъ вообще, по самому характеру своему, поддаются точному опредѣленію, а между тѣмъ мы должны дать

[1]) См. „Кіев. Стар.“ № 3 1895 г.

именно опредѣленіе, которое представляло бы значеніе дѣятеля и не въ уменьшенномъ, и не въ увеличенномъ масштабѣ; въ одномъ случаѣ мы будемъ не правы передъ памятью покойника, въ другомъ—передъ современными читателями. Въ виду всего этого мы постараемся основывать свои выводы исключительно на документальныхъ данныхъ, руководствуясь въ сужденіяхъ тою осторожностью, которая обязательна для всякаго объективнаго историка.

Въ вопросѣ о значеніи Г. С. Сковороды нужно различать двѣ стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ Г. С. Сковородой, какъ съ мыслителемъ. Онъ желалъ распространенія своихъ идей въ современномъ ему обществѣ, употреблялъ для этого извѣстныя средства и достигалъ своей цѣли, съ одной стороны, посредствомъ устной проповѣди, а съ другой—посредствомъ своихъ сочиненій; огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣлъ также живой, наглядный примѣръ его собственной жизни, въ которой онъ, какъ мы видѣли, совершенно осуществилъ требованія своего высокаго нравственнаго идеала. Правда, Сковорода при жизни не печаталъ своихъ трудовъ, но причину этого явленія мы объяснили уже выше [1]): это зависѣло главнымъ образомъ отъ условій его жизни и отъ свойствъ его характера. Тѣмъ не менѣе сочиненія его находили себѣ широкое распространеніе въ рукописяхъ и выходили такимъ путемъ далеко за предѣлы Украины. У многихъ лицъ были цѣлыя коллекціи его рукописей, и они въ свою очередь давали ихъ списывать другимъ. Мало того: точно такимъ же образомъ распространялись и его письма, которыя списывались и перечитывались наравнѣ съ учеными трактатами, къ которымъ они впрочемъ и подходили по своему характеру и содержанію. Ведя въ теченіе 30 лѣтъ странническую жизнь, Сковорода сталкивался съ массою людей изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества. У него были друзья и знакомые, у которыхъ онъ

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ 1-е отд. стр. I—II.

останавливался и проживалъ подолгу или захаживалъ въ гости, и среди духовенства, и среди свѣтскаго общества: съ этими лицами онъ велъ переписку, присылалъ и посвящалъ имъ свои сочиненія, велъ устныя бесѣды—и всѣмъ этимъ пользовался для распространенія своего ученія, для борьбы съ закоренѣлыми привычками и предразсудками.

Почти полное собраніе сочиненій Сковороды было, напримѣръ, у его ученика и друга М. И. Ковалинскаго; все это были автографы Сковороды, присланные ему въ даръ по большей части съ посвятительными письмами; въ 4-хъ сборникахъ, находящихся нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ, ихъ содержится 12; въ 5-мъ заключаются письма Сковороды, при чемъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что сюда внесены и нѣкоторыя письма, адресованныя не къ Ковалинскому (копіи 2-хъ писемъ къ В. М. Земборовскому, копіи письма къ какому то Ивану Васильевичу и неизвѣстному, оригиналъ письма къ нѣкоему Василію Максимовичу [1]). Коллекцію Сковородинскихъ трудовъ имѣлъ протоіерей Ѳед. Залѣсскій; она была пожертвована въ библіотеку харьковскаго университета его сыномъ священникомъ о. Михаиломъ въ отвѣтъ на обращеніе Измаила Ивановича Срезневскаго. Любопытное письмо его, какъ отраженіе взглядовъ консервативнаго представителя послѣдующаго поколѣнія, мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Усердно заботился о собраніи рукописныхъ трудовъ Г. С. Сковороды свящ. Іаковъ Правицкій, какъ это видно изъ ихъ переписки, опубликованной недавно Вс. Изм. Срезневскимъ. „Если ты уже переписалъ мои новыя сочиненія, пишетъ Сковорода Правицкому, то верни ко мнѣ оригиналы; также пришли вмѣстѣ съ оригиналами и тотъ мой діалогъ, который ты обыкновенно хвалишь болѣе другихъ; по перепискѣ онъ будетъ присланъ тебѣ обратно [2])“. Въ другомъ письмѣ Г. С. Сковорода пишетъ: „Не печися о „Разговорѣ Марка“. Онъ всегда есть вашъ и возвратится въ твою *книгохранку*. „Лотову жену“ хочется докончать. Однакъ принесу съ собою, да

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. CXI—CXII, 109—112, 116, 129.

[2]) Письма Г. С. Сковороды къ св. Я. Правицкому, стр. 9, 10.

написанное выпишете [1])". Нѣсколько позже Григорій Саввичъ писалъ: „прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ „Жену Лотову". Весною хощу васъ посѣтить, аще Богу угодно, и привезу. Аще же (желаете получить сейчасъ), тотчасъ перешлю. Въ зимнихъ трусостяхъ можетъ она потеряться; тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича (Сошальскаго). Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною во пустынѣ можно подумать объ окончаніи ея [2])". Г. С. Сковорода, отдавая своимъ друзьямъ автографы, самъ подъ часъ долженъ былъ просить о возвращеніи ихъ, чтобы сдѣлать для себя новый списокъ. „Пришлите мнѣ, пишетъ онъ Правицкому, симфонію „Аще не увѣси самую себе". Переписавъ паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ „Жену Лотову" [3]). Четвертымъ извѣстнымъ намъ хранителемъ Сковородинскихъ трудовъ былъ его почитатель, проживавшій въ г. Острогожскѣ и переписавшій для себя его басни и письма къ пріятелямъ [4]). Раньше мы высказали предположеніе, что это могъ быть другъ Г. С. Сковороды острогожскій помѣщикъ Тевяшовъ, отецъ котораго былъ полковникомъ Острогожскаго Слободскаго полка и находился также въ дружескихъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Саввичемъ; не будемъ повторять теперь соображеній, которыя мы приводили въ пользу своей догадки [5]). Но этимъ, конечно, далеко не исчерпываются коллекціи рукописей Сковороды; ихъ было въ старину несравненно больше, но только мы не знаемъ именъ собирателей. Мы приводили выше письмо г. П. Д. Мартыновича [6]), изъ котораго видно, что рукописи Сковороды были у очень многихъ священниковъ полтавской губерніи, гдѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ Сковорода. По всей вѣроятности, изъ этого источника составили свои собранія сочиненій Сковороды знаменитые харьковскіе преосвященные — Иннокентій (Борисовъ) и Филаретъ

---

[1]) Ib., стр. 11.

[2]) Ibidem. стр. 13.

[3]) Ibidem, стр. 14.

[4]) Сочиненія Г. С. Сковороды. 1-е отд., стр. CXII.

[5]) Ibidem, 1 е отд., стр. CXV.

[6]) Ibidem, 1 е отд., стр. CXXIII.

(Гумилевскій), столь высоко цѣнившіе память Сковороды (первый передалъ свою коллекцію Гр. Петр. Данилевскому, а второй С. И. Миропольскому, отъ котораго она поступила въ церковно-археологическій музей кіевской духовной академіи). Къ сожалѣнію, мы ничего опредѣленнаго не можемъ сказать о происхожденіи коллекцій московской духовной академіи и хранилища покойнаго гр. А. С. Уварова. Во всякомъ случаѣ изъ всего того, что намъ извѣстно о рукописяхъ Гр. Сав. Сковороды, можно прійти къ заключенію, что друзья охотно собирали его труды, ибо и самая эта дружба въ значительной степени основывалась на уваженіи къ учености Сковороды. При томъ и самъ Сковорода обыкновенно посвящалъ свои труды пріятелямъ; и понятное дѣло, что тотъ, кто получилъ одно сочиненіе, хотѣлъ имѣть и списывалъ для себя и другія. Здѣсь мы должны сдѣлать одну оговорку относительно тѣхъ лицъ, среди которыхъ Сковорода желалъ распространенія своихъ сочиненій. Существовала несомнѣнная разница въ этомъ отношеніи между Сковородой и современными авторами. Современные писатели издаютъ свои книги, не имѣя въ виду опредѣленныхъ читателей, одинаково какъ для друзей, такъ и для враговъ своихъ мыслей. Иначе относился къ этому дѣлу Сковорода: онъ желалъ распространенія своихъ рукописей среди сочувствующихъ его воззрѣніямъ лицъ и не безъ основанія боялся, чтобы они не попадали къ его врагамъ, которые могли извратить его мысли и придать имъ такой смыслъ, какого онъ не имѣлъ, что могло повлечь за собою серьезныя для него непріятности. Доказательствомъ этого можетъ служить, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ письма его къ Правицкому: „вы, снится мнѣ, переписали „Михайлову борьбу“ и паки требуете? Обаче посылаю, негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много, обаче чрезъ невѣрныя руки не! не! не! Mavolo apud te eam interire, quam volutari manibus impioribus (Я предпочитаю, чтобы она погибла у тебя, чѣмъ вращалась въ нечестивыхъ рукахъ). Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, читатели Сковороды были по большей части и почитателями его; враги же его мнѣній судили о немъ повидимому больше по слухамъ и,

какъ увидимъ далѣе, выставляли противъ него такія обвиненія, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ. Это, конечно, объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненія Сковороды не печатались при его жизни и, слѣдовательно, не могли вызвать печатной же критики. Въ силу этого, съ одной стороны, и въ силу ореола, которымъ была окружена его личность, съ другой, явилось у многихъ почитателей его благоговѣйное, хотя далеко не всегда сознательное, отношеніе къ его идеямъ и трудамъ, желаніе хранить эти послѣдніе, какъ драгоцѣнность, какъ источникъ мудрости, какъ дань уваженія къ своему родному философу". Любопытнымъ доказательствомъ такого благоговѣйнаго отношенія къ сочиненіямъ Сковороды, характернымъ примѣромъ впечатлѣнія, которое они производили на современниковъ, можетъ служить надпись, найденная нами на одной изъ его рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ; она тѣмъ болѣе любопытна, что имѣетъ точную хронологическую дату—1797 г. (прошло, слѣдовательно, всего 3 года со дня смерти Сковороды). Рукопись эта—автографъ Сковороды и заключаетъ въ себѣ одинъ изъ самыхъ критическихъ трактатовъ его—*Потокъ Зміинъ*. Въ концѣ ея на чистой страницѣ мы находимъ слѣдующую приписку, написанную другимъ почеркомъ: „О мужъ, умудренный свыше! Великое заслужилъ благодареніе! Но къ понятію ученія, тобою открытаго, потребенъ умъ небесный и животъ смерти не ожидающій. Вся духъ. Вся животъ. Вся Божественная и чувственности непричастная. Не трудно вѣрить, естли въ точности міра сокровеннаго всѣ начала открыть. Благодарю за одолженіе... Аще не все сокровище ощутихъ, но крупицы златыхъ веществъ блещутъ въ глубокомъ положеніи. Декабря 16 дня 1797 году. Нижайшій слуга подвижникъ въ напастѣхъ или паче искушеніяхъ извѣстный... Къ какому званію сословію и состоянію принадлежитъ авторъ этой приписки, съ точностью сказать нельзя, но можно догадываться, что это былъ монахъ; во всякомъ случаѣ, хотя онъ сознался, что не все уразумѣлъ, однако основную мысль сочиненія онъ усвоилъ вполнѣ (истинная жизнь есть жизнь духа).

Спрашивается теперь: въ чемъ заключалась сущность идейной проповѣди Сковороды, ея вліянія на современное ему общество. Намъ кажется, что мы едва ли ошибемся, если выразимъ ее въ двухъ основныхъ положеніяхъ: съ одной стороны, Сковорода пробуждалъ критическую мысль своихъ современниковъ, съ другой—настойчиво проводилъ въ обществѣ нравственный идеалъ. Правда, его критика была направлена исключительно на библейскіе тексты и вовсе, можно сказать, не затрагивала другихъ интересовъ тогдашняго общества—политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ. Сковорода отмежевалъ себѣ извѣстную сферу жизни—религіозную и въ ней одной почти замкнулся (говоримъ *почти*, потому что по связи съ религіей онъ касается и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, напримѣръ, воспитанія). Но не слѣдуетъ забывать, что эта религіозная сфера имѣла первенствующее значеніе въ тогдашней культурной жизни. При томъ, богословіе Сковороды, какъ мы видѣли, отличалось, во 1-хъ, очень универсальнымъ характеромъ, а, во 2-хъ, тѣснымъ органическимъ образомъ было связано съ философіей т. е. наукой. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, не правъ новѣйшій рецензентъ [1]) сочиненій Сковороды, утверждающій, что внутреннее содержаніе ихъ не имѣло особеннаго, важнаго значенія. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только стать на историческую точку зрѣнія (обязательную въ данномъ случаѣ), стоитъ только вспомнить, какое огромное значеніе имѣли во *всемъ* слободскоукраинскомъ обществѣ XVIII в. (какъ духовномъ, такъ и *свѣтскомъ*) религіозные интересы, какъ тѣсно связаны они были съ просвѣщеніемъ, начальнымъ народнымъ образованіемъ и дѣлами благотворительности. И вотъ Сковорода является со своимъ *новымъ словомъ* въ этихъ именно религіозныхъ вопросахъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе, вноситъ критическій духъ въ изученіе и пониманіе основного источника Богопознанія Библіи, другими словами является въ извѣстномъ смыслѣ этого слова *религіознымъ реформ*-

[1]) Вѣстникъ Европы, 1895, январь; тоже самое нужно сказать и о статьѣ г. Никольскаго „Украинскій Сократъ" (Ист. Вѣст. 1895, № 4).

маторомъ; ему были присущи нѣкоторыя черты, свойственныя религіознымъ реформаторамъ вообще. Самъ онъ лично, несомнѣнно, шелъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда внѣшнимъ, обрядовымъ отношеніемъ къ православной вѣрѣ и весьма замѣтно уклонился въ сторону *чисто духовнаго* пониманія христіанства. Но этого мало: если бы онъ остановился на этомъ, онъ остался бы только *религіознымъ мыслителемъ*; а между тѣмъ онъ *сознательно* стремился къ *проповѣди* своего ученія, къ живой и дѣятельной его пропагандѣ, какъ посредствомъ устныхъ бесѣдъ, такъ и посредствомъ сочиненій и писемъ. Такимъ образомъ, благодаря этому, ему удалось создать *историческую обстановку* для своего ученія—найти послѣдователей, выдерживать нападки оппозиціи и, наконецъ, оставить свое духовное наслѣдіе ученикамъ и почитателямъ. Прежніе изслѣдователи преимущественно придавали значеніе этической сторонѣ въ проповѣди Сковороды; теперь, познакомившись съ его сочиненіями, мы убѣждаемся, что самъ онъ ставилъ на первый планъ умозрительную часть своей философіи; такое мѣсто она занимаетъ у него и въ дѣйствительности. Вотъ съ такой-то двухсторонней проповѣдью (умозрительнаго и этическаго характера) онъ обращался къ представителямъ всѣхъ классовъ слободско-украинскаго общества—и къ духовенству (черному и бѣлому), и къ дворянству, и къ городскому сословію, и къ козачеству, и къ крестьянству.

Связи его съ духовенствомъ были весьма прочны: можно сказать, что это была та общественная группа, къ которой у него было наиболѣе тяготѣнія, съ представителями которой онъ чувствовалъ себя лучше всего, какъ будто въ собственной семьѣ. Хотя самъ Сковорода былъ козацкій сынъ, вышелъ изъ козацкаго сословія, но по воспитанію своему онъ совершенно сроднился съ духовенствомъ: сюда ввело его пребываніе въ кіевской духовной академіи и послѣдующая педагогическая дѣятельность въ переяславскомъ и харьковскомъ духовномъ коллегіумахъ. Характерно въ этомъ отношеніи и то, что нѣкоторые изслѣдователи даже считали его сыномъ священника. Не менѣе характерны настойчивыя просьбы со стороны его друзей-монаховъ

о принятіи имъ монашества; очевидно, что его считали вполнѣ подходящимъ кандидатомъ на какую либо изъ церковно-іерархическихъ должностей. Да это и понятно; не нося монашескаго клобука, онъ *по жизни* своей былъ болѣе монахъ, чѣмъ настоящіе монахи. Живя въ мірѣ, онъ, можно сказать, вполнѣ удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя составляли основу монастырской жизни (полная нестяжательность, постъ, умерщвленіе плоти, удаленіе отъ женщинъ, молитва, благочестивыя размышленія, проповѣдь чистой любви къ Богу, матеріальная и нравственная помощь ближнему). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить характеристику его образа жизни въ бытность преподавателемъ харьковскаго коллегіума, какъ ее изображаетъ Ковалинскій, и затѣмъ обратить вниманіе на дополнительный матеріалъ, доставляемый самимъ Сковородой въ его латинскихъ письмахъ къ тому же Ковалинскому. Тутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ является передъ нами даже какъ будто съ чертами монаховъ аскетовъ, вооружаясь, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи противъ трехъ враговъ христіанина— свѣта, женщины и діавола [1]) (въ дѣйствительности, впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ не былъ аскетомъ). Монастыри вообще привлекали его къ себѣ, въ особенности такіе, въ которыхъ онъ находилъ расположенныхъ или сочувствующихъ себѣ настоятелей и монаховъ. Послѣ изгнанія своего изъ переяславскаго коллегіума, онъ, напримѣръ, охотно ѣдетъ съ пріятелемъ своимъ Калиграфомъ (отправлявшимся въ московскую академію проповѣдникомъ) въ Троицко-Сергіевскую лавру и тамъ пользуется дружбою настоятеля ея Кирилла, отличавшагося глубокою ученостью и бывшаго впослѣдствіи черниговскимъ епископомъ. Такъ разсказываетъ Ковалинскій [2]). Мы къ этому прибавимъ, что этотъ Кириллъ былъ землякъ Григорія Саввича; онъ былъ сынъ сотеннаго писаря Александра Ляшевецкаго, впослѣдствіи священника села Глинскаго; слѣдовательно, подобно Сковородѣ, также происходилъ изъ козацкаго званія. Вообще слѣдуетъ за-

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, отд. 1-е, стр. 93.

[2]) Ibidem, стр. 5.

мѣтить, что въ старой Малороссіи и слободской украйнѣ въ духовное званіе поступали очень часто представители свѣтскаго общества (изъ рядовъ козацкой старшины и простаго козачества). Духовенство не было обособлено тогда такъ, какъ теперь; можно сказать, что ряды его замѣтно пополнялись лицами, вышедшими изъ свѣтскаго общества. Такимъ образомъ, и на Сковороду не смотрѣли, какъ на homo novus, какъ на представителя другой среды. Кириллъ Ляшевецкій, по окончаніи курса въ кіевской духовной академіи, сдѣлался первымъ наставникомъ, префектомъ и ректоромъ Сергіевской семинаріи; сюда въ семинарію, онъ, очевидно, приглашалъ въ качествѣ наставника и Сковороду. Въ 1761 г. онъ занялъ епископскую каѳедру въ Черниговѣ, а умирая, оставилъ библіотеку изъ 555 книгъ на русскомъ и 380 на иностранныхъ языкахъ [1]). Сковороду всячески хотѣли оставить на постоянное жительство въ самой замѣчательной обители Московской Руси. По всей вѣроятности, къ этому Кириллу адресовано и напечатанное нами подъ № 15 письмо на латинскомъ языкѣ съ обращеніемъ γνήσις amice, jucundissime Cyrille!", посвященное духовному пониманію христіанства. Оно весьма характерно, ибо свидѣтельствуетъ о томъ, что Сковорода не стѣснялся излагать свои идеи, далеко не сходныя съ господствующими взглядами, и передъ такими высокостоящими въ церковной іерархіи личностями, какъ намѣстникъ Троицко-Сергіевской лавры. Достаточно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ, чтобы искать Бога не въ однихъ храмахъ, а и внутри себя, чтобы проникать въ сокровенный смыслъ таинствъ. И любопытно, что Кириллъ поддерживалъ переписку со Сковородой, считалъ его своимъ другомъ, желалъ имѣть его у себя преподавателемъ. Онъ уважалъ Сковородинскую ученость, и это уваженіе, и эта дружба, конечно, были хорошо извѣстны лаврскимъ монахамъ, передъ которыми Сковорода также, очевидно,

---

[1]) Такъ говоритъ арх. Филаретъ (Ист. Стат. опис. Черн. еп., кн. V—стр. 99—101. Но Аскоченскій нѣсколько расходится съ пр. Филаретомъ и утверждаетъ, что Кириллъ былъ преподавателемъ духовной академіи, за тѣмъ префектомъ въ ней и только потомъ уже сдѣлался намѣстникомъ лавры (Кіевъ съ древн. его учил. ч. 2-я, стр. 126).

не скрывалъ (это не было въ его натурѣ) своихъ воззрѣній. Проживая въ лаврѣ, Сковорода предавался тутъ своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, на это намекаетъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Ковалинскому: посылая ему свою латинскую эпиграмму (о томъ, что музы не должны служить Венерѣ), онъ прибавляетъ, что читалъ подобную среди греческихъ эпиграммъ, проживая въ Троицко-Сергіевской обители [1]). Уходя изъ лавры, Сковорода оставилъ тамъ по себѣ память, какъ ученый и другъ Кирилла [2]). Вообще нужно сказать, что Сковороду уважали и цѣнили найболѣе образованные и ученые представители церковной іерархіи. Такъ, извѣстно, что преподавателемъ въ харьковскій коллегіумъ его первоначально назначилъ, по рекомендаціи бывшаго переяславскаго игумена Гервасія Якубовича, епископъ бѣлгородскій Іоасафъ Миткевичъ. „Іоасафъ, говоритъ Ковалинскій, пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 года [3])“. Епископъ Іоасафъ Миткевичъ до 1748 г. былъ преподавателемъ новгородской семинаріи, а потомъ ректоромъ въ ней, архимандритомъ Хутынскаго монастыря и епископомъ Бѣлгородскимъ [4]). О добрыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между преосвященнымъ и Сковородой, свидѣтельствуетъ стихотвореніе этого послѣдняго (въ садѣ Божественныхъ пѣсней) [5]) на память о посѣщеніи этимъ епископомъ харьковскаго коллегіума. Очевидно, Сковорода считалъ его образцовымъ духовнымъ пастыремъ, ибо обращается къ нему между прочимъ съ такими выраженіями:

Пастырь нашъ! Образъ Христовъ,
Тихъ, благъ, кротокъ, милосердый,

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, отд. 1-е, стр. 99.
[2]) Ibidem, стр. 5.
[3]) Ibidem, стр. 9.
[4]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. училищемъ, II, стр. 127—128.
[5]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 2-е отд., стр. 281—282.

Зерцало чистое добротъ!..
Ты садъ напой, сей святый садъ,
Токомъ водъ благочестивыхъ
Зъ самыхъ апостольскихъ ключей.
Не допусти ересей ядъ.

Не листъ на немъ (на деревѣ) будетъ пустой
Лицемѣрно льстящъ, но вскорѣ
Весь плодъ духовный принесетъ
Вѣру, миръ, радость, кротость, любовь
И иный весь святый родъ таковъ.

Затѣмъ далѣе pro memoria прибавлено: „сей архіерей родился близь Кіева, во градѣ Козельцѣ. Былъ пастырь просвѣщенъ, кротокъ, милосердъ, незлобивъ, правдолюбивъ, престолъ чувства, любве свѣтильникъ. Въ вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова и я, свято и благочестиво, три лѣта—1760-е и 1763-е и 1764-е, въ кое преставился отъ земли къ небеснымъ, былъ дѣлателемъ, удивлялся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу съ тайною моею любовію. Сего ради именемъ всѣхъ, любящихъ Бога и Божіи книги и Божія други во память его и во благодареніе ему, сему любезному другу Божію и человѣческому, якоже лепту, приношу сію пѣснь отъ мене, любитель священныя Библіи Григорій Вар-Сава Сковорода". По всей вѣроятности ему же посвящено еще и другое стихотвореніе Сковороды на латинскомъ языкѣ (In natalem Bilogrodensis episcopi)[1]), въ которомъ высказываются пожеланія долгой и счастливой жизни. Съ Гервасіемъ Якубовичемъ у Сковороды установились дружескія отношенія еще въ Переяславѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе Сковороды, носящее слѣдующее заглавіе: „Пѣснь отходная (25-я) отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ, изъ сего зерна *Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое, не дастъ во смятеніе ноги*[2]) *твоея*. Начинается она такъ:

Ѣдешь, хощешъ насъ оставить?
Ѣдь же веселъ, цѣлый, здравый!
Будь тебѣ вѣтры погодны,

[1]) Ibidem, стр. 297.
[2]) Ibidem, стр. 279.

Тихи, жарки, ни холодны:
Щастливъ тебѣ путь вездѣ отсель будь!

Путныи исчезнутъ страхи;
Спите подорожны прахи;
Скоропослушныи кони
Да несутъ, какъ по долони
Щастливымъ слѣдо́мъ, какъ гладенькимъ льдомъ.

Оканчивается же оно такъ:

Радуйся страна щастлива!
Пріимешъ мужа добротлива.
Брось завистливые нравы!
Вѣренъ есть его познавый...

Быть можетъ, и Гервасій Якубовичъ имѣлъ какія либо отношенія къ переяславскому коллегіуму, гдѣ преподавалъ Г. С. Сковорода. Во всякомъ случаѣ эти добрыя отношенія продолжались и въ новомъ мѣстѣ служенія Гервасія. Гервасій былъ очень близокъ къ епископу Іоасафу и, по словамъ Ковалинскаго, „представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше"—и „епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія". По окончаніи 1-го года преподаванія въ харьковскомъ коллегіумѣ, Сковорода пріѣзжаетъ на каникулы къ Іоасафу. Епископъ, желая навсегда удержать Сковороду при училищѣ, поручилъ Гервасію уговорить его принять монашество, обѣщая довести его скоро до сана высокаго духовенства". Гервасій сталъ убѣждать Сковороду, указывая на желаніе архіерея и на предстоящую ему честь и славу на этомъ поприщѣ. Но извѣстно, какъ рѣзко[1]) отвѣтилъ ему Сковорода, „возревновавъ по истинѣ". Гервасій упрашивалъ его принять монашество во имя дружбы ихъ, ради пользы церкви; но Сковорода остался непреклоненъ и, видя холодность къ себѣ Гервасія, попросилъ у него для себя благословенія и удалился изъ Бѣлгорода „въ пустыню" къ одному изъ пріятелей. Іоасафъ, которому Гервасій доложилъ о происшедшемъ, не разсердился на Сковороду, а только пожалѣлъ объ его отказѣ; очевидно, онъ понялъ его побужденія въ этомъ дѣлѣ. Мало того:

---

[1]) Развѣ вы хотите, сказалъ Сковорода, чтобъ и я умножилъ число фарисеевъ?... Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте", и затѣмъ изложилъ свой взглядъ на монашество.

не желая лишаться добросовѣстнаго и талантливаго преподавателя, дарованія котораго онъ сознавалъ во всей ихъ силѣ, Іоасафъ снова дружески предложилъ Сковородѣ мѣсто учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ—и тотъ его охотно принялъ. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Сковорода остался вѣренъ себѣ и своему характеру: онъ смѣло и рѣзко высказалъ свой взглядъ на современное ему монашество передъ представителями этого послѣдняго; его не остановили ни боязнь потерять мѣсто, ни дружба съ Гервасіемъ, который послѣ этого сдѣлался къ нему холоденъ; у него, очевидно, существовала потребность высказываться по поводу основныхъ вопросовъ церковной жизни и распространять свои идеи даже въ той самой средѣ, противъ консерватизма которой онъ вооружался; другими словами, мыслитель въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ, пропагандистомъ. Любопытна въ этомъ дѣлѣ еще одна подробность—однимъ изъ побужденій для Сковороды снова принять на себя учительскую должность въ Харьковѣ явилось желаніе воспитать въ своемъ духѣ новаго молодого друга, М. И. Ковалинскаго [1]).

Точно также прямо и откровенно высказывался Сковорода во время пребыванія своего въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, куда онъ поѣхалъ съ Ковалинскимъ. „Онъ былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и *побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества*“. Не ограничиваясь, впрочемъ, Ковалинскимъ, Сковорода велъ бесѣды и излагалъ свои возрѣнія и передъ многими другими. „*Многіе* изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту! пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо; ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители“. И что же отвѣтилъ имъ Сковорода? „Ахъ, преподобные, возразилъ онъ въ горячности, я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ, столбовъ не отесанныхъ въ храмѣ

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 12.

Божіемъ". Старцы замолчали, а Сковорода продолжалъ: „Риза! риза! Коль немногихъ ты опреподобила! Коль многихъ окаянствовала! Міръ ловитъ людей разными сѣтями, накрывая оныхъ богатствами, честьми, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею; но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастіе свое, не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней". Такъ разсказываетъ очевидецъ Ковалинскій, и такую именно рѣчь могъ и долженъ былъ произносить Сковорода; она точно выражаетъ его отношеніе къ монашеству и вполнѣ гармонируетъ съ общимъ его міровозрѣніемъ. Ставя чрезвычайно высоко древнее кіевское монашество, выказывая глубокое уваженіе къ тѣмъ подвижникамъ, мощи которыхъ лежали въ Печерской Лаврѣ, онъ относился отрицательно къ современному монашеству, потому что въ немъ было одно только наружное благочестіе, а онъ постоянно призывалъ всѣхъ ко внутреннему,—къ святости сердца. И его откровенное слово не могло пройти безслѣдно; оно должно было оказать извѣстное дѣйствіе на слушателей. И дѣйствительно, Ковалинскій разсказываетъ, что монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая такія рѣчи, а одинъ изъ нихъ попросилъ Сковороду и Ковалинскаго прогуляться съ ними за монастырь и тамъ, усадивши ихъ на горѣ надъ Днѣпромъ, обнялъ Сковороду и сказалъ: „О мудрый мужъ! Я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею, но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оный однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою; могу ли я?... Сковорода отвѣтилъ: отъ человѣка невозможно, отъ Бога же вся возможна суть [1])".

Въ 1766 году Сковорода снова занялся педагогической дѣятельностью въ харьковскомъ коллегіумѣ, состоявшемъ при харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, но на тотъ разъ преподавалъ обучавшимся здѣсь дворянскимъ дѣтямъ правила христіанскаго добронравія. Это открыло ему путь для широкой про-

---

[1]) Ibidem, стр. 21.

повѣди его оригинальныхъ идей. Мы имѣемъ полную возможность судить объ этихъ идеяхъ, потому что впослѣдствіи онъ написалъ сочиненіе („Начальная дверь ко христіанскому добронравію") [1]), въ которомъ, въ сжатой, конспективной формѣ, изложилъ свои лекціи. На этотъ разъ онъ вовсе отказался даже отъ платы за преподаваніе, полагая для себя достаточнымъ вознагражденіемъ сознаніе той пользы, которую будетъ приносить своими чтеніями слушателямъ [2]); столь сильна у него была потребность имѣть авдиторію для распространенія своихъ мыслей среди молодого поколѣнія!

Но и оставивъ учительскую должность, порвавъ связи съ монахами въ педагогической сферѣ, устроивъ себѣ окончательно страническій образъ жизни, Сковорода любилъ останавливаться въ монастыряхъ, находя тамъ для себя пріютъ и уединеніе и дружескую привязанность. Такъ, онъ еще разъ посѣтилъ Кіевъ и три мѣсяца прожилъ у своего родственника, настоятеля Китаевской пустыни, Іустина. Удалившись изъ Кіева, онъ поселился въ Ахтырскомъ монастырѣ у своего пріятеля архимандрита Венедикта; прекрасное мѣстоположеніе монастыря и расположеніе этого добродушнаго монаха дѣйствовали на него успокаивающимъ образомъ: тутъ онъ углублялся въ себя и предавался самопознанію [3]). По словамъ Ковалинскаго, онъ проживалъ въ слѣдующихъ монастыряхъ—старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ [4]), ахтырскомъ [5]), сумскомъ [6]), святогорскомъ [7]) сеннянскомъ [8]) и, прибавимъ отъ себя, куряжскомъ [9]),

[1]) Ibidem, 2-е отд. стр. 183—192.

[2]) Ibidem, 1-е отд., стр. 24.

[3]) Ibidem, стр. 27—28.

[4]) При немъ возникъ коллегіумъ.

[5]) Ахтырскій Троицкій монастырь въ 4-хъ верстахъ отъ г. Ахтырки (уѣздный городъ харьк. губ.); отличается своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи только Святогорской обители.

[6]) Нынѣ упраздненный; прежде находился недалеко отъ г. Сумъ.

[7]) И нынѣ существующій.

[8]) Упраздненный, нынѣ Сеннянскій Покровскій мон. въ 7 в. отъ б. города Сѣннаго въ богодуховскомъ уѣздѣ.

[9]) О пребываніи въ этомъ послѣднемъ говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. (Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд. стр. 103).

т. е. во всѣхъ важнѣйшихъ обителяхъ харьковской губ. Естественно, что пользуясь большимъ авторитетомъ въ глазахъ настоятоятелей и братіи и привыкнувъ всегда на всякомъ мѣстѣ высказывать свои убѣжденія, Сковорода велъ себя здѣсь такъ, какъ и въ Кіево-Печерской лаврѣ, т. е. говорилъ, что думалъ, поучалъ, проповѣдовалъ.

Съ бѣлымъ духовенствомъ у Сковороды также были постоянныя и дружескія знакомства и отношенія. Это былъ тотъ общественный слой, съ которымъ у Сковороды могло быть немало точекъ соприкосновенія. Подобно Сковородѣ, священники жили въ мірѣ, но должны были служить примѣромъ для свѣтскаго общества; это были наставники народа, руководители его въ дѣлѣ религіи и нравственности; та духовная школа, которую они проходили, должна была вызвать въ нихъ живой интересъ къ богословско-философскимъ вопросамъ, волновавшимъ Сковороду. Само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ имъ были доступны всѣ тонкости Сковородинской христіанской философіи; но были и такіе, которые усвояли и ихъ, а большинство во всякомъ случаѣ съ глубокимъ интересомъ слушало его живое устное слово, а потомъ переходило и къ рукописнымъ трудамъ, воспринимая изъ нихъ болѣе доступное и понятное. Священники были близки Сковородѣ и по своему образу жизни: извѣстно, что онъ не былъ и не хотѣлъ быть аскетомъ; вслѣдствіе этого его долженъ былъ болѣе всего привлекать къ себѣ простой, близкій къ народному, бытъ священниковъ, гдѣ подъ часъ находили себѣ мѣсто и пирушки, приправленныя домашнею наливкою и тихою назидательною бесѣдою. Ближе другихъ стоялъ къ Сковородѣ священникъ Іаковъ Правицкій. Къ счастію у насъ есть документальный матеріалъ для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній въ видѣ писемъ Григорія Саввича къ о. Іакову. Іаковъ Правицкій былъ священникомъ въ сел. Бабаяхъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова и принадлежавшихъ въ XVIII в. П. А. Щербинину. О. Іаковъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ со Сковородой: объ этомъ свидѣтельствуетъ дружескій тонъ ихъ переписки, встрѣчающіеся въ ней эпитеты, и, наконецъ, собственное признаніе

Сковороды. „У *друга нашего* Бабайскаго іерея Іяк. Правицкаго всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали". И дѣйствительно, І. Правицкій, какъ мы видѣли выше, старательно списывалъ для себя все то, что выходило изъ-подъ пера Г. С. Сковороды. Такимъ образомъ, о. Іаковъ былъ, очевидно, не только почитателемъ самого Сковороды, но и почитателемъ и читателемъ его сочиненій. Мы узнаемъ между прочимъ изъ ихъ переписки, что онъ выше другихъ ставилъ его „Марка препростаго". И конечно, вслѣдствіе этого Сковорода и посвятилъ ему одинъ изъ своихъ трактатовъ—„*Жену Лотову*", въ особомъ письмѣ, которое должно было явиться какъ бы предисловіемъ къ самому сочиненію. Посылая ему рукопись, онъ писалъ: „да наречется же сія книжечка—„Женою Лотовою"! Предисловіе же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо, о возлюбленный друже! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ привожду первому и тебѣ обручаю именемъ Господа нашего Іисуса Христа"... Сія книжечка учитъ: какъ ли читать подобаетъ священное письмо. Аще ли единъ глаголъ Божій уразумѣется, тогда весь храмъ Соломоновъ есть свѣтелъ. Въ примѣръ сему взялъ я сіе: „поминайте жену Лотову", и, толкуя сіе слово, возмутилъ всю священнаго писанія купѣль. Да уразумѣютъ спящіи на Библіи или, съ Павломъ сказать, „почивающіи на законѣ", яко не многочтеніе дѣлаетъ насъ мудрими, но многожваніе принудило сказать сіе: „какъ сей вѣсть книги не учився?" и да познаютъ, яко „единъ день въ тысящѣ" и вопреки 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ сокрывается... Все дастъ вкусъ свой, и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ, аще есмы отъ числа оныхъ! „Израиль толчаше манну въ ступахъ". Во блаженное число сихъ людей да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ, желаю". Для того, чтобы оцѣнить ту степень довѣрія, какую оказывалъ Сковорода къ Правицкому, слѣдуетъ вспомнить, что „Жена Лотова" посвящена критикѣ священнаго писанія и заключаетъ въ себѣ рядъ положеній, которыя не гармонируютъ со строго-ортодоксальнымъ направленіемъ религіозной мысли. И въ другихъ письмахъ Г. С. Сковорода излагалъ Правицкому свои задушевныя воззрѣнія и убѣж-

денія, которыя стояли въ органической связи съ основами его ученія, развитыми въ писаныхъ его сочиненіяхъ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ. Сказавъ, что Ковалинскій, вѣроятно, утонулъ въ глубочайшихъ волнахъ службы, Сковорода прибавляетъ: „о міръ, несчастнѣйшее море, кипящее страстями! Счастливъ, кто, подобно Петру, исторгается изъ этихъ волнъ! Поэтому станемъ избѣгать міра, оставаясь въ покойной гавани и всматриваясь въ коварства міра. Міръ есть алчность, честолюбіе, чувственное удовольствіе". Въ другомъ письмѣ онъ является преданнымъ сыномъ Христовой философіи. „Кто знаетъ Христа, говоритъ онъ, то не важно, если онъ прочаго не знаетъ; а кто Христа не знаетъ, то не важно, если онъ прочее знаетъ. Всѣ въ самихъ себѣ видятъ смерть, а мы воскресеніе. Что бо есть любезнѣе на небеси или на землѣ точію поучатися святынѣ? Въ сей единой да живу и умираю. По малу малу отходимъ отъ тѣни плотскія, яже есть блаженная и вседневная смерть, и приближаемся ко Господу, иже есть святыня, кефа и воскресеніе наше". Въ третьемъ онъ, поздравляя съ *новымъ* годомъ, призываетъ къ *возрожденію сердца*. „Аще кто не имѣетъ новаго сердца, говоритъ онъ, тому весь міръ есть ветха ветошь.—Аще чіе сердце мучится и страдаетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще чій духъ оледенѣлъ, тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый, тотъ весь вѣкъ безъ живота. О любезный мой друже Іакове! Изблюймо ветхій квасъ мырскій! Стяжимъ новое сердце! Облещимся во одежду новыя нетлѣнныя надежды, во утробу братолюбія! Тогда нами вся тварь просвѣтится, весь мыръ возыграетъ и воскачетъ. Буде намъ всякъ день великъ день, не зайдетъ солнце намъ и луна не оскудѣетъ намъ. Мы же наречемся языкъ святъ, люди обновленія. Благое сердце, любовь, Богъ, правды солнце, всю тварь весною новотворящее, есть тожде". Въ четвертомъ письмѣ, въ виду тяжкой болѣзни, постигшей Христину (жену Іакова), Сковорода утѣшаетъ своего друга и тутъ же излагаетъ свой взглядъ на смерть, вполнѣ гармонирующій съ тѣми воззрѣніями на этотъ предметъ, какія встрѣчаются въ его сочиненіяхъ. „Аще уже вста отъ одра, пишетъ онъ о

Іакову, любезная наша Христина, радуюся всѣхъ насъ ради. Аще же воскрылилася въ мыръ первородный, отнюду же пріиде въ нижній, радуюся ея ради, насъ же ради возмущюся, якоже оставляетъ насъ въ сей плачевной юдоли". Въ латинскихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ свящ. Правицкому, мы находимъ также мысли и сужденія, стоящія въ прямой органической связи съ извѣстнымъ уже намъ міросозерцаніемъ Сковороды. „Все проходитъ, говорится въ стихотвореніи; сердцемъ вѣченъ человѣкъ. Чистое сердце въ любви пребываетъ, а любовь въ немъ остается. Любовь—это Богъ; отсюда вѣченъ человѣкъ. О люди! Зачѣмъ вы удивляетесь океану, зачѣмъ звѣздамъ? Идите, къ себѣ вернитесь, себя познайте: довольно этого! Божественный голубь вѣщаетъ: все является изъ глубины возвышеннаго сердца, все послѣ смерти вновь получаетъ начало. Такъ зерно вновь обращается въ солому; такъ оно скрывается въ землѣ. Чего ты боишься смерти?" Въ другомъ стихотвореніи читаемъ: „Все проходитъ, но любовь остается послѣ всего; все проходитъ, но не Богъ и не любовь. Все—вода. Друзья! Зачѣмъ вы надѣетесь на воды? Все—вода, но гавань будетъ другомъ. На этомъ камнѣ основана вся церковь Христова. Да будетъ она намъ и камнемъ, и скалою". Григорій Саввичъ обращался впрочемъ во всѣхъ этихъ письмахъ не къ одному І. Правицкому, а къ цѣлому кружку его добрыхъ знакомыхъ, сочувственно и доброжелательно относившихся къ ихъ общему пріятелю „старчику Сковородѣ". Кружокъ этотъ состоялъ въ дружеской перепискѣ и съ ученикомъ Сковороды М. И. Ковалинскимъ. „Что не пишетъ ли чего Михайло ко мнѣ? спрашивалъ Сковорода у Правицкаго. „Что замолчалъ *нашъ* Михаилъ? И не пишетъ, и не присылаетъ ни очковъ, ни скрыпочки", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. „Сыръ *нашего* Михайла гдѣ то застрялъ, очки которыя мнѣ не по глазамъ, я подарилъ Іосифу. Въ обоихъ письмахъ онъ обѣщаетъ большую флейту. Когда она будетъ—мнѣ неизвѣстно. О еслибы помимо всего остальнаго онъ самъ вернулся къ намъ!... О несчастный человѣкъ! Онъ потерялъ единственнаго семилѣтняго сына... Посмотри, какъ міръ въ началѣ льститъ, а подъ конецъ терзаетъ, точно

тигръ. Дорога міра мнится человѣку блага быти“, читаемъ мы въ 3-мъ письмѣ. Г. С. Сковорода всегда въ своихъ письмахъ къ Правицкому передавалъ привѣтствія ихъ общимъ друзьямъ—священникамъ сосѣднихъ селеній. „Отцу Василію, отцу Еустаѳію, отцу Гуслистѣ отъ мене лобызаніе искреннее. О Наеманъ, (Наеманъ Петровичъ—повидимому священникъ сосѣдняго сел. Жихоря), и тебе, друже мой, тутъ же духомъ истины лобызаю, да пребудете вы мнѣ и я вамъ во вѣки искреннимъ почитателемъ и другомъ“,—съ такимъ привѣтствіемъ обращается Григорій Саввичъ къ своимъ друзьямъ. „Наеману Петровичу миръ и благословеніе и всѣмъ собратіямъ нашимъ іереямъ. Цѣлуйте также духовную матерь мою игуменью Марѳу. Писать облѣнился къ ней. Богъ мира да будетъ со всѣми нами. Аминь, Тебѣ и всѣмъ вамъ, истинный и неязыкольстивый другъ“; въ другомъ письмѣ Сковорода подписался такъ: всѣхъ васъ во Христѣ братъ“. „Христосъ воскресе! Друже Наемане! Да вкусиши и ты сота воскресенія и всѣ ангелы его, всѣ! Жихорайскій съ Бабаевскимъ и съ Воскресенскимъ, со всѣмъ клиромъ своимъ“—такъ привѣтствуетъ Сковорода своихъ друзей на праздникъ Пасху. Вообще у него существовала сильная, можно сказать, непреодолимая потребность духовнаго единенія съ о. Іаковомъ и его друзьями. Вотъ любопытное признаніе самого Сковороды. „Ни старостна лѣность, ни мракъ, ни хладъ зимній, ни неисправное перо со черниломъ, не могло мене удержать, чтобы не ублажить (gratulor, soluto, graece μακαρίζω) тебе въ новый сей годъ. Радуйся въ новый годъ! Да радуется и весь домъ твой и вся, елика суть твоя! Да радуется (имя стерто) и Еустафій, и Іоаннъ съ Наеманомъ. Да возвеселятся Бабаи со всѣми своими отраслями, селами! Да возрадуются и горы ваши и рѣки да восплещутъ руками! Да обновляется и вся тварь, обстоящая васъ. Молюся“. И затѣмъ слѣдуетъ аллегорическое толкованіе Новаго года (какъ новаго сердца). О. Іаковъ и его друзья, сосѣдніе священники, были друзьями и братьями Сковороды „во Господѣ“ (какъ онъ самъ выражается), т. е. по духу, по внутреннему родству; они раздѣляли, слѣдовательно, его убѣжденія, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, въ

нѣкоторыхъ положеніяхъ. И самъ Г. С. Сковорода отчасти намекаетъ на это, говоря, что одно письмо о. Іакова сильно порадовало его своимъ христіанскимъ духомъ. „Обрадовало душу мою любезное письмо твое, дышущее любовію и миромъ Христовымъ. Сей есть союзъ совершенства". Но не всегда между Сковородой и Правицкимъ съ его кружкомъ существовало единеніе мыслей; подъ часъ, очевидно, Сковорода высказывалъ передъ этими іереями такія положенія, которыя смущали ихъ и вызывали оппозицію съ ихъ стороны. Сковорода въ такихъ случаяхъ не уступалъ, дѣлался рѣзокъ; въ результатѣ являлись размолвки, объ одной изъ которыхъ даетъ понятіе слѣдующее письмо Сковороды. „Возлюбленный во Христѣ братъ Іаковъ. Да будетъ съ тобою тотъ миръ, который превыше всякаго разума. Прости меня, если я тебя въ чемъ оскорбилъ, когда гостилъ у васъ. Ты знаешь, что я вспыльчивъ, но знаешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что я отъ природы кротокъ и человѣченъ, а кротость главное достоинство человѣка. Добрый, т. е. истинный человѣкъ, всегда являетъ доброе изъ сокровищницы добраго сердца. Несмотря на это, многіе изъ моихъ друзей готовы сейчасъ же язвить меня, какъ только я вздумаю смягчить ихъ бѣшенство, и не думаютъ, что я дѣлаю это изъ пріязни къ нимъ, ибо искренно человѣческое серце и умъ отнюдь не можетъ желать людямъ злого. Также и я, если случайно когда разгорячусь или надоѣмъ, то это дѣлаю не изъ зложелательства, но *потому, что по правдивости своей считаю грѣшнымъ согласиться съ ложью или бороться противъ истины*: какъ лѣченье бываетъ не всегда пріятно, такъ и истина часто бываетъ тягостна. И никто не можетъ постоянно соединять полезное съ пріятнымъ; но забудемъ взаимныя обиды и примиримся. Подчеркнутая мною фраза не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о какихъ либо личныхъ пререкаліяхъ и ссорахъ, а о разногласіи мнѣній, при чемъ Сковорода, по правдивости своей, не стѣснялся откровенно передъ друзьями своими высказывать такія мысли, которыя имъ не нравились. Эту черту Сковороды мы уже отмѣтили выше со словъ Ковалинскаго; теперь же только прибавимъ, что къ этому приводилъ его и сильно развитой у

него духъ прозелитизма: глубоко продумавъ свою религіозно философскую систему, онъ еще укрѣпилъ ее въ себѣ чувствомъ; и понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, у него являлось страстное желаніе распространять ее въ обществѣ. Вотъ почему онъ такъ стремился пріобрѣтать себѣ друзей, хотя дѣлалъ это съ большимъ разборомъ, руководствуясь при выборѣ ихъ преимущественно своимъ личнымъ впечатлѣніемъ, тѣмъ внутреннимъ голосомъ, къ которому онъ постоянно прислушивался и который его почти никогда не обманывалъ.

Мы объяснили размолвку Сковороды съ Правицкимъ тѣмъ, что они не сошлись во взглядахъ на извѣстные религіозно-философскіе вопросы. Подтвержденіемъ этого можетъ служить другой аналогичный случай, съ подобною же подкладкой. О. Іакову Правицкому до такой степени пришелся не по мысли трактать его пріятеля *„Израильскій Змій“*, что онъ отказался отъ списка его, сдѣланнаго собственноручно Григоріемъ Савичемъ. Такъ говоритъ этотъ послѣдній въ писмѣ къ М. И. Ковалинскому. „Іаковъ мой къ сей моей дщерѣ простудился (остылъ), замаравъ въ ней и мое и кому поднесена имя (а она поднесена Тевяшову). Откуду сіе? Не вѣмъ. Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сей для него списанный списокъ. Уживай лутче его себѣ сію твоего Лиценціата душу“ [1]). Сковорода заявляетъ (и по всей вѣроятности совершено искренно), что онъ не знаетъ, почему охладѣлъ Правицкій къ этому трактату; но мы теперь, принимая во вниманіе его содержаніе и имѣя свѣдѣніе о томъ, что Правицкій зачеркнулъ въ рукописи и имя автора ея, и фамилію Тевяшова, можемъ указать эту причину: Бабаевскій священникъ испугался нѣкоторыхъ смѣлыхъ взглядовъ и рѣзкихъ выраженій въ немъ и потомъ „простудился къ этой дщери“ своего друга. А другу, при его искреннемъ убѣжденіи въ истинѣ и пользѣ проводимыхъ имъ взглядовъ, и въ голову не могли прійти цензурныя соображенія, такъ какъ друзьямъ онъ привыкъ открывать всѣ свои задушевныя мысли. Впрочемъ, и это охлажденіе было временное, и скоро между

---

1) Молодыкъ на 1844-й годъ, стр. 232.

друзьями снова установились прежнія отношенія. Письмо Сковороды къ Ковалинскому относится къ 1790 году, а мы имѣемъ другое письмо его 1792 г. (5 января), въ которомъ онъ писалъ: „возлюбленный друже и брате во Христѣ Іакове! Радуйся съ любезною Христиною и со чады въ новый сей годъ! О Боже! Ей! Мнѣ давно скучно, что съ вами не бесѣдую. Аще въ сію зиму или весну не совлеку моего тѣлеснаго бреннаго линовища (exuvium), потщуся видѣти васъ и насладитися бесѣдою во Христѣ, иже мя вѣсть и азъ его... Нынѣ же голубиными любви крилами васъ посѣщаю. Прости, любезный, что на твое и на твоего чада письмо не отвѣтствовалъ. Сердце во истину желаетъ, но старость и лѣность есть студенокровна. Пишу видь къ вамъ, обаче боленъ. Благословенъ Богъ мой. Егда немоществую, тогда силенъ есмь съ Павломъ. Болѣзнь моя есть старость, токъ кровный и огневица, не столь изъ невоздержныя, какъ изъ несродныя пищи. Шуія часть моя угризаетъ мя, а часть благая во бокахъ дому моего, Сарра моя, поглождаетъ... О discors—concordia rerum! Удивися разумъ твой отъ мене. Пришли, друже, Златоустаго рѣчь о томъ, что человѣкъ есть всея библіи конецъ и центръ и гавань. Онъ жертва, алтарь, Ѳиміамъ и вся протчая... Нынѣ васъ поручаю съ возлюбленною Христиною и со чадами Богу Авраамію и пребываю, любезный друже, вамъ всеусерднымъ старчикъ Григ. Сковорода. Изъ этого письма ясно видно, что Сковорода и Правицкій оставались друзьями по духу и братьями во Христѣ". Не только самъ Правицкій писалъ письма къ Сковородѣ, а и его сынъ, воспитанный, очевидно, отцомъ въ уваженіи къ старчику Варсавѣ. Не даромъ и этотъ послѣдній проситъ у о. Іакова сочиненія Іоанна Златоустаго; это также указываетъ на сходство ихъ литературныхъ вкусовъ: Правицкій имѣлъ у себя въ библіотекѣ труды этого церковнаго писателя, котораго особенно уважалъ и любилъ Сковорода. Самъ Сковорода объясняетъ намъ, почему ему такъ сильно хотѣлось видѣться съ Правицкимъ — *онъ желалъ насладиться съ нимъ бесѣдою во Христѣ*, и самое содержаніе его письма (о противоположности плоти и духа) на-

ходится въ полномъ соотвѣтствіи съ основною мыслью его богословско-философской системы.

Въ такомъ родѣ, очевидно, были отношенія Сковороды и къ другимъ его пріятелямъ изъ среды бѣлаго духовенства, хотя о нихъ мы не имѣемъ уже подробныхъ данныхъ. Здѣсь намъ слѣдуетъ назвать свящ. Ѳ. Залѣсскаго, который переписывался со Сковородой и у котораго было собраніе его сочиненій. Объ этой перепискѣ свидѣтельствуетъ письмо его сына къ Изм. Иван. Срезневскому, напечатавшему недавно передъ тѣмъ въ „Утренней звѣздѣ“ свои „отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ“. Извѣстно [1]), какъ Из. Ив. Срезневскій интересовался личностью Г. С. Сковороды; извѣстно, какъ добросовѣстно онъ собиралъ о немъ всякіе матеріалы и живыя преданія. И вотъ, въ числѣ другихъ лицъ онъ обратился между прочимъ въ 1836 г. и къ священнику Михаилу Залѣсскому, отецъ котораго былъ искреннимъ почитателемъ украинскаго философа. Въ отвѣтъ на это письмо Мих. Залѣсскій прислалъ нѣчто въ родѣ своихъ воспоминаній о Сковородѣ; на разборѣ ихъ мы остановимся еще впослѣдствіи, а теперь приведемъ только начало. „Прочитавши почтеннѣйшее письмо ваше, пишетъ о. Мих. Залѣсскій, 13 числа сего мая мною полученное, сейчасъ бросился прочитать въ „Утренней звѣздѣ“ отрывки о Сковородѣ, потомъ цѣлый день рылся въ письмахъ отца моего, зная одно къ нему письмо его по надписи на латинскомъ языкѣ Grigorius Var Savin, Григорій сынъ Савинъ Сковорода (въ коемъ разсуждалъ что то о священномъ писаніи), не сыщу ли онаго или другихъ его же пера, но къ сожалѣнію не сыскалъ никакого [2])“. Изъ дальнѣйшаго содержанія письма оказывается, что знакомство Сковороды съ Залѣсскимъ началось еще со времени пребыванія обоихъ ихъ въ Кіевѣ, въ Духовной Академіи. Сковорода, говоритъ Залѣсскій-сынъ, знакомъ былъ съ отцомъ моимъ еще въ Кіевѣ, почему весьма часто изъ Рябушекъ (селенія, гдѣ гостилъ у

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 129—130.

[2]) Письмо о. Мих. Залѣсскаго къ Изм. Ив. Срезневскому 1836 г 15 мая изъ Лебедина; оно не было напечатано; за присылку приносимъ сердечную благодарность Вс. Изм. Срезневскому.

мѣстныхъ помѣщиковъ Красовскихъ) посѣщалъ моего отца и иногда гостилъ по мѣсяцу, ибо отецъ мой познакомилъ его и съ Красовскими... Отецъ мой разсказывалъ мнѣ про него, что онъ былъ по лѣтамъ, ученія своего сотоварищъ бывшему кіевскому митрополиту Самуилу (Миславскому), у коего отецъ мой въ тоже самое время, когда Самуилъ былъ еще архимандритомъ и преподавалъ въ академіи богословіе, былъ домовымъ писцомъ и академическимъ письмоводителемъ, что Самуилъ, будучи уже митрополитомъ, писалъ къ Сковородѣ письма, приглашая его къ себѣ, чтобъ жить съ нимъ, какъ съ другомъ вмѣстѣ, но онъ отвергъ его прошеніе гордымъ и грубымъ отвѣтомъ". Можно предполагать, что гордый и грубый отвѣтъ Сковороды на приглашеніе Самуила Миславскаго (если таковое дѣйствительно имѣло мѣсто) состоялъ просто въ рѣшительномъ отказѣ его принять монашество. Такимъ образомъ, и тутъ Сковорода остался вѣренъ себѣ, своимъ взглядамъ. Отвѣчая категорическимъ отказомъ, онъ не боялся оскорбить высокаго іерарха, ибо обращался въ лицѣ его къ своему однокашнику, товарищу по академіи, можно сказать, другу юности, но само собою разумѣется, что постороннимъ его отвѣтъ могъ показаться и гордымъ. Какъ бы то ни было, о. Ѳед. Залѣсскій, очевидно, очень уважалъ своего стараго друга Григорія Саввича, принималъ его у себя, велъ, конечно, бесѣды о христіанской философіи и съ 1762—1763 года сталъ собирать его сочиненія. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что среди нихъ мы встрѣчаемъ и такое критическое сочиненіе, какъ „*Израильскій змій*". Быть можетъ, собирателю принадлежитъ и стихотворная приписка на обложкѣ, взятая изъ сочиненія Сковороды „Борьба архистратига Михаила съ сатаною". У Хиждеу напечатанъ отрывокъ одного письма Сковороды къ свящ. о. Ѳедору Залѣсскому слѣдующаго содержанія: „Согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, и не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, коль Минерва моя не велѣла бы мнѣ говорить и, коль наболталъ много, amore recipiendum est, quod amore donatur. А

любо бы тебѣ узнать, кто моя Минерва и отколь взялъ ее? Прочитай, когда на память не заучилъ, что Цицеронъ говоритъ: nec vero ille artifex, cum faceret formam Minervae, contemplabatur aliquam, e qua similitudinem duceret, sed ipsius in mente insidebat species pulchritudinis eximia, quam intuens in eaque defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat“ [1]). Мы думаемъ, что слогъ этого письма подправленъ, но что оно все таки принадлежитъ Сковородѣ. Въ пользу подлинности его говорятъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія соображенія: 1) то, что Сковорода велъ переписку съ о. Ѳед. Залѣсскимъ; 2) самое *содержаніе* письма: Сковорода любилъ говорить о Минервѣ и представлялъ ее именно такъ, какъ она изображена здѣсь у него словами Цицерона; 3) дата его: оно написано въ Обуховкѣ, въ 1763 г., 10 декабря; а извѣстно, что именно въ это время Ѳед. Залѣсскій сталъ собирать творенія Сковороды.

Этими лицами однако далеко не исчерпывался кругъ сношеній Сковороды съ бѣлымъ духовенствомъ; было, очевидно, множество другихъ священниковъ, съ которыми онъ также былъ въ перепискѣ или въ личныхъ дружественныхъ связяхъ. Въ пользу такого предположенія говорятъ апріорныя соображенія—широкая популярность Сковороды въ Украйнѣ, какъ философа, странника и чудака, еще болѣе возраставшая отъ того, что въ немъ, въ его лицѣ сосредоточивались, главнымъ образомъ, всѣ высшіе, духовные интересы того времени; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и апостеріорныя данныя—отрывочныя указанія на дружескую переписку и личныя отношенія съ нѣкоторыми духовными особами; такъ напримѣръ, когда онъ былъ еще преподавателемъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, то у него былъ другъ, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ, какой то священникъ о. *Борисъ*. У этого о. Бориса жилъ на квартирѣ Ковалинскій, и Сковорода въ одномъ письмѣ изъ Бѣлгорода къ этому послѣднему прямо говоритъ: „haec praeter hospitem tuum p. Borissum nemini vulgabis. Scis enim invidiosissimum esse ac mendacissimum vulgus homimum“ [2]). Изъ цитированнаго нами выше письма свящ. Мих.

[1]) Телескопъ, 1835, ч. XXVI, стр. 154.

[2]) Соч. Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 58.

Залѣсскаго къ Изм. Ив. Срезневскому видно, что Сковорода велъ переписку и съ преподавателями бѣлгородской семинаріи и, что самое важное для насъ, опять таки излагалъ тутъ не стѣсняясь свои взгляды на вопросы религіи, хотя эти взгляды шли въ разрѣзъ съ общепринятыми въ церкви мнѣніями. „Я, пишетъ о. Михаилъ, продолжая въ Бѣлгородѣ съ 1790 по 1798-й годъ ученіе, читалъ его, Сковороды, нѣкоторыя письма на латинскимъ языкѣ къ тамошнимъ протоіереямъ, каѳедральному отцу Іоанну *Ильинскому* и префекту семинаріи и учителю богословія Ивану Трофимовичу *Савченкову*. Сей Савченковъ намъ, ученикамъ своимъ, читалъ оныя письма и однажды публично въ классѣ съ сожалѣніемъ, что Сковорода подъ старость (ибо тогда еще живъ онъ былъ) впалъ въ заблужденіе, явно не хранилъ ни постовъ, ни обрядовъ христіанскихъ, не ходилъ въ церковь, а наконецъ и не пріобщался, и когда ему при смерти его предложили пріобщиться Таинъ, онъ не захотѣлъ, сказывая, что это не нужно для него. Въ письмахъ тѣхъ къ Савченкову и Ильинскому называлъ онъ посты и таинства хвостами, кои должно отъ вѣры отсѣчь. Это свидѣтельство чрезвычайно важно, но оно требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ и поясненій. Мы не сомнѣваемся, что Сковорода писалъ такія письма названнымъ выше лицамъ, ибо въ томъ, что говоритъ о. Мих. Залѣскій, мы видимъ не только мысли Сковороды, но и его любимое выраженіе—что обряды есть нѣчто второстепенное въ религіи—не глава, а хвостъ; едва ли только онъ говорилъ о необходимости отсѣченія этого хвоста [1]); тутъ, очевидно, Мих. Залѣсскій или не понялъ подлинныхъ выраженій Сковороды, или запамятовалъ ихъ (что впрочемъ и понятно: съ того времени, когда онъ слышалъ ихъ, до написанія письма И. И. Срезневскому прошло болѣе 40 лѣтъ!). Любопытно, что Савченковъ читалъ получае-

[1]) Вотъ относящееся сюда мѣсто въ его „Начальной двери ко христіанскому добронравію“. Характеризуя разницу между закономъ Божіимъ и человѣческими преданіями, онъ говоритъ: „сколько предверіе отъ алтаря и хвостъ отъ головы, столь далече отстоитъ преданіе отъ закона. У насъ почти вездѣ несравненную сію разность сравнивали“. Здѣсь рѣчь идетъ только о превосходствѣ закона надъ преданіемъ, вѣры надъ ея формой, а не объ исключеніи этой послѣдней.

мыя имъ отъ Сковороды письма въ классѣ своимъ ученикамъ, вѣроятно, съ назидательною цѣлью, какъ письмо „любомудра“, но одинъ разъ долженъ былъ вооружиться противъ автора ихъ, хотя, какъ намъ кажется, слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ обличеніяхъ противъ „старчика Сковороды“, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній тогда лежалъ уже въ могилѣ и не могъ ничего возразить противъ тѣхъ обвиненій, которыя съ особенною силою раздались послѣ его смерти, исходя отъ обличаемыхъ имъ противниковъ. Мы видѣли, что въ дѣйствительности Сковорода передъ смертью исповѣдывался и пріобщался, хотя сдѣлалъ это по просьбѣ друзей.

Д. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО[1].

Изложивши, на основаніи письменныхъ документовъ и разсказовъ близкихъ мнѣ лицъ, все, что касается моей семьи, мнѣ приходится теперь перейти къ собственному давнопрошедшему, къ періоду моего дѣтства, и, руководствуясь при этомъ исключительно одними воспоминаніями, сообщать одни часто безсвязные отрывки, случайно уцѣлѣвшіе въ моей сѣдой головѣ и нестертые массою воспринятыхъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ разныхъ частяхъ Русскаго Царства и во всѣхъ почти государствахъ западной Европы впечатлѣній.

Первые годы моей жизни, какъ и у каждаго человѣка, представляются мнѣ теперь въ густомъ, непроницаемомъ туманѣ. Безъ сомнѣнія, мое появленіе на свѣтъ доставило много радостей и моимъ родителямъ, и всѣмъ окружающимъ меня. Старшій братъ мой, онъ же крестный мой отецъ, былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, внѣ семьи. Онъ уже перешелъ въ это время въ пятый классъ черниговской гимназіи и принималъ характеръ молодого человѣка. Отца и мать окружали восемь дочерей, начиная съ старшей сестры моей Надежы 18-ти лѣтъ; они давно жаждали имѣть сына, признавая дочь—„чужою корыстью". Такой взглядъ подтверждается реальными фактами: старшая сестра съ дѣтьми уѣхала въ Казань, а слѣдующая за нею перебралась на жительство съ мужемъ докторомъ и дѣвочкою Лизою—въ Нѣжинъ. Богъ не благословлялъ родителей моихъ носителями ихъ фамиліи: сыновья Матвѣй и Митрофанъ умерли

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г, № 5.

маленькими, а Костя родился мертворожденнымъ. Но вотъ, молитвы родителей моихъ были услышаны, и Богъ послалъ имъ сына въ 3 часа дня. Въ это время мой дядя занималъ уже высокое служебное положеніе въ Москвѣ и взялъ за женою въ приданое чуть ли не милліонъ рублей. По имени его и назвали меня при крещеніи.

Рожденіе пятнадцати дѣтей, какъ нужно думать, подорвало физическія силы матери моей. Она не могла кормить меня своимъ молокомъ, почему взята была мнѣ съ хутора кормилицею Ганна, жена крѣпостного матери моей, получившаго на хуторѣ фамилію Косого. У Ганны въ то время родился сынъ Юхимъ, который и явился моимъ молочнымъ братомъ. Мамка кормила въ одно время и меня, и своего сына, который, поэтому, явился ближайшимъ товарищемъ всего моего дѣтства. Сестры мои были переведены на жительство къ теткѣ въ старый дворъ. Онѣ являлись въ новый домъ пить кофе, чай, обѣдать, ужинать. Часто мать оставляла ихъ при себѣ и въ теченіе дня „для помощи", варить варенье, ухаживать за цвѣтами, сушить фрукты, распоряжаться по хозяйству и т. п. Тетка жила въ своей комнатѣ, чуждалась всего, искала уединенія, молилась Богу и вязала чулки чуть ли не на всю семью. Особыя заботы обо мнѣ, кромѣ матери и Ганны, принимала сестра Надя, которой я досаждалъ своими капризами больше всѣхъ. Черезмѣрныя заботы обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ развивали въ моемъ характерѣ упрямство. Какъ кажется, отецъ началъ интересоваться мною, когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ. Онъ меня сажалъ на свое колѣно и, подталкивая имъ, возилъ ко всѣмъ знакомымъ. Мнѣ живо помнится, какъ, сидя у него на колѣнѣ, я бралъ его за усы и приговаривалъ; „но, косю, но"!.. Или, бывало, возьмемъ мы съ Юхимомъ тихонько чубуки въ гостинной, сядемъ на нихъ верхомъ и скачемъ по всѣмъ комнатамъ. Третьимъ товарищемъ нашимъ былъ Олексій, сынъ повара Гришки, тоже крѣпостного моей матери. Водворившись въ Рогозкахъ, онъ женился на хуторской дѣвушкѣ Домнѣ, которая приготовляла прекрасные кренделі, пироги, сдобныя булки, а на страстной недѣлѣ пекла въ пекарнѣ стараго двора папушники. Приготовленіе папушниковъ

начиналось съ перваго дня страстной недѣли и составляло особое въ домѣ событіе: и матушка, и старшія сестры проводили цѣлые дни за приготовленіемъ тѣста. Кухня бабушки обращена была въ ткацкую, гдѣ ткали полотна и, главнымъ образомъ, ковры. Ткацкіе станки и всѣ принадлежности ткацкой переносились на это время во вторую половину зданія, которая при бабушкѣ играла роль людской, т. е. гдѣ помѣщалась ея дворня. Со смертью бабушки эта половина обращена была для разведенія песцовъ (пушистыхъ кроликовъ), изъ пуха которыхъ вязались для семьи теплые головные платки, чулки, носки и перчатки. Всю страстную недѣлю никто изъ мужчинъ не имѣлъ права входа въ ткацкую: она являлась царствомъ женщинъ, при чемъ первая роль принадлежала Домнѣ. Въ свои помощницы она брала Василису, горничную сестеръ, или Стеху, горничную въ новомъ дворѣ.

Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней я пропадалъ съ товарищами Юхимомъ и Олексіемъ въ саду; мы играли „у кони", „у мьяча", переходили изъ саду въ сосновый лѣсъ за „ровчакомъ", пробирались къ сажалкѣ, на поставникъ, на новый огородъ съ копанками, который охранялъ въ своей будкѣ изъ соломы старый Иванъ. Здѣсь, у Ивана, намъ была „лахва", раздолье. Въ его распоряженіи была и клубника, и малина, и агрусъ [1]), и смородина, и всякіе плоды земные. Одна часть новаго огорода ближе къ лѣсу была занята молодыми фруктовыми деревьями: вишнями, черешнями, яблоками, грушами. Фрукты въ саду сдавались въ аренду „русскимъ" изъ Добрянки, т. е. старовѣрамъ. Для дому было оставлено нѣсколько деревьевъ близъ горницы.

Комнаты въ горницѣ обыкновенно занимались временно въ лѣтніе мѣсяцы сестрами. Въ старомъ домѣ было нѣсколько душно и тѣсно. При теткѣ оставались лѣтомъ двѣ старшія сестры. Собственно говоря, горница была выстроена для гостей. Здѣсь обыкновенно помѣщались лѣтомъ братъ-гимназистъ съ какимъ-нибудь товарищемъ; здѣсь устраивалось помѣщеніе и для

---

[1]) Крыжовникъ.

учителей гимназіи, пріѣзжавшихъ изъ Чернигова погостить къ родителямъ на мѣсяцъ другой. Въ моей памяти сохранились личности почтеннѣйшаго Іануарія Михайловича Невѣрова, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе возобновить знакомство 40 лѣтъ спустя въ Тифлисѣ въ бытность его попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, а также учителя русскаго языка Лузганова, который собиралъ насъ всѣхъ вокругъ себя въ бесѣдкѣ, увитой персидскою лозкою, и декламировалъ стихотворенія. Мнѣ памятно хорошо, какъ онъ выучилъ меня декламировать Бородино и какъ, бывало, поставитъ меня на обѣденномъ столѣ и заставитъ произносить стихи съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ къ намъ переѣхалъ на постоянное жительство братъ матери Алексѣй Васильевичъ, оставивши свои богатыя имѣнія въ воронежской губерніи въ распоряженіе старшаго своего брата, тоже холостяка, Михаила. Личность дяди Алексѣя заслуживаетъ особаго вниманія съ психической стороны. По окончаніи Московскаго пансіона, онъ поступилъ въ гвардію и, какъ богатый и свѣтски образованный человѣкъ, вращался въ высшемъ аристократическомъ кругу. Шумная жизнь, вино, псовая охота и, главное, женщины разстроили въ конецъ его нервную систему. Въ чинѣ ротмистра онъ вышелъ въ отставку и причислилъ себя къ числу великихъ грѣшниковъ. Будучи убѣжденъ, что его мучитъ „злой духъ“, онъ съ утра до вечера былъ постоянно на ногахъ, переходилъ изъ комнаты въ комнату и заявлялъ всѣмъ, что лишенъ сна и испытываетъ душевныя муки. Онъ помѣщался до самой своей смерти, т. е. около 25-ти лѣтъ, въ кабинетѣ новаго дома. Обладая большими знаніями, слѣдя за политикою по Московскимъ Вѣдомостямъ и Сѣверной Пчелѣ, которыя отецъ мой постоянно выписывалъ, принимая участіе въ бесѣдахъ, интересуясь всякими новостями, онъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что его мучитъ день и ночь „злой духъ“. Переходя изъ комнаты въ комнату, Алексѣй Васильевичъ постоянно восклицалъ: „злый духъ мучитъ“! Эти восклицанія онъ произносилъ постоянно и въ теченіе ночи, что удостовѣряли всѣ, кому приходилось спать въ сосѣдней комнатѣ. Никакія убѣжденія, ника-

кіе доводы не могли разубѣдить его въ томъ, что „злого духа“ вовсе не существуетъ, что онъ грѣшилъ на свѣтѣ столько, сколько каждый грѣшитъ, что его можно признать скорѣе праведникомъ. Всѣ доводы онъ отвергалъ, заявляя каждому, что присутствіе въ себѣ злого духа онъ чувствуетъ такъ же, какъ и присутствіе въ организмѣ его сердца, легкихъ, желудка, что злой духъ постоянно съ нимъ, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, побуждаетъ его находиться въ движеніи, какъ вѣчнаго жида. Помимо указанной маніи, Алексѣй Васильевичъ былъ вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ, отличался хорошею памятью, любилъ общество, интересовался новостями, отличался большою аккуратностью. Сколько помню, изъ дома онъ никогда не выѣзжалъ никуда. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ страстный охотникъ съ борзыми, а поэтому всегда любилъ говорить объ охотѣ. Пребываніе его въ нашемъ домѣ не только никого не тяготило, но было даже желаннымъ для всѣхъ. Старшій братъ его Михайло высылалъ по временамъ отцу моему небольшія суммы изъ доходовъ отъ имѣнія брата на его содержаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что высылаемыя суммы составляли небольшую часть доходовъ изъ части имѣнія дяди Алексѣя.

Дядя и тетка, обрамляя собою нашу семью, составляли двѣ противоположности. Тетка была необыкновенно тучная, дядя—худой до крайности; она была безмолвна, онъ любилъ разсказывать, вмѣшивался во всѣ разговоры, зналъ массу анекдотовъ, часто нецензурнаго свойства, заводилъ споры; тетка избѣгала людей, даже близкихъ, искала одиночества, дядя любилъ общество; тетка относилась къ костюму своему безразлично, дядя любилъ щеголеватость; всѣ интересы семьи были чужды теткѣ, а дядя вмѣшивался во всякія мелочи. Вмѣстѣ съ этимъ, оба они страдали душою, или, выражаясь современнымъ языкомъ—нервнымъ разстройствомъ. Оба они одинаково привязывали къ себѣ всѣхъ окружающихъ необыкновенною добротою и готовностью отказываться отъ всего въ нашу пользу.

Въ центрѣ семьи моей находилась мать. Она распоряжалась всѣмъ имѣніемъ, хозяйствомъ, домомъ и всѣми членами семьи. Проживши до моего рожденія двадцат лѣтъ въ Мало-

россіи, она вполнѣ ассимилировалась съ окружающею ее средою и достаточно хорошо усвоила мѣстную рѣчь. Съ-молоду еще она знала всѣ роды самыхъ тонкихъ рукодѣльныхъ работъ. Сохранившійся у меня до настоящаго времени чехолъ на чубукъ къ трубкѣ отца, вышитый мелкимъ бисеромъ, поражаетъ своимъ изяществомъ и тонкостью работы. Въ длинные зимніе вечера, при отсутствіи гостей, семья моя изображала школу рукодѣлія. И мать, и сестры усядутся за большимъ столомъ въ столовой и работаютъ, имѣя каждый передъ собою сальную свѣчу. Та шьетъ бѣлье, другая вышиваетъ сорочки „заполочью" [1]) или мережитъ, третья гарусомъ, нанизываетъ бисеръ и пр. А въ „дивичои" старая Стеха съ Пелагеею, горничныя матери, а также молоденькія сестры Гапка и Надя, горничныя сестеръ, прядуть куделю на прялкахъ или на гребнѣ. Пелагея занимаетъ первенствующее мѣсто въ средѣ челяди, какъ стоящая ближе всѣхъ къ матери. Стеха—помощница ея; къ ней относятся нерѣдко съ презрѣніемъ и Палагія и „дивчата".

— Тымъ то тебе нихто й замижъ не бравъ, бо дурна.

Гапка и Надя горничныя сестеръ, являлись двумя красавицами. Молча онѣ не смогутъ усидѣть зимній вечеръ. Большею частью имъ приходится сидѣть въ столовой за работою и распѣвать пѣсни. У нихъ былъ громадный репертуаръ народныхъ пѣсенъ. Что ни вечеръ—новая пѣсня. Обыкновенно, предъ началомъ пѣнія являются „перекоры [2])" о томъ, кому, „заводыты [3])".

— А нуте, дивчата, пропойте: „ой чы цвитъ, чы не цвитъ", заявляетъ мать.

— Нехай Гапка заводыть, замѣчаетъ Надя.

— Починай ты, отвѣчаетъ ей старшая сестра, се твоя писня, ты сама мене вывчыла іи.

Такъ, или иначе, черезъ минуту раздается хоръ:

„Ой чы цвитъ, чы не цвитъ
Калынопьку ломыть,

[1]) Цвѣтная бумага.
[2]) Споры.
[3]) Начинать.

Ой чы сонъ, чы не сонъ
Головоньку клоныть! и т. д.

Мать моя любила пѣніе. Съ пѣснею и работа спорится. Я тоже принималъ участіе въ пѣніи чуть ли не съ пяти лѣтъ, хотя нерѣдко засыпалъ за столомъ. Въ 9 часовъ работы прекращались, и вся семья садилась за ужинъ. А дядя весь вечеръ переходитъ изъ комнаты въ комнату и про себя заявляетъ свое обычное: „злой духъ мучить!“

Мать была отличною хозяйкою. Въ кладовыхъ ея хранились громадные запасы всякаго рода продуктовъ: бочки лѣсныхъ орѣховъ, связки сушеныхъ грибовъ, боченки сушенаго гороху, бобовъ, всякихъ сортовъ варенья. Тутъ же сохранялись полотна, домашняго приготовленія ковры, прядиво[1]). Въ „выходѣ“ хранились разныхъ сортовъ водки, наливки, водянки, боченки съ мочеными яблоками. Всякаго рода соленья и маринады сберегались въ ледникѣ, въ которомъ заготовлялись каждый день и молочные продукты. И кладовыя, и выходъ, и ледникъ, и амбары съ хлѣбомъ и мукою запирались на замокъ. Ключи хранились неизмѣнно у матери. Она ихъ довѣряла только старшимъ сестрамъ моимъ.

На рукахъ у матери были и деньги. Приходъ и расходъ ихъ неизмѣнно велъ въ особыхъ книгахъ дядя. Обыкновенно, послѣ захода солнца являлся къ матери съ отчетомъ и за приказаніями приказчикъ Василь, или, какъ его называли крестьяне— войтъ Василь Пилиповичъ Евхименко. Это былъ высокій, плотный и красивый человѣкъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ моихъ родителей и нѣмымъ нерасположеніемъ крестьянъ. Усадьба его прилегала къ поставнику и была ближайшею къ господской. Старшій сынъ его Семенъ, ровесникъ моего старшаго брата, былъ отданъ мальчикомъ въ школу въ Березно, а затѣмъ парубкомъ и женатымъ человѣкомъ былъ при отцѣ въ качествѣ лакея, хотя жилъ всегда на хуторѣ въ своей семьѣ.

Отдавши отчетъ матери, войтъ съ дядею отправлялись въ кабинетъ для составленія записей. Понятно, онъ былъ состо-

[1]) Нитки.

ятельнымъ человѣкомъ и сумѣлъ отлично обезпечить свою многочисленную семью. Семену помогалъ въ лакейскомъ дѣлѣ впослѣдствіи и младшій братъ его Матвѣй. Василь Пилиповичъ исправлялъ должность войта чуть ли не полвѣка, до времени освобожденія крестьянъ. Ему одному извѣстны были всѣ земельныя угодья, такъ какъ отецъ мой мало вмѣшивался въ хозяйство, а мать знала земли только по имени. Войтъ распоряжался и оранкою, и посѣвами, и жнивами, и свозомъ копъ, и косовицею, и лѣсомъ. Онъ ѣздилъ каждый понедѣльникъ въ Березно на базаръ за покупками, онъ возилъ для продажи туда и зерно, и муку. Словомъ, онъ былъ главный распорядитель имѣнія и довѣренное лицо. Жалобы на него со стороны крестьянъ не могли имѣть мѣста, такъ какъ онъ всегда оставался бы правъ. Съ другой стороны, какъ умный челпвѣкъ, онъ жилъ въ ладу съ крестьянами, дѣлалъ имъ послабленія и не возбуждалъ противъ нихъ жалобъ.

Мать моя пользовалась во всемъ околодкѣ славою опытнаго врача. Рѣдкій день проходилъ, чтобы къ ней не являлись за совѣтомъ и „зиллямъ [1]“. Она лѣчила, преимущественно, травами. Три большихъ шкафа, наполненные сушеными травами и частью лекарствами изъ черниговской аптеки Цигры, занимали всѣ промежутки между дверями въ сѣняхъ. Каждому гостю, поэтому, входившему съ параднаго входа, приходилось проходить сперва аптеку матери и затѣмъ вступать въ лакейскую. Сборомъ травъ занималась въ извѣстное время года, по указанію матери, Палагія. Въ шкафахъ была и мята, и липовый цвѣтъ, и подъемъ бѣлый и желтый, и малина, и рябина, и сухая горчица, и сушеныя шпанскія мухи, и все то, чѣмъ лѣчился въ старое время народъ въ Малороссіи. Неудивительно, что мать моя была близко знакома съ народною медициною. Частая беременность поставляла ее въ необходимость прибѣгать къ народной помощи, такъ какъ медики были слишкомъ далеко. Къ матери моей обращались преимущественно бабы, принося съ собою яйца, цыплятъ, куръ, масло. Помню живо, какъ одна молодица привела съ собою сына, мальчика лѣтъ 10-ти.

---

[1]) Травами.

— А що у него таке? спросила мать.

— Та у него таке, що й сказать боязно: усе по хуторамъ бигае. Отце, якъ поснидае, заразъ зъ двору—и шукаемо его днивъ два-три, поки не знайдемо.

Предъ наступленіемъ 3-й четверти луны (гнильця) мать моя обыкновенно съ вечера варила медъ-самотекъ и клала въ него мелко истолченный глистникъ. На другой день рано утромъ приступала къ всеобщей раздачѣ этого лѣкарства. Первымъ получалъ дядюшка, который каждый разъ выражалъ протестъ. Мать моя ему отвѣчала: „помни, что тебя не злой духъ мучитъ, а солитеръ“. За дядею принимала его мать и мы, а затѣмъ бѣлая кружка съ лѣкарствомъ передавалась повару Григорію, который обязанъ былъ дать по столовой ложкѣ лѣкарства каждому изъ дворовыхъ людей.

Мать моя была большая любительница домашней птицы и животныхъ. У насъ водилось множество павлиновъ, цесарокъ, шипуновъ, по двору расхаживалъ журавль, а въ особомъ домикѣ на 4-хъ высокихъ столбахъ водились голуби. Число ихъ достигало до 200. Зимою, обыкновенно, расчищали отъ снѣгу во дворѣ предъ окнами дома небольшую площадку, выходила сама мать сзывать голубей колокольчикомъ и кормила ихъ зерномъ. Голуби до того были ручными, что добровольно шли къ рукамъ матери и ѣли съ рукъ ея кормъ. Въ ѣду ихъ никогда не употребляли, и считалось большимъ грѣхомъ ѣсть голубя, такъ какъ въ видѣ его сошелъ на Христа Духъ Святой.

Кромѣ голубей, для матери служили потѣхою мохнатые кролики, или, какъ она называла ихъ, песцы. Они разводились въ большомъ количествѣ. Обыкновенно каждый мѣсяцъ кролика разчесывали и собирали съ него пухъ, изъ котораго приготовлялись чулки, перчатки, платки и пр.

Страсть къ птицамъ и животнымъ сохранилась у меня отъ дѣтства до послѣднихъ дней. Мать моя очень меня баловала, называя единственнымъ сыномъ, такъ какъ братъ Василь жилъ вдали отъ родного очага. Мать отличалась силою характера и въ своей личности сосредоточивала въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія имѣніемъ. Бывало, она разойдется во взглядахъ съ

отцомъ. Начнется споръ, обыкновенно оканчивавшійся полнымъ согласіемъ отца, который въ свое оправданіе всегда заявлялъ: „хочъ лыхо, абы тыхо“. И дѣйствительно, онъ былъ сторонникомъ мира и спокойствія. Мать распоряжалась рѣшительно всѣмъ и часто, въ угоду отцу, посылала приглашать на вечера сосѣдей, ради будто бы именинъ или дня рожденія любимой дочери; мой день рожденія праздновался чуть ли не 10 разъ. Для насъ, домочадцевъ, особымъ праздникомъ была баня въ зимніе мѣсяцы, которая изготовлялась два раза въ мѣсяцъ. Обыкновенно пріѣзжали къ намъ на баню священникъ съ женою и дѣтьми, дьяконъ съ женою и семьи сосѣдей. Баня, дѣйствительно, была устроена роскошно и состояла изъ бани съ полками для паренія и двухъ отдѣльныхъ предбанниковъ. Полъ устилался толстымъ слоемъ соломы. Въ банѣ были котлы, которые поливались изготовленною матерью перегонною розовою или мятною водою. Въ баню шли всѣ гурьбою—и родители, и родственники, и дѣти. Выпарившись, гости направлялись къ чаю. Баня стояла въ саду вблизи дома. Къ приходу распаренныхъ съ красными физіономіями гостей, въ залѣ изготовленъ былъ большой столъ съ лакомствами. Между ними первое мѣсто занимали моченыя яблоки, какихъ я въ жизнь свою больше никогда не ѣлъ. Вечеръ продолжался обыкновенно за полночь и отличался веселостью и остротами.

Понятно, въ настоящее время рѣдко кто повѣритъ, что въ старину оба пола ходили въ баню совмѣстно. Въ дѣйствительности это было такъ. Каждый уважалъ другого настолько, что не позволялъ себѣ никакого неприличія, могущаго обидѣть.

Отецъ мой чистѣйшій типъ малороссійскаго дворянина. Онъ былъ мало подвиженъ, какъ человѣкъ тучный, отличался рѣдкою добротою сердца, любилъ сладко заснуть и вкусно поѣсть. Не смотря на множество въ домѣ комнатъ, у него не было пріуроченной въ его пользованіе. Спалъ онъ на одной кровати съ матерью не менѣе 30-ти лѣтъ; на этой самой кровати Богу душу отдалъ. Мать упрекала отца въ трехъ порокахъ: 1) страсти къ карточной игрѣ, къ преферансу, 2) страсти къ трубкѣ и 3) страсти къ Московскимъ Вѣдомостямъ. Въ карты онъ игралъ

иногда по 2 или 3 сутокъ, не обращая вниманія на финансовую сторону. Его интересовалъ больше всего процессъ игры. Если не было партнеровъ, онъ посылалъ верховыхъ къ сосѣдямъ съ приглашеніями, но не въ карты играть, а провесть совмѣстно день рожденія кого либо изъ близкихъ. Результаты игры почти всегда были печальны. Матушка увѣряла, что онъ проигралъ все ея приданное, тысячъ 60. Отецъ постоянно курилъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Трубка была обтянута мѣдною проволокою и прикрывалась проволочною крышею. Онъ покупалъ для куренія табакъ одеской фабрики „Крона-папы-Никола". Бывало, гостинная, въ которой онъ сидѣлъ и читалъ отъ доски до доски Московскія Вѣдомости, до того наполнялас табачнымъ дымомъ, что постороннему войти было трудно. У отца не было между дѣтьми любимчиковъ, онъ любилъ одинаково всѣхъ и съ каждымъ изъ насъ былъ одинаково милъ и привѣтливъ. Нерѣдко посадитъ маленькихъ сестеръ на колѣни и учитъ ихъ пѣсни:

По садыку я хожу,
Та щыпаю вышни,
Пошлы, Боже, чоловика,
Та по моій мысли:

—

Щобъ люлечки не палывъ,
Табаки не нюхавъ,
Чужихъ жинокъ не любивъ,
Мене одну слухавъ

или же:

Уси люде роботають,
Одна я гуляю;
Изъ чужого полотна
Сорочку покраю

—

Що куликъ намне,
А чайка намыче,
А ворона напряде,
А сорока вытче

или же:

И учора кулишъ,
И сегодня кулишъ,

Прыйды, прыйды, серденько,
Мою душу потишь.

—

И учора галушки,
И сегодня галушки,
Прыйды, прыйды, мое золото.
На билыи подушки
и т. д.

Меня онъ училъ рождественскія вирши:

Христосъ родывся
Иродъ скрутывся
Наполеонъ на островъ
Елену переселывся

или же:

Я маленькій хлопчикъ
Излизъ на стовбчыкъ,
У дудочку граю,
Хрыста звеселяю,
А васъ зъ празныкомъ поздравляю.

Отецъ мой былъ очень набожнымъ человѣкомъ. Имѣя въ виду, что хуторъ нашъ отстоитъ отъ приходской церкви въ с. Сахновкѣ, на разстояніи 7 верстъ, онъ испросилъ благословеніе у черниговскаго архіерея созывать въ праздникъ, на случай дурной погоды, крестьянъ и совмѣстно молиться. Рано утромъ, когда шелъ дождь или было очень грязно, отецъ распоряжался оповѣстить хуторянъ, что онъ будетъ править службу. Обыкновенно, къ сроку приходилъ Левъ Андреевичъ, въ качествѣ хора пѣвчихъ. Въ большой залѣ уставлялся въ углу столикъ, въ видѣ аналоя, на немъ клалось кипарисовое распятіе и освященная вода въ суповой чашкѣ. Народа собиралось такое множество, что была давка. Въ видахъ очистки воздуха двери и окна были открыты настежь. Въ толпѣ были старые, молодые, дѣти и отроки. Отецъ вступалъ въ роль священника, Левъ Андреевичъ—хоръ пѣвчихъ. Дѣтскій крикъ нерѣдко заглушалъ служеніе. По окончаніи, отецъ давалъ съ рукъ цѣловать крестъ и окроплялъ каждаго святою водою, а также вручалъ по просфирѣ, выписанной изъ Сахновки. Народъ обожалъ отца за церковнослуженіе и былъ вполнѣ удовлетворенъ какъ его службою, такъ и пѣніемъ Льва Андреевича, который обязанъ

былъ проводить у насъ каждый праздникъ. Средствъ у него не было никакихъ, и обыкновенно его кормили по очереди двѣ крѣпостныхъ семьи. Слухи ходили, что, устроивши дѣтей, онъ пропилъ оставшееся небольшое состояніе. Всѣ члены моей семьи любили Льва Андреевича.

Отецъ мой любилъ лошадей и держалъ небольшой конскій заводъ, а также занимался пчеловодствомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Для содержанія лошадей была построена особая конюшня. Надъ воротами ея висѣлъ образъ св. Флора и Лавры. Часто онъ ходилъ смотрѣть, какъ Яковъ задаетъ имъ овса.

Для зимняго содержанія пчелъ въ саду были выстроены два амшеника съ двумя помѣщеніями въ каждомъ, раздѣлявшимися двумя корридорами. Къ пчеламъ были поставлены два пасѣчника: Иванъ и Костюкъ. По наступленіи весны, пчелы выставлялись сперва въ садъ, а затѣмъ вывозились версты за 4 отъ дому въ лѣсъ вблизи болота. Перевозка пчелъ сопровождалась торжествомъ. Сперва устанавливалась небольшая открытая съ одной стороны будочка, въ которую вставлялся образъ св. Зосима и Савватія, а передъ нимъ лампада. Приглашался обыкновенно отецъ Василій изъ Сахновки, и послѣ молебна производилась установка ульевъ. Позднимъ лѣтомъ всю пасѣку перевозили на ярину, т. е. цвѣтущую гречь, въ поле. Около каждаго улья вбивалась березка для защиты отъ солнцепека. При окончаніи цвѣтенія гречи, являлись русскіе, или вѣрнѣе—старовѣры изъ слободъ Добрянки, Зыбки и пр. и вступали въ договоръ относительно продажи меда. Процессомъ вытопки меда занималась мать, но деньги шли въ распоряженіе отца и, конечно, проигрывались имъ.

Отецъ не любилъ водки и даже преслѣдовалъ пившихъ у него за обѣденнымъ столомъ. Помню, какъ онъ нападалъ на Льва Андреевича. Только этотъ возьмется за чарку, изъ устъ отца вырывается сочиненная имъ эпиграмма:

Леусъ—магнатусъ,
Оберъ—глотъ, бутылочный переводъ
Чарочный праздникъ.

За то карточную игру любилъ до страсти. Бывало, пулька длится до свѣта, и партнеры настаиваютъ на необходимости

отдыха. Всѣ разойдутся по своимъ мѣстамъ. Вставши на другой день довольно поздно, всѣ собираются въ столовую пить чай или кофе. Одинъ отецъ замѣшкается и приходитъ позже другихъ.

— Я долженъ вамъ, господа, объявить большую непріятность, постигшую насъ эту ночь.

— А что такое? летятъ вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Колеса покрали, преспокойно отвѣчаетъ отецъ. Приходится остаться еще день-другой, пока не подѣлаютъ новыя.

Конечно, выдумка эта объясняется желаніемъ отца продолжать игру въ карты. Когда онъ не могъ составить пульки, тогда возникалъ вопросъ о необходимости поѣхать по дѣламъ въ Черниговъ, или вѣрнѣе на Бобровицу, въ 1/2 в. отъ города, гдѣ была роскошнѣйшая усадьба племянницы его С. С. Дунинъ-Борковской. Съ пріѣздомъ отца все оживало въ домѣ. Отецъ пользовался безграничною любовью родственниковъ.

Мать моя считала себя первою хозяйкою чуть ли не во всей губерніи. Хозяйственные запасы у нея отличались и крайнимъ разнообразіемъ, и превосходными качествами. Управиться со всѣми частями хозяйства у нея не хватало ни времени, ни силъ, а поэтому она считала неизбѣжнымъ имѣть ключницу, въ видѣ помощницы. Помнится, что все мое раннее дѣтство у насъ жила ключницею вдова дьякона изъ м. Березнаго. Ее звали Матрена Ивановна, но фамиліи ея, кажется, никто не зналъ. Она смотрѣла за доеніемъ коровъ, за приготовленіемъ молочныхъ скоповъ, выдавала кухаркѣ муку на хлѣбъ для дворни, наблюдала за кормленіемъ свиней. Мать относилась къ ней съ полнымъ довѣріемъ и съ интересомъ выслушивала разнаго рода сплетни изъ жизни дворни, всѣ члены которой питали къ ней ненависть. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ при кухнѣ, тамъ пила чай и обѣдала остатками отъ господскаго стола. Такъ какъ на ея попеченіи была вся домашняя птица, то она иногда пользовалась ею для себя. Подъ ея ключемъ сохранялись разнаго рода овощи, картофель, капуста, бураки и пр. Она производила отпускъ ихъ и повару Григорію, и кухаркѣ Параскѣ. Кажется, этимъ и ограничивалась вся ея дѣятельность.

за которую она получала приличное вознагражденіе и подарки. Кажется, она жила у насъ много лѣтъ. Она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ приказчикомъ Василіемъ Пилиповичемъ Евхименко, у котораго были всрослые дѣти. Приказчикъ жилъ маленькимъ паномъ, завѣдывалъ всѣми нашими землями и лѣсами и, вѣроятно, не упускалъ изъ виду собственныхъ интересовъ при свозкѣ на панскій дворъ хлѣба, сѣна и лѣса. Онъ пользовался у моего отца не только довѣріемъ, но и любовью и нерѣдко ссужалъ его деньгами на карточную игру, конечно, тайно отъ матери.

Не малое участіе въ экономической жизни моей семьи принималъ еще жидъ Юдко изъ м. Березно. Онъ пріѣзжалъ къ намъ почти каждую недѣлю и привозилъ разнаго рода покупки: говядину, рыбу, раки, а иногда и произведенія мануфактуры. Безъ сомнѣнія, онъ пользовался хорошими процентами, а также получалъ произведенія хозяйства—хлѣбъ, картофель, капусту, и пр. Обыкновенно онъ привозилъ корреспонденцію съ почты и разнаго рода новости. Возможно предположить, что семья наша состояла у него въ арендномъ отъ кагала содержаніи. Необходимо замѣтить, что онъ исполнялъ всякаго рода порученія, доставлялъ покупщиковъ, арендаторовъ и пр. и вообще являлся крайне необходимымъ почти во всѣхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Въ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ моего отца многіе знали ремесло. Такъ, вблизи нашей усадьбы находилась кузница, въ которой постоянно работалъ „коваль“ Демьянъ. Онъ ковалъ лошадей, починялъ экипажи, сельско-хозяйственныя орудія и постоянно работалъ какъ для двора, такъ и для всего хутора. Онъ бралъ работы со стороны и получалъ за нихъ порядочное вознагражденіе. Я помню, бывши мальчикомъ, я просиживалъ постоянно въ „кузнѣ“. Демьянъ меня не гналъ и скорѣе привязывалъ къ себѣ своими сказками, которыя я выслушивалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ зналъ массу сказокъ, изъ которыхъ мнѣ памятна до сихъ пръ сказка про царицу Джегерментовну. Я помню хорошо, что онъ ее разсказывалъ три дня подъ рядъ и она производила на меня такое сильное впечатлѣ-

ніе, что я долго не могъ заснуть. Къ крайнему моему сожалѣнію, она не сохранилась у меня въ памяти и только удержалось одно ея названіе. Демьянъ не работалъ „на панщинѣ“, и его обязанности ограничивались даровою работою „на панскій дворъ“. Онъ зналъ отлично и слесарное мастерство, починялъ замки, машинки, лудилъ самовары, кофейники и пр. Рядомъ съ кузнею находилась усадьба Демьянова, а за нею „хуторское кладбище“. Кузня часто являлась мѣстомъ сборища хуторянъ. Одинъ несъ сюда косу „насталить“, другой—коня „пидковать“. Демьянъ бралъ небольшое вознагражденіе и никогда не оставался безъ работы. Часто къ нему являлись изъ другихъ хуторовъ. Онъ былъ большой говорунъ и не давалъ никому скучать.

Другимъ выдающимся лицомъ изъ ряда крѣпостныхъ былъ родомъ изъ с. Сахновки портной Левко. Онъ обшивалъ всю нашу семью, можно сказать, съ ногъ до головы. Онъ шилъ мужское и женское платье, бѣлье, шляпы и не отказывался ни отъ какой работы, которая тробовала иголки съ ниткою. Обыкновенно, въ случаѣ надобности его выписывали изъ с. Сахновки, и онъ устраивалъ свою мастерскую въ залѣ. По виду, онъ былъ больной человѣкъ, худой, желтый, смирный, тихій, молчаливый. Дѣтей у него не было, а жена его была гораздо моложе его. Во время работы, онъ питался отъ нашего стола. Вся наша семья любила Левка, и мы, маленькія дѣти, постоянно окружали его. Онъ былъ пожилымъ человѣкомъ и, конечно, давно уже умеръ.

Рядомъ съ нимъ можно поставить другого ремесленника, тоже изъ с. Сахновки, сапожника Опанаса. Онъ шилъ всякаго рода обувь для нашей семьи и для дворни, а также упряжь. Мастерскую свою онъ устраивалъ, обыкновенно, въ поварской, гдѣ и пользовался остатками отъ кушаньевъ, въ видѣ контрабанды. Онъ не пользовался особыми нашими симпатіями, былъ молчаливъ и только подъ звуки молотка напѣвалъ пѣсни. У меня и до сихъ поръ сохранилась одна его пѣсня на русскомъ языкѣ съ украинскимъ акцентомъ. Я приведу здѣсь для образца одно только начало.

Спрежду живъ малчикъ веселився
Бо имивъ свій большой капиталъ.
Копиталъ свой малчикъ прамотався
Въ неволю значить, жить попавъ.

—

Не въ великую, значить, неволю,
Въ билу каменую, значить тюрьму
Калидоры, значить, очень длинны
И народъ, право, стоить стовпомъ
и т. д.

Опонасъ тоже былъ вполнѣ свободнымъ отъ панщины. Въ с. Сахновкѣ онъ имѣлъ свою мастерскую и постояно былъ занятъ исполненіемъ заказовъ.

Задолго до моего рожденія у отца былъ собственный хоръ музыкантовъ. Я помню, что въ періодъ моего дѣтства сохранились только остатки этого хора. Обыкновенно, когда соберется къ намъ съ хуторовъ молодежь, разсылаютъ разыскивать музыкантовъ. Нерѣдко они являются въ постолахъ, въ свиткахъ. Хоръ состоялъ изъ двухъ скрипокъ, баса и бубна. Его ставили въ лакейской, танцы устраивались въ залѣ. Въ танцахъ я не принималъ участія, такъ какъ былъ еще малъ. Иногда только меня выводили изъ среды музыкантовъ на срединиу залы, гдѣ я долженъ былъ танцовать „козачка". Подъ музыку гости играли въ фанты.

Если я не ошибаюсь, крѣпостные были довольны своимъ положеніемъ. За нихъ подати уплачивалъ отецъ, на работу они вызывались въ случаѣ нужды, пользовались безплатно лѣснымъ матеріаломъ и пасли скотъ свой въ лѣсу или на болотахъ. Бывши уже довольно большимъ, я помню, что вся дворня осталась на своихъ мѣстахъ послѣ указа 19 февраля 1861 г.

— На що намъ плата тая? Жилы, спасыби Богови, добре до сего часу, говорили служащіе: будемъ жить такъ и дали.

Крестьяне отца вообще не считали себя крѣпостными.

— Мы пидхожи, ще пры дидахъ силы на паньски земли, тай доси живемъ.

Вообще уничтоженіе крѣпостнаго права не измѣнило отношеній крестьянъ къ нашей семьѣ: такъ-же смотрѣлъ во дворѣ

за скотомъ Иванъ Снигирь съ отмороженными ногами. Не то было съ крестьянами по нѣкоторымъ сосѣднимъ хуторамъ.

Мой отецъ отличался рѣдкою добротою. Бывало, проиграется до копейки, и мать моя начинаетъ его ругать, грызть. Отецъ молчитъ, какъ онѣмѣлъ, „пары зъ рота не пустыть".

— Чего ты молчишь? спроситъ разсерженная мать.

— А мени що: „хочъ лыхо, абы тыхо".

Такъ именно относился онъ и ко всѣмъ окружающимъ, избѣгалъ всякихъ непріятностей, мирился съ обстоятельствами. Онъ старался жить для своего удовольствія.

Хотя я пользовался на каждомъ шагу вниманіемъ и любовью родителей и сестеръ, но меня тянуло изъ семьи. Я искалъ развлеченія среди однолѣтковъ и съ наступленіемъ весны жилъ на воздухѣ. Зелень, масса разнообразныхъ цвѣтовъ, пѣніе птицъ, все это наполняло мою жизнь до времени наступленія занятій книжкою. На одномъ изъ сосѣднихъ хуторовъ жила старушка-вдова, вполнѣ одинокая. Мать навѣщала ее довольно часто и брала меня съ собою. Я ѣздилъ къ Марьѣ Васильевнѣ съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ у нея въ каждой почти комнатѣ висѣла передъ окномъ клѣтка съ канарейкою. Я цѣлыми часами заслушивался пѣнія канареекъ и до сихъ поръ остаюсь большимъ любителемъ ихъ. По окончаніи университета у меня былъ заводъ ихъ, въ которомъ доходило иногда до 100 штукъ. Конечно, я раздавалъ ихъ своимъ знакомымъ. Трескотня ихъ нисколько меня не раздражала.

Я любилъ въ дѣтствѣ также собакъ. У матери моей была маленькая собачка—болонка, а во дворѣ находилось нѣсколько большихъ собакъ, и возлѣ „красной кладовой" былъ на привязи найденный на дорогѣ щенкомъ громадный песъ „Казбекъ". Онъ отличался мягкою и длинною шерстью, указывавшею его благородное происхожденіе. За собаками имѣлъ непосредственное наблюденіе старикъ Снигирь, хотя и сестры, и я всегда носили имъ остатки со стола, а для Казбека держали особую миску. По временамъ Снигирь спускалъ его съ цѣпи, и онъ рвался ласкаться со мною.

Вообще, съ дѣтства я любилъ птицъ, звѣрей, зелень, и эта любовь сохранилась во всѣ 50 лѣтъ моей жизни.

Постоянное соприкосновеніе съ окружающею природою разнообразило скучную жизнь на хуторѣ. Мать моя, занятая хозяйствомъ и леченіемъ больныхъ, любила приживалокъ, которыя вносили новые элементы. Къ числу этихъ приживалокъ на первый планъ нужно поставить, такъ называемую, маіоршу. Всѣ мы не иначе ее называли, какъ маіоршею, и я не сохранилъ въ памяти ни ея имени, ни фамиліи. Маіорша вела вполнѣ кочевую жизнь. У родителей ея были двѣ дочери. Къ нимъ ѣздилъ какой-то маіоръ, который сдѣлалъ предложеніе жениться на старшей дочери. Родители заботились о томъ, чтобы выдать сперва младшую дочь, такъ какъ она была очень некрасива. Родители согласились на бракъ и въ день свадьбы такъ напоили жениха, что безъ особыхъ заботъ повѣнчали его съ младшею дочерью. На другой день утромъ выяснился весь скандалъ. Маіоръ проснулся рано и увидѣлъ возлѣ себя сестру его невѣсты. Онъ такъ былъ пораженъ, что тотчасъ вскочилъ съ постели, велѣлъ запрягать повозку и навсегда распростился съ семьею. Молодую жену родители выгнали изъ дому за то, что она не сумѣла привязать къ себѣ мужа. Съ того дня она ведетъ кочевую жизнь, переѣзжая отъ одного пана къ другому съ небольшимъ узломъ, составляющимъ все ея состояніе. У насъ она проживала обыкновенно по нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Она отличалась крайнею оригинальностью и была нами любима за ея неисчислимые разсказы. Ей было извѣстно все, что происходило въ окрестностяхъ. Увѣряютъ, что она однажды такъ разсердилась на пономаря одной церкви, что ему откусила конецъ носа. Съ вечера она забралась на колокольню и тамъ поджидала всю ночь пономаря. Когда наступило утро, пономарь полѣзъ на колокольню звонить, но едва онъ взошелъ на верхъ, маіорша набросилась на него, откусила ему носъ и скрылась. Несчастный пономарь упалъ въ обморокъ и не замѣтилъ, кто съигралъ надъ нимъ такую шутку. Маіорша знала массу пѣсенъ и ими насъ развлекала. Изъ числа этихъ пѣсенъ я помню только слѣдующую:

У ворить дивка стоить,
Вона плаче говорить:
—„Ахъ калина, ахъ малина,
Ахъ калинушка моя!

Обыкновенно она носила въ карманѣ очень крупные желуди. Передъ пѣніемъ она вынимала ихъ и вставляла себѣ въ носъ, въ уши, по бокамъ рта, въ глаза и въ такомъ видѣ пѣла. Какъ то пріѣхала она къ намъ зимою и заказала на хуторѣ большую клѣтку, которую повѣсила надъ входными дверями въ дѣвичей. Она рѣшила поймать сойку и посадить ее въ клѣтку. Сама она соорудила силки, выкопала въ снѣгу ямочку и набрала въ нее желудей. Дня черезъ два сойка была въ ея рукахъ. Она посадила ее въ клѣтку и стала по цѣлымъ днямъ учить ее говорить. Въ теченіе какихъ нибудь 10—15 дней сойка уже стала отчетливо кричать выученныя ею отъ маіорши фразы:

Буки-ашъ—карандашъ,
Буки-рцы—огурцы.
и т. д.

Лѣтомъ она помѣщалась въ „горницахъ“. Это были 4 комнаты, построенныя надъ амбарами въ саду. Почему то она разсердилась „на русскихъ“, которые арендовали садъ. О бокъ сада находилось наше фамильное кладбище. Чтобъ наказать садовниковъ, она соорудила себѣ ходули и въ темную ночь накинула на себя простыню и на ходуляхъ отъ кладбища пошла къ сторожевой будкѣ. Арендаторы сада страшно перепугались, побѣжали во дворъ и заявили, что къ нимъ приходила смерть, вся въ бѣломъ, высокая. Конечно, во дворѣ всѣ догадались, что роль смерти играла маіорша, которая такъ старалась объ изготовленіи ходуль.

Помню, ей совѣтовали поступить въ монастырь. Она на это вопрошала:

— „Хиба у мужскій“?

О ней ходили слухи, будто бы она была не женщиною. Повидимому, къ распространенію такихъ слуховъ служила отчасти растительность на ея лицѣ, изображавшая собою усы, бороду, бакенбарды.

Когда она замѣчала, что ею начинали тяготиться, она выходила за ворота и поджидала случая съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ выѣхать отъ насъ. Мать моя обыкновенно обдаривала ее разнымъ хламомъ и иногда давала деньги.

Въ моей памяти до сихъ поръ сохранилась личность „Грыця" Мирошниченка изъ Сѣднева. Онъ былъ изъ числа крѣпостныхъ Лизогуба. Это былъ человѣкъ не высокаго роста, худой, вѣчно босой, одѣтъ въ рубище. Одни признавали его юродивымъ, а другіе пророкомъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ населеніи. На него не дѣйствовали ни холодъ, ни жара. Говорилъ онъ лаконически и часто гадательно. Водки онъ не пилъ вовсе и отличался большою набожностью. Онъ не пропускалъ ни одного храмового праздника.

Помню, мнѣ было лѣтъ 8. Я спросилъ его, какая ждетъ меня участь въ будущемъ. Вмѣсто отвѣта онъ сталъ рыться въ карманѣ, вынулъ оттуда кусочекъ „крейды" (мѣла) и сунулъ мнѣ въ руку. Я вспомнилъ этотъ фактъ, потому что пришлось поступить въ университетъ на математическій факультетъ, а затѣмъ, поступивши на службу, исписывать цѣлыя стопы бумаги. Грыць ничего не держалъ при себѣ, все, что получалъ, онъ раздавалъ бѣднымъ. Въ церквахъ онъ бралъ свѣчи безплатно и часто все служеніе стоялъ въ углу на колѣнахъ. Онъ пользовался большою популярностью въ населеніи и, какъ говорили, никогда ничѣмъ не хворалъ во всю свою жизнь, хотя никогда не носилъ обуви.

Рядомъ съ Грыцемъ въ моей памяти воскресаетъ образъ крѣпостного сосѣдняго помѣщика Б—аго, Ивана Скороходъ. Это былъ глубокій старецъ, ослѣпшій съ дѣтства. Онъ былъ сѣдой, какъ лунь, и носилъ большую бороду. Нельзя было его назвать нищимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Посѣщалъ насъ онъ довольно часто. Бывало, взойдетъ онъ въ комнаты, направится прямо въ столовую, становится на колѣняхъ передъ образомъ и начинаетъ пѣть своимъ старческимъ голосомъ. Пѣлъ онъ большею частью божественныя пѣсни:

О, Іисусе, мій прелюбезный,
Сердцю радосте,

Едина въ скорбѣхъ утихо,
Моя радосте!..

Нерѣдко посѣщалъ насъ бандуристъ „Лавринъ". Своею музыкою и пѣніемъ онъ доставлялъ намъ большое удовольствіе. Репертуаръ его пѣсенъ былъ обиленъ. Онъ зналъ и историческія пѣсни, и бытовыя. Къ сожалѣнію, я былъ еще безграмотнымъ и не могъ записать его пѣсню. Въ памяти моей сохранились только пѣсни о чечеткѣ и о попадьѣ. Вотъ начало ихъ:

Журылася попадья
Своею бидою:
Тяжко мини въ свити житы,
Бо нинъ зъ бородою.
и т. д.
Жила соби чечетушка
Зъ своимы дочкамы...

За симъ слѣдовало перечисленіе дочерей и зятей, приглашеніе ея на пиръ и т. п.

По временамъ къ намъ заходили старцы и пѣли разнаго рода божественныя пѣсни. Дальше сѣней со стороны дѣвичьей они не проникали. Мать моя каждый разъ заботилась, чтобы ихъ накормили и напоили. Обязанность эту выполняла, обыкновенно, ключница. Обѣдали они большею частью возлѣ кухни.

Матрена Ивановна одинъ разъ поставила имъ цѣлую „пляшку горилки". Они не церемонились и выпили чуть ли не сразу. За симъ между ними возникъ горячій споръ. Одинъ заявлялъ, что Кавель убивъ Авеля, а другой—что Авель убивъ Кавеля.

Д. Морозъ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ТИПЪ МАЛОРОССОВЪ.

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНІЕ).

Многіе изслѣдователи малорусскаго племени (Чубинскій [1]), В. Дибольдъ [2]), В. Е. Эмме [3]), Эркерагъ [4]), К. Н. Иковъ [5]), Ю. Д. Талько-Гринцевичъ [6]), А. Н. Красновъ [7]), Г. Коперницкій [8]), В. В. Петровъ [9]) и др.) указывали на большое разнообразіе физическаго типа Малороссовъ. Уже г. Чубинскій, одинъ

[1]) *Чубинскій.* Малоруссы Юго Западнаго края. СПБ. т. VII. ч. Ш. Труды этнограф.-статистич. экспедиціи въ Зап.-Русскій край, снаряж. Импер. Руск Географ. Общ.

[2]) Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen W. Diebold. Diss. Dorpat 1886 г.

[3]) „Антропологія и Медицина". Полтава. 1882 г. См. также его статьи: 1) о соотношеніи между цвѣтностью и формой черепа въ полтав. губ. 2) О множественности типовъ великорусскихъ и малорусск. череповъ, 3) о множественности антропологическихъ среднихъ типовъ великорусскихъ и малорусскихъ череповъ (Дневникъ Антропол. Отдѣла 1886 г.).

[4]) Извѣстія Квказ. Отдѣла Импер. Русскаго Географич Общ. Тифлисъ 1882 г. т. VII.

[5]) Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико-и малоруссами. Двевн. Антропол. Отдѣла. 1890 г. В. IV.

[6]) „Физическая характеристика Украинскаго народа". Протов. Рус. Антропол. Общ. СПБ. 1892 г.

[7]) Объ антропологическихъ типахъ харьковскаго уѣзда и города Харькова". Географич. Сборн. 1891 г.

[8]) Prof J. Kopernicki. Charakterystyka fizyczna góraliusskich na podstawie własnych spostrzeżeń na osobach żywych opracował.

[9]) *В. В. Петровъ* „Сравненіе антропометрическихъ данныхъ о призывныхъ курск. губерніи". Дн. Антропол. Отдѣла. 1893 г. Вып. I.

изъ первыхъ изслѣдователей,—различалъ въ малорусскомъ племени три, довольно рѣзко обособившихся, типа: Украинцевъ, Подолянъ и Полѣшуковъ, отличающихся другъ отъ друга нарѣчіемъ, бытовой обстановкой и особыми физическими признаками. Другіе авторы раздѣляютъ малороссовъ на значительно большее еще число типовъ.

Извѣстно, что существуетъ много споровъ и разногласій, какъ о границахъ этнографическаго распространенія малорусскаго племени, такъ и о самобытности этого племени, его языка и, наконецъ, о времени происхожденія самой малорусской народности. Я не имѣю времени входить здѣсь въ обсужденіе этихъ, весьма интересныхъ, вопросовъ и возбужденныхъ ими споровъ. Несомнѣнными являются, однако, слѣдующія положенія: 1) малорусское племя сохранило до сихъ поръ нѣкоторые признаки, характерные для типа древнихъ славянъ; 2) антропологическій типъ малоруссовъ носитъ слѣды значительной примѣси инородческихъ элементовъ.

Мною лично были сдѣланы антропометрическія изслѣдованія и наблюденія антропологическаго характера надъ украинцами кубанской области, потомками бывшихъ черноморскихъ козаковъ. Какъ извѣстно, черноморское войско составилось изъ переселившихся въ предѣлы нынѣшней кубанской области остатковъ славнаго войска запорожскаго. Къ нимъ впослѣдствіи въ разное время было переселено болѣе 100.000 душъ изъ малороссійскихъ губерній (полтавской, екатеринославской, харьковской, черниговской). Наблюденія свои я производилъ по схемѣ Брока, при помощи точныхъ инструментовъ и пособій въ видѣ хроматической таблицы Брока (для опредѣленія цвѣта кожи, глазъ и волосъ), и таблицы для опредѣленія остроты зрѣнія и цвѣтоощущенія. Мои наблюденія послужили предметомъ особаго доклада въ Антропологическомъ Отдѣлѣ Импер. Общества Любителей Естествознанія.

Въ настоящемъ своемъ докладѣ я постараюсь не утомлять слушателей цифровыми выкладками, а сгруппирую лишь общіе выводы изъ собранныхъ мною антропологическихъ данныхъ, неоднократно провѣренныхъ и сопоставленныхъ съ данными

другихъ авторовъ, производившихъ свои изслѣдованія въ различныхъ областяхъ, населенныхъ Малороссами.

Однимъ изъ главнѣйшихъ физическихъ признаковъ, характеризующихъ украинца,—будетъ высокій ростъ. На это уже указалъ Д. Н. Анучинъ[1]) въ своемъ трудѣ о ростѣ населенія Россіи, трудѣ, который со времени выхода въ свѣтъ (1889 г.) сталъ настольной книгой для каждаго интересующагося вопросами русской антропологіи. Дѣйствительно, высокій ростъ и ростъ выше средняго—преобладаютъ среди малороссовъ. Варіаціи же средней величины роста довольно значительны. Наибольшій „средній ростъ" (1667—1700) наблюдается въ кубанской области, наименьшій—въ черниговской и волынской губ. (1641), а также и въ Галиціи (1641),—коренныхъ и первоначальныхъ мѣстахъ жительства предковъ современныхъ малороссовъ.

Относительно цвѣта кожи, волосъ (на головѣ) и глазъ—всѣ наблюдатели согласны, что среди малороссовъ по преимуществу замѣчаются: свѣтло-розовый цвѣтъ кожи (72—85%), темные волосы (60—70%). и глаза свѣтлыхъ оттѣнковъ (52—60%). Лишь у малоруссовъ кубан. области (Гильченко), да у Галицкихъ руссиновъ и русскихъ горцевъ (Коперницкій) замѣчено преобладаніе смуглаго цвѣта кожи (65—70%) и почти равное распредѣленіе свѣтло-и темноволосыхъ. При этомъ несмотря на различіе мѣстъ наблюденія (Кавказъ, Галиція, Кіевская губ., Харьковск., Полтавск., Курская и др.),—результаты наблюденія у всѣхъ авторовъ поразительно сходны между собою. Колебанія %-наго отношенія по цвѣту кожи, волосъ и глазъ у малороссовъ различныхъ областей—крайне ничтожны.

Весьма интересно сопоставленіе цвѣта глазъ съ цвѣтомъ волосъ и взаимныя ихъ комбинаціи. Оказывается, что между малороссами чаще всего встрѣчается „смѣшанный типъ" (свѣтлые волосы и темные глаза, или наоборотъ — темные волосы и свѣтлые глаза). При этомъ %-ное распредѣленіе этого типа варьируетъ въ небольшихъ предѣлахъ (40—

---

[1]) „О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи". СПБ. 1889 г.

59%). Также довольно стойко держится среди малороссовъ и свѣтлый типъ (свѣтлые волосы и глаза свѣтлыхъ оттѣнковъ)—(16—34%) „Всего же рѣзче колеблется степень распространенія „темнаго типа“ (темные волоса и темные глаза). Такъ, одинъ авторъ (Ю. Д. Талько-Гринцевичъ) наблюдалъ у малороссовъ кіевской губ. „темный типъ всего въ 6%[1]), а другой—нашелъ его въ 39% среди населенія полтавской губ. (В. Е. Эмме).

Неоднократно указывалось, что „темный типъ“ всегда составлялъ и составляетъ особенность западныхъ славянъ,—въ томъ числѣ и малороссовъ—въ противоположность сѣверо-восточнымъ славянамъ, гдѣ преобладаетъ свѣтлый типъ. Съ этой точки зрѣнія интересно отмѣтить среди украинцевъ поглощеніе темнаго типа—свѣтлымъ.

Но быть можетъ, свѣтлый цвѣтъ глазъ и волосъ составляетъ коренной, основной физическій признакъ малоросса, прямого потомка одного изъ племенъ русскихъ славянъ?

Быть можетъ, именно свѣтлый типъ и приближаетъ украинца къ его славянскому прообразу? Описанія современниками наружности древнихъ славянъ, къ сожалѣнію, довольно поверхностны и не даютъ яснаго представленія объ антропологическомъ типѣ нашихъ далекихъ предковъ. Въ большинствѣ, впрочемъ, ихъ описываютъ[2]) свѣтлокожими, свѣтловолосыми и свѣтлоглазыми. Въ такомъ случаѣ темный типъ, т. е. распредѣленіе темнаго пигмента, встрѣчающееся у малороссовъ въ различныхъ ком-

---

[1]) L. cit. стр. 47.

[2]) У Соловьева, напр., („Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“) находимъ слѣдующее: „о наружности древнихъ славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны, кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темно—русые, лицо красноватое (т. I, стр. 73). Затѣмъ о Сарматахъ и скиѳахъ (близкихъ по крови древнимъ славянамъ), нѣкогда населявшихъ области, теперь занимаемыя малорусскимъ племенымъ: „сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по тѣлу разными узорами“ (стр. 115)..... „Относительно наружности скиѳы представляются у древнихъ бѣлокожими, краснолицыми, голубоглазыми, съ мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скиѳы были очень похожи другъ на друга, толсты и мясисты“ (стр. 42)... (т. I. Исторія Россіи съ древн. временъ).

бинаціяхъ въ окраскѣ кожи, волосъ и радужной оболочки должно разсматривать какъ элементъ чуждый, инородческій.

Достоенъ вниманія тотъ фактъ, что у темноволосыхъ украинцевъ Кубанской области (по моимъ наблюденіямъ) и полтавск. губ. (по наблюденіямъ В. Е. Эмме) $^0/_0$-ное отношеніе окружности грудной клѣтки къ росту—менѣе благопріятно, чѣмъ у свѣтловолосыхъ. А именно В. Е. Эмме нашелъ, что темноволосые украинцы полтавск. губ. имѣютъ окружность груди менѣе $^1/_2$ роста на 36 м. м., а у свѣтловолосыхъ величина окружности груди превышаетъ $^1/_2$ роста. По моимъ же наблюденіямъ, среди кубанскихъ козаковъ окружность груди вообще превышаетъ $^1/_2$ роста, но тогда какъ темноволосые имѣютъ отношеніе окружности груди къ росту=51,9, у свѣтловолосыхъ оно равно 53,0$^0/_0$.

Воздерживаясь пока отъ поспѣшныхъ заключеній о меньшей физической крѣпости и жизнеспособности темноволосаго типа въ малорусскомъ племени, тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ еще разъ отмѣтить болѣе благопріятное отношеніе периметра грудной клѣтки къ росту у свѣтловолосаго типа. Невольно, самъ собою напрашивается вопросъ,—не имѣетъ-ли связи этотъ фактъ съ постепеннымъ поглощеніемъ темнаго типа свѣтлымъ, являющимся, повидимому, болѣе жизнеспособнымъ? Было бы въ высшей степени важно провѣрить указанное явленіе на болѣе значительномъ матеріалѣ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію размѣровъ головы, мы прежде всего наталкиваемся на весьма любопытный фактъ, что у малороссовъ какъ абсолютная величина горизонтальной окружности головы, такъ и ея относительная величина малыхъ размѣровъ. Это явленіе отчасти объясняется высокимъ среднимъ ростомъ малоросса. Подходящія величины наблюдались у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ (Эсты, Ливы), тюркскихъ (Киргизы и Татары Крыма) и Иранскихъ (горцы Кавказа).

Малая горизонтальная окружность головы указываетъ на небольшую величину черепа, на малую черепную вмѣстимость (емкость черепа). Дѣйствительно, непосредственнымъ взвѣшиваніемъ мозга болѣе чѣмъ у 60 особей мнѣ пришлось убѣдиться, что средній вѣсъ мозга у малороссовъ невеликъ (1320 грам.)—

въ сравненіи съ вѣсомъ мозга у другихъ племенъ—по моимъ личнымъ наблюденіямъ[1]).

Размѣры другихъ головныхъ дугъ (поперечно-ушной и затылочно-лобной) подтверждаютъ фактъ небольшой величины черепа у малороссовъ. Въ этомъ отношеніи къ нимъ ближе всего подходятъ помимо кровныхъ близкихъ—Бѣлоруссовъ (Янчукъ), и Великоруссовъ—Персіяне, Осетины, Башкиры, Киргизы, Татары Крыма и Тюркскія племена Кавказа.

Характерной формой головы у малороссовъ является—брахицефалическая. Брахицефалія всего рѣзче выражена въ населеніи кіевск. губ. (головной указатель=83,2 у Талько-Гринцевича и 84,3 у Дибольда). Просматривая %-ное распредѣленіе длинноголовыхъ, средне и коротко-головыхъ, мы видимъ, что количество долихоцефаловъ въ современномъ украинскомъ населеніи незначительно (9,8% въ кубан. области, 3,7%—8,5%—въ кіевск. губ. и 17,8% въ полтавск. губ.). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, были ли древніе славяне долихоцефалами или брахицефалами. Черепа, найденные въ курганахъ центральной и южной Россіи, въ большинствѣ случаевъ оказывались долихоцефальными. Такъ что въ немногихъ процентахъ длинноголовыхъ и сказывается, быть можетъ, вліяніе доисторическаго курганнаго населенія на типъ современныхъ малороссовъ.

Считая высокій ростъ характернымъ для древнихъ славянъ и полагая, что у высокорослыхъ Украинцевъ сохранились въ большой чистотѣ, чѣмъ у малорослыхъ и другія черты древне-славянскаго типа, я выдѣлилъ высокорослыхъ въ особую группу и для каждаго изъ нихъ отдѣльно вычислилъ головные указатели. Разницы никакой не оказалось. Ростъ, повидимому, не имѣетъ вліянія на распредѣленіе формъ головы среди малороссовъ. Но по цвѣту волосъ—замѣчается разница. А именно: темноволосые украинцы (кубан. области) имѣютъ замѣтно большую наклонность къ брахицефаліи.

---

[1]) Такъ напр. средній вѣсъ мозга у осетинъ (11 суб.)=1465,3 грм., у чеченцевъ (ингушей) (13 суб.)=1453 грм., Дагестанскихъ горцевъ=1340 грм., грузинъ (11 суб).=1350 грм. и армянъ=1369 грм., подробн. въ статьѣ моей: „Le poids du cerveau chez quelque peuples du Caucase". (Въ трудахъ международныхъ конгрессовъ по Археологіи и Антропологіи, бывшихъ въ 1892 г. въ Москвѣ).

Я не буду останавливаться на величинѣ остальныхъ діаметровъ головы: наибольшемъ продольномъ и поперечномъ ушномъ, лобномъ и друг: скажу только, что сравненіе величины этихъ діаметровъ съ подобными же размѣрами у другихъ народовъ постоянно сближаетъ малороссовъ съ тюркскими племенами (чаще всего съ татарами Крыма, Касимова, затѣмъ съ башкирами, киргизами, узбеками) и иранскими (горцами Кавказа и иранцами Средней Азіи). Сходство съ финскими племенами встрѣчается гораздо рѣже. Измѣренія лица и его частей, абсолютныя и относительныя величины ихъ также интересны въ томъ отношеніи, что постоянно совпадаютъ съ тѣми же величинами то у иранскихъ племенъ (осетинъ и друг.), то у тюркскихъ (преимущественно татаръ Крыма).

Лицевая линія (т. е. длина лица) у малороссовъ мала. Лобъ (иначе говоря верхняя $1/3$ лица) также небольшого размѣра, что считается характернымъ именно для иранцевъ; средняя треть лица, т. е. носъ) еще болѣе замѣтно малыхъ размѣровъ (тоже у многихъ тюрковъ и иранцевъ). Межглазничное пространство—среднихъ размѣровъ и мало чѣмъ уступаетъ ширинѣ носа, что, по мнѣнію антропологовъ, составляетъ одно изъ доказательствъ примѣси тюркской или монгольской крови къ данному племени. Слѣдуетъ отмѣтить, что у малороссовъ кубанской области чаще, чѣмъ у другихъ, встрѣчается этотъ монголоидный признакъ.

Нижняя треть лица у малороссовъ имѣетъ довольно значительные размѣры, что опять таки характерно для иранцевъ и многихъ тюркскихъ племенъ.

Лицевой указатель, т. е. отношеніе наибольшей ширины лица къ формѣ его, снова ставитъ малороссовъ въ одну группу съ иранцами и тюрками (башкирами, горскими татарами Кавказа и Крыма).

Измѣренія высоты надъ почвой различныхъ точекъ (слуховаго отверстія, верхнеплечевого отростка, вырѣзки грудины, пупка, лоннаго сращенія и пр.)—дѣлались мною и еще немногими изслѣдователями, но такъ какъ они мало характеризуютъ типъ малоросса, то я ихъ опускаю.

Еще болѣе ограниченное количество данныхъ имѣется относительно длины рукъ и ногъ и ихъ отдѣльныхъ частей. Нельзя не упомянуть однако о меньшей длинѣ руки украинцевъ кубанской области, сравнительно съ малороссами кіевск. губ., которые въ свою очередь уступаютъ еще болѣе длиннорукимъ великорусамъ.

Абсолютная длина ногъ у малороссовъ сближаетъ ихъ съ эстами (О. Грубе), ливами (Вальдгауеръ) и осетинами (Гильченко), а по относительной длинѣ нижнихъ конечностей—они подходятъ къ осетинамъ и маджикамъ.

Изъ отдѣльныхъ частей ноги интересно указать на значительную величину бедра у малороссовъ (кубанской области—по моимъ наблюденіямъ, кіевской—по наблюденіямъ Талько-Гринцевича). Относительная длина бедра у малороссовъ превосходитъ ту же величину у западныхъ славянъ и нѣмцевъ, вообще отличающихся, по Вейссбаху, длиной ногъ и относительной величиной бедра.

Подводя итоги всему выше сказанному, мы видимъ, что малороссы представляютъ въ своемъ антропологическомъ типѣ весьма замѣтные слѣды примѣси инородческой крови, преимущественно крови тюркскихъ племенъ. Это явленіе уже давно подмѣчено нѣкоторыми историками и этнографами. Еще г. Чубинскаго [1]) поражало сходство малороссовъ съ Крымскими татарами, среди которыхъ, въ свою очередь, часто встрѣчались лица, вполнѣ похожія на Малоросовъ. Причинъ такого сходства имѣется достаточно. Цѣлыя столѣтія Украинцы сосѣдили

[1]) „Между малоруссами часто встрѣчаются типы совершенно татарскіе и въ то же время у Крымскихъ татаръ можно нерѣдко встрѣтить типичныя малорусскія лица; попадаются также лица, напоминающія Кавказскихъ горцевъ, и это неудивительно. Не говоря уже о кочующихъ народахъ княжескаго періода, каковы Печенѣги, Хозары и др., которые могли, хотя частью, осѣдать въ краѣ,—здѣсь, на Украинѣ, поселились Тюрки, Берендѣи и Черные Клобуки. Затѣмъ постоянные набѣги татаръ, увозъ женщинъ въ плѣнъ—не могли не вліять, какъ на татарскій, такъ и на малорусскій типы. Кромѣ этого восточнаго элемента во время казачества долженъ былъ оказать хотя нѣкоторое вліяніе южно-славянскій и румынскій элементы, притекавшіе въ казацкую Украину, а въ особенности въ Запорожскую Сѣчь“...

съ Крымской ордой. То дружескія, то враждебныя отношенія Украины и Крыма не прерывались, и эта непрерывность сношеній красной нитью проходитъ чрезъ всю исторію Малороссіи. Но и до появленія татаръ, въ еще болѣе отдаленныя времена, на югѣ Россіи обитали кочующія тюркскія племена: Печенѣги, Половцы, Тюрки, Берендѣи, Черные Клобуки, Хазары и пр. Всѣ эти народы, еще встрѣчающіеся на зарѣ русской исторіографіи, въ далекомъ прошломъ осѣли на Украинѣ и затѣмъ исторически, но не антропологически исчезли.

Такое предположеніе, давно высказанное историками, подтверждается нынѣ антропометрическими данными.

Я далекъ отъ мысли считать сдѣланныя мною указанія на степень распространенія свѣтлаго и темнаго типовъ, формъ головы и на антропометрическое сходство Малороссовъ съ тюрками исчерпывающими вопросъ о физическомъ типѣ Малороссовъ. Этими указаніями, этимъ сходствомъ лишь намѣчается вопросъ, и потребуется еще много труда для выясненія иныхъ вліяній, каковы: топографическія и климатическія условія различныхъ областей, занимаемыхъ малорусскимъ племенемъ. Еще, быть можетъ, важнѣе уяснить типъ различныхъ племенъ русскихъ славянъ (Сѣверянъ, Древлянъ, Дреговичей, Полянъ, Волынянъ, Бужанъ и др.), вошедшихъ въ составъ Малорусскаго племени и обусловливавшихъ столь значительное разнообразіе антропологическаго типа современныхъ Малоруссовъ. Но всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены не единичными усиліями антропологовъ, о лишь дружной совмѣстной работой русскихъ историковъ, географовъ, археологовъ и антропологовъ [1]).

[1]) Читано 9 января 1894 года на IX Съѣздѣ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей. Полностью данное изслѣдованіе будетъ напечатано въ „Трудахъ“ Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Московскаго Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1].

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

Изъ сравненія жилищъ, внутренняго убранства ихъ, хозяйственныхъ строеній, земледѣльческихъ орудій, ремеслъ, промышленныхъ занятій, обуви и одежды, видно, что нынѣшніе крестьяне лучше живутъ. Но за то теперь они хуже питаются и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи.

Хлѣбъ покупаютъ крестьяне съ осени, чего никогда не бывало въ старину и что вызвало въ жизни села новый промыселъ: евреи покупаютъ рожь въ селѣ у помѣщиковъ, священниковъ, богатыхъ крестьянъ, въ томъ же селѣ мелютъ на муку и тутъ же на мѣстѣ продаютъ крестьянамъ. Явленіе это (торговля мукою) недавнее—съ 80 годовъ.

Если принять во вниманіе то, что главное средство жизни крестьянина—земельный надѣлъ—съ 1847 года (времени изданія инвентарныхъ правилъ) не увеличился, а число крестьянъ владѣльцевъ того надѣла удвоилось (въ 1847 году въ клировой вѣдомости села Спичинецъ значится крестьянъ муж. пола 426, женск. пола 431, въ 1893 году муж. 764, женск. пола 859, то станетъ яснымъ, отъ чего крестьянинъ земледѣлецъ терпитъ нужду въ самой существенной потребности—въ хлѣбѣ.

А между тѣмъ 30 и 40 лѣтъ тому назадъ на рѣдкомъ крестьянскомъ гумнѣ не стояли трехъ и четырехлѣтнія скирды озимаго хлѣба въ ожиданіи лучшихъ цѣнъ на хлѣбъ. Эго яв-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 5.

леніе было до такой степени обычное въ нашей мѣстности, что, бывало, и вниманія не обращаешь на десятки скирдъ помѣщичьихъ, стоящихъ по десяти лѣтъ на поляхъ каждаго села. У помѣщика села Ярешекъ только въ началѣ семидесятыхъ годовъ сожжено болѣе 25 скирдъ ржи и пшеницы, стоявшихъ свыше 10 лѣтъ на поляхъ, такъ что и мыши переѣли зерно, и солома сгнила, и свиньи проваливались внутрь скирды [1]). Одинъ и тотъ же надѣлъ земли въ старину кормилъ въ волю крестьянина и давалъ ему еще избытокъ для продажи и для храненья про черный день, а теперь тотъ-же надѣлъ не даетъ даже на годъ хлѣба крестьянину, даже на полъ-года у большинства не хватаетъ его.

Этотъ недохватъ хлѣба съ надѣла, дававшаго раньше излишекъ, объясняется, кромѣ той причины, что надѣлъ не увеличивается, а владѣльцы его умножились вдвое, еще и тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что за 50 лѣтъ съ 1847 по 1893-й г. земля истощилась. Пѣшій надѣлъ въ 2 десятины озимаго хлѣба 30—40 лѣтъ тому назадъ давалъ отъ 25 до 40 копъ ржи и пшеницы (а „перелоги"—дѣвственныя почвы—давали до 60 копъ); считая каждую копу въ 7 пудовъ зерна, получалось отъ 175 пудъ до 280 пудовъ зерна съ пѣшаго надѣла; теперь тотъ же пѣшій надѣлъ земли (не беру неурожаевъ) въ средніе и хорошіе урожаи даетъ отъ 10 до 20 копъ хлѣба, т. е. отъ 70 до 140 пудовъ зерна.

На пѣшемъ земельномъ надѣлѣ, состоявшемъ изъ 8 десятинъ,—по 2 десятины въ 3-хъ пахатныхъ (озимой, яровой и толочной) и въ 4-й сѣнокосной смѣнахъ (самый высшій размѣръ пѣшаго надѣла въ уѣздѣ), прежде жила одна семья, предположимъ, изъ шести душъ обоего пола, и получала 280 пудовъ озимаго хлѣба—на каждую душу приходилось по 46 пудовъ; теперь на томъ же пѣшемъ надѣлѣ сидятъ два и три отдѣльныя семейства, состоящія въ общемъ числѣ изъ 12 душъ, и получаютъ съ цѣлаго надѣла 140 пудовъ зерна—на каждую душу придется по 12 пудовъ зерна вмѣсто 46 пудовъ, и то въ самые лучшіе, урожайные годы.

---

[1]) А теперь и зимою тотчасъ по сборѣ хлѣба нигдѣ ни у помѣщика, ни у крестьянина не увидите скирдъ хлѣба.

Кромѣ этихъ прямыхъ причинъ, сокращающихъ каждому члену семьи, владѣющей „пѣшакомъ", долю хлѣба съ этого пѣшаго надѣла, есть еще и косвенныя причины, (еще болѣе) урѣзывающія и ту недостаточную для пропитанія долю.

Дѣло въ томъ, что пока пѣшій надѣлъ былъ въ нераздѣльномъ владѣніи одного хозяина, послѣдній имѣлъ возможность держать столько рабочаго скота, сколько было необходимо ему для обработки своего поля; но какъ только въ слѣдующемъ поколѣніи пѣшій надѣлъ раздѣленъ на двухъ-трехъ сыновей, отдѣлившихся и живущихъ отдѣльными домами и хозяйствами, каждый изъ сыновей не въ состояніи былъ держать столько скота, чтобы обработать самому свою землю и прозимовать скотъ соломою съ 3-й части надѣла, поэтому волей неволей онъ отдавалъ свою „третыну" съ половины богатому хозяину-пишому; такъ что отдавшему землю крестьянину приходилось получать съ поля уже не 12 пудовъ на душу, а только 6 пудовъ. Къ тому же еще и земля у такого мелкаго собственника истощалась скорѣе, чѣмъ у богатаго, потому что, не имѣя скота, онъ не имѣетъ чѣмъ удобрить землю и съ каждымъ годомъ онъ все меньше и меньше получаетъ хлѣба съ постепенно истощающейся земли.

При надѣлѣ крестьянъ землею у пѣшаго хозяина былъ одинъ домъ и хозяйственныя постройки, теперь нерѣдко на томъ же пѣшемъ надѣлѣ стоитъ три дома и три хозяйства. И нужно соломою съ того же одного пѣшаго надѣла отопить уже не одну, а три печи, поправить крышу не на одномъ, а на трехъ домахъ, кормить людей и скотъ не одного, а трехъ хозяевъ. Если же хозяинъ самъ не обрабатываетъ землю, а отдаетъ ее съ половины, или въ случаѣ крайней нужды (свадьба, похороны, неурожай) и продаетъ ее, тогда ужъ онъ почти безвозвратно погибъ для собственнаго хозяйства. Хлѣба нужно купить сейчасъ послѣ жнивъ, кожухъ и свитку нужно купить, потому что онъ, не имѣя паши, не держитъ овецъ, а не держа овецъ, онъ не стрижетъ и овечьей шерсти для свиты, не зарѣжетъ и барана на мясо и на шкуру для кожуха, солому или дрова нужно купить; а о покупкѣ сала и мяса нечего и мечтать; когда бы

заработать только на хлѣбъ, на обувь, на одежду, на чиншъ (съ пѣшаго надѣла 14 р.), на мирской сборъ (съ пѣшаго надѣла 6 р. 50 к.) и страховку (30 коп.). Да кромѣ того, онъ аще раньше, когда строилъ отдѣльный для себя домъ, залѣзъ въ долги и ежегодно по немногу выплачиваетъ. А тутъ новое дѣло затѣваетъ ему судьба. Волостной писарь, изыскивая способы къ увеличенію своего благосостоянія, додумался завесть въ своей волости сутяжничество между крестьянами. Призываетъ онъ крестьянина и предлагаетъ ему, чтобы жена его отняла у своего богатаго брата часть батьковскаго поля.

— Ни, пане, не хочу я позыватысь съ братомъ жинки, та ще й богатымъ; винъ грошима засыпле, а я чимъ вдию? Тай вамъ на що це пане?

— „Отъ тоби и дурень. Хоть я зъ тебе ничого не возьму, бо у тебе чортма грошей, за те братъ твоеи жинки заразъ мини принесе гроши, щобъ не податысь тоби и не даты земли.

— То якажъ мини корысть съ позвивъ? Тилько часъ згаю, та переимся, та гриха на душу возьму, проклынаючись, а земли жинка якъ не мала, такъ и не буде маты.

— „Дурню, ты дурню! аже якъ одберешъ одъ брата пивъ пишака, бо законъ на іи сторони, ій слидуе отъ батька—и вона така-жъ дытына у свого батька, якъ и винъ,—якъ одберешь пивъ пишака, то тоди станешъ зновъ на ноги, буде чымъ скотыну вызимуваты и станешъ самъ свою землю обробляты, хозяиномъ будешъ, а—о такъ и зогныешь въ наймытахъ у двори. Тай чого ты боишься?

— Якъ же мени, пане, не боятысь? Романъ Дзядокъ позывався съ Матвіемъ Борейкомъ, то поки за пять рокивъ вызывавъ пивъ пишака, то пропозывавъ штырыста карбованцивъ, та й Борейко у коршми крычыть, що й поле его пропало, и двисти карбованцивъ пропало.

— Этъ незнаты що говорышь! Що жъ я съ тебе возьму? Колы у тебе самого и хлиба немае! А колы хочешь знаты, якъ я тоби добра желаю, то я тоби даромъ и прошеніе напышу, и усе дило буду робыты, а ты тилько съ жинкою являйся на судъ, якъ будемъ тебе клыкаты“.

И началъ онъ сутяжное дѣло, и въ концѣ концовъ получилъ по 1 моргу поля отъ брата жены, но не дешево все-таки оно ему досталось. Зарвавшись съ братомъ, ему уже не хотѣлось бросить позвы, сулившіе ему клочекъ земли, и въ счетъ этого поля, присужденнаго ему въ 1-й инстанціи, онъ одолжилъ опять деньги, отдавъ то поле на нѣсколько лѣтъ, чтобы оно само окупило судебныя издержки.

Я не упоминалъ бы объ этомъ фактѣ въ числѣ разоряющихъ благосостояніе крестьянина, если бы этотъ фактъ былъ единичный, но горе то въ томъ, что эта болѣзнь повсемѣстная въ нашемъ Юго-западномъ краѣ. Быть можетъ, только 20-е изъ 100 семействъ добровольно раздѣлилось землею безъ участія волостного суда. Земля все-таки главная кормилица крестьянина, и отдать ему половину своей земли брату или сестрѣ, когда онъ же владѣлъ ею,—это значило разорить себя—все равно, что „одирваты шматокъ своеи печени“. Противнику же его казалось, что если онъ теперь не отвоюетъ земли, то и до страшнаго суда нигдѣ не найдетъ ее и не поправится. На этомъ страстномъ отношеніи къ землѣ крестьяне обнищалися въ судахъ и доходили до такой вражды и ожесточенія, что одинъ сынъ повѣсилъ родного отца ногами верхъ, затѣмъ разрубилъ ему голову и самъ отдался въ руки правосудія. (подольск. губ. брацлавскаго у. с. Сороконоги). Только одни писаря, не вкусившіе отъ древа познанія добра и зла, выигривали на этомъ разорительномъ и полномъ ужасныхъ семейныхъ драмъ сутяжествѣ крестьянъ, брали земли въ посессію и сбивали капиталы до 20 и болѣе тысячъ, получая годичнаго жалованья 300 и 400 рублей. Но съ конца 80-хъ годовъ крестьяне научились понимать, что не все дѣло въ писаряхъ, и теперь не тратятъ бѣшеныхъ денегъ при искахъ за землю, а писаря только вспоминаютъ о тѣхъ годахъ, какъ о золотомъ вѣкѣ писарской жизни.

Невозможность содержать достаточно рабочаго скота на мелкомъ участкѣ раздробленнаго пѣшаго надѣла и вытекающая отсюда необходимость отдать половину и этого мелкаго куска земли за обработку его, или же продать землю, а отсюда отсутствіе топлива, даваемаго полемъ, и покупка дровъ рублей на

15—вотъ первая группа тяжелыхъ условій въ жизни крестьянина. Прибавьте къ этому покупную, а не самодѣльную одежду, покупной хлѣбъ, уплату чинша, мирского сбора и страховки, уплату денежнаго долга и процентовъ за постройку дома и хлѣва, расходы или судебныя издержки, пока каждый оттягаетъ себѣ отъ родителей или старшихъ братьевъ свою долю земли; затѣмъ, почти ежегодныя „оказіи“—крестьбины, похороны, „весилье“,—влекущія за собою новые долги и въ корчму, и въ церковь, частыя болѣзни дѣтей въ семьѣ, два раза въ году (въ Филипповъ и въ Великій постъ) священникъ посѣтитъ домъ съ молитвою, дьячекъ еще два раза посѣтитъ на Рождество и Великъ день, 5-й разъ и священникъ, и дьячекъ вмѣстѣ посѣтятъ для освященія Крещенскою водою дома и живущихъ въ немъ,—и каждый разъ по заведенному изстари порядку провожаешь ихъ съ хлѣбомъ, да совѣстно не дать хоть 3 или 5 коп., а передъ Великоднемъ и пару яицъ. А тутъ еще и старцивъ—нищихъ каждый день Богъ даетъ, по 1 или по нѣсколько паръ, и имъ нужно дать покрышку муки, или кусокъ хлѣба, а если застанутъ хозяевъ за обѣдомъ, то совѣстно не попросить бѣднаго человѣка за столъ, да погорѣльцы изъ другихъ селъ идутъ, а то ежегодные сборщики на строеніе новой церкви ходятъ—и тѣмъ нужно дать, что имѣешь, или копѣйку, или миску зерна, или муку. Тутъ смотри—богомолецъ по святымъ мѣстамъ на ночь упросится—тоже придется дать повечерять, а пріидешь въ церковь, ставятъ люди свѣчи—нужно и себѣ хоть разъ на годъ поставить свѣчку, а въ церкви еще батюшка прочтетъ воззваніе пожертвовать въ пользу гроба Господня и на Палестинское общество, а на 1-й недѣлѣ поста въ пользу православія, лѣтомъ въ пользу слѣпыхъ, а не то на построеніе храма въ Карсѣ или въ Варшавѣ. Да нужно же послѣ тяжкой мускульной „праци“, хоть когда-нибудь пойти „межъ люди“, отряхнуть отъ себя думки тяжки; а людей только въ одной корчмѣ и найдешь. Пойдетъ въ корчму крестьянинъ и съ пріятелями выпьетъ чарку, другую,—и нѣтъ дневного заработка.

Все это въ совокупности говоритъ моему уму, что крестьянину плохо живется, что онъ радъ сухому хлѣбу и картофелю.

Сало, мясо и рыбу ему не за что купить,—онъ и на хлѣбъ одолжаетъ деньги. А всего то онъ самъ получаетъ въ годъ не болѣе 70 и 80 рублей, а то и меньше. Благо еще крестьянину, когда дѣти подростутъ и въ состояніи ходить на подденныя работы; они въ день принесутъ въ домъ отъ 10 до 20 коп. каждый. Но чуть выростетъ дитя—ожени его, замужъ выдай, затѣмъ расплатись съ нимъ за его роботу и подспорье въ хозяйствѣ; женилъ сына,—новая бѣда: отдѣли его, строй ему другой домъ, отдай ему часть того несчастнаго поля. Не дашь сыну поля, хочешь, чтобъ сынъ „въ гуртъ" на семью работалъ,

— Я на вашихъ, тату, дитей не буду робыты, говоритъ сынъ: у мене есть свои диты, а вы мени отдайте мою долю поля, бо все идно волость васъ заставыть оддаты".

Отдастъ отецъ одному сыну поле и другому, а самъ остается безъ поля и остается жить у меньшаго сына. Но приду я съ молитвою въ домъ, спрашиваю старуху:

— А дежь вашь старенькій?

— У другого сына, у Виктора, бо цей меньшій Зинько каже, що на него скорботно обоихъ насъ старихъ триматы. То старый и посунувся до старшого сына.

Такъ, судя по внѣшнему виду села, по внѣшней обстановкѣ жизни вольнаго крестьянина, хочется думать, что ему лучше живется, чѣмъ жилось крестьянину—„крѣпостному", но всмотрѣвшись въ то, что у него хлѣба нѣтъ вдоволь, что онъ питается почти одною растительною пищею: хлѣбомъ, картофелемъ, капустою, чеснокомъ и лукомъ (и то впроголодь),—приходится думать, что вольному крестьянину живется въ этомъ отношеніи хуже, чѣмъ жилось крѣпаку.

Правда, крѣпакъ былъ крѣпакъ, рабъ; онъ стоналъ подъ плетью эконома, но у него было то убѣжденіе и вѣра, какъ и у евреевъ въ Египтѣ, что угнетатели его чужеземцы—поляки— и что царь православный освободитъ изъ неволи, что священники подкуплены помѣщиками, затмили наши права, пожалованныя Государемъ Императоромъ, и согласились съ ними угнетать насъ вопреки царскому повелѣнію.

Увлекшись размышленіями, я отошелъ далеко въ сторону отъ описанія первобытнаго строя домашней обстановки жизни въ домѣ моего отца во время обученія насъ пѣнію.

Въ ожиданіи ужина, если только отецъ мой не читалъ намъ „Житій святыхъ людей" св. Димитрія Ростовскаго, мы дѣти—пѣвчуки проводили время въ разныхъ занятіяхъ и забавахъ. Одинъ изъ пѣвчуковъ былъ большой мастеръ, сравнительно съ нами, дѣлать прекрасныя табакерки изъ березовой коры съ донышкомъ и крышкою липоваго дерева и дѣлалъ маленькія книжечки изъ той же коры и писалъ на нихъ „Отче нашъ" и т. д. Этою работой онъ привлекъ вниманіе всѣхъ своихъ товарищей. Въ другой вечеръ мы всѣ помогали отцу дѣлать „соломяныкъ"—соломенную кадку для ссыпки въ нее зерна или муки вмѣстимостью до 15 и 20 пудовъ, или же дѣлали сами небольшія коробки изъ соломы и лозы и тѣмъ же способомъ, по какому отецъ дѣлалъ „соломяныкъ". Въ другіе вечера сукали веревки и дратву для шитья сапогъ, плели соломенные кошели для голубей, вязали изъ пеньки оброти, шлеи, нашильники—упряжь для лошадей; иной дѣлалъ пуговицы изъ деревянной палочки для свиты или кожуха, а тотъ вязалъ сильце для ловки щегловъ, синицъ, снѣгирей. А если ужъ не было работы или просто не брала охота работать,—то мы говорили сказки, прибаутки, загадки. Одну изъ тѣхъ дѣтскихъ загадокъ, надъ которыми мы ломали свои нехитрыя головы, я недавно нашелъ записанною въ доставшейся мнѣ отъ отца старой книгѣ: „Камень вѣры" митр. Стефана Яворскаго. Записаны дословно такъ:

„Загадки.

Что есть? ни небо, ни земля, но видомя свѣтла. Бу... На ней садятся птицы черныя. Ли. Надъ тѣми птицами два о... надзираютъ, три п.... созидаютъ, а единъ у... повелѣваетъ.

№ 2. Отъ плоти и отъ крови родился, а въ себѣ плоти и крови не имѣетъ. Снявъ съ него шкуру, отрѣзать голову, вынуть сердце и дать пить, да только его надобно водить и оно начнетъ говорить. — П: Э. ωР.—

Nos mu ucie,to, Je,zyka wyjeto,
Pić mu dano i muwić kazano.

№ 3. Славенъ бѣ Отецъ, честна и Мати,
О чадехъ и слѣда не знати.
Смерть бо убиваетъ обоихъ едина
Отца на тѣлѣ, а на словѣ сына.

1839 года окт. 17. Пресв. Ев. Р.[1]).

Если и загадки надоѣдали намъ, а ужинъ не посиѣвалъ еще, я обращался къ отцу, чтобы онъ что-нибудь разсказалъ, а отецъ много зналъ басенъ. Послѣ одного изъ моихъ такихъ приставаній къ отцу, онъ разсказалъ намъ о черной книгѣ.

Въ одномъ селѣ жилъ „бакаляръ", онъ былъ и дьячкомъ, и учителемъ. Всѣ у него школяры хорошо учились, такъ что скоро разошлась слава про него далеко. Тогда и священники, и дьячки, и паны попривозили къ нему своихъ дѣтей въ науку, навозили ему всякой харчи для своихъ дѣтей и хорошо платили. Всѣ у него школяры хорошо учились, такъ что бакаляръ не стоялъ по долгу надъ ними, а ляжетъ на постели и съ постели проказываетъ урокъ. Бакаляръ рѣдко когда выходилъ изъ хаты, развѣ только тогда, когда не станетъ харчей. Тогда онъ идетъ съ своими школярами „подъ окна „до людей" и поетъ съ ними „о всепѣтая мати; это для того, чтобы добрые люди дали имъ муки, пшена, сала, капусты и проч.

Всѣ школяры замѣтили, что бакаляръ ихъ ни съ кѣмъ не знается, ни у кого не бываетъ, всегда скучный, сердитый и молчаливый, и какъ только ляжетъ на постель, сейчасъ вынимаетъ изъ-подъ подушки черную какую-то книгу, гдѣ слова бѣлы, а бумага черная, и читаетъ и по днямъ, и по ночамъ, иной разъ ночью съ кѣмъ-то говоритъ и какъ-то сташно хохочетъ.

Вотъ какъ-то заговорились ученики о томъ, что бы это была за книга и зачѣмъ бакаляръ всегда уноситъ ее съ собою, если куда-нибудь выходитъ изъ школы. Одинъ изъ школяровъ послушалъ, что говорятъ товарищи, и задумался. Вошелъ бакаляръ въ школу, сердитый такой, спросилъ одного, не знаетъ

---

[1]) Евстафій Райскій.

такъ, какъ ему хочется,—выдралъ его за уши; другаго—не знаетъ, за волосы его потеребилъ, такъ что даже зубы объ зубы застучали; спросилъ задумавшагося—и того поколотилъ. Легъ на постель, прочиталъ черную книгу, положилъ ее подъ подушку, всталъ и приказалъ закрывать книжки и полуднать. Школяры сказали ему, что нѣтъ хлѣба.

— Ну то пойдемъ по селу съ „о всепѣтою", то нагодуютъ васъ. А ты, обратился онъ къ задумавшемуся ученику, оселъ, оставайся безъ полудня. Я тебя запру въ хатѣ. Всѣ школяры вышли, и бакаляръ оставилъ того школяра одного въ школѣ и двери заперъ на замокъ. Походилъ, походилъ тотъ школяръ по хатѣ и легъ на бакалярскую постель, далѣе засунулъ руку подъ подушку, взялъ оттуда книгу, развернулъ ее, гдѣ попало; посмотрѣлъ въ книгу, зарябили ему бѣлыя буквы по черному полю, такъ что даже страшно стало, читаетъ буквы, произноситъ, а словъ ничуть не понимаетъ,—еще страшнѣе ему стало. Слышитъ онъ, что-то, крыльями хлопаетъ, посмотрѣлъ, черный пѣтухъ передъ нимъ стоитъ и смотритъ, молча, ему въ глаза. У школяра волосы ощетинились, глаза расширились, зубъ объ зубъ стучитъ.

— Чего тебѣ нужно? ты звалъ меня, сказалъ человѣческимъ голосомъ пѣтухъ.

У школяра языкъ не поворотится отъ страху.

— Чего тебѣ нужно? опять проговорилъ пѣтухъ,

— Капусты—произнесъ школяръ, припомнивъ, что у нихъ вышла вся капуста.

Но не успѣлъ онъ окончить это слово, какъ пѣтухъ исчезъ, а капуста гдѣ-то взялась и стала наполнять хату.

Вернулся бакаляръ, отомкнулъ замокъ, а дверь на него такъ и выперло съ капустою, которою биткомъ набита вся хата. Ахнулъ бакаляръ и крикнулъ школярамъ, чтобы скорѣе помогли ему выбрать капусту до постели. Выбрали, смотрятъ, а товарищъ ихъ вытаращилъ на нихъ глаза, волосы ощетинилъ, упалъ и черную книгу выпустилъ. А бакаляръ, какъ крикнетъ на школяровъ: „вонъ изъ хаты!" А самъ скорѣе за чорную книгу ухватился. Не успѣли школяры выбѣжать на дворъ, а бакаляръ

уже зоветъ ихъ въ школу. Пришли школяры, а капусты и духу не слышно въ школѣ, а тотъ товарищъ ихъ сидитъ за столомъ и читаетъ уже урокъ. Съ того дня всѣ замѣтили большую перемѣну въ томъ своемъ товарищѣ. Прежде онъ всегда бывалъ веселый, любилъ погулять и лѣнился таки учиться, а теперь совсѣмъ не тотъ: не смѣется, не играетъ съ товарищами, а коли затронутъ его, то такъ страшно сверкнетъ своими бѣлками, что мало по малу съ нимъ совсѣмъ перестали говорить. Но за то учился онъ такъ, что всѣхъ перегналъ; что ни спроситъ учитель—онъ все знаетъ. Но бакаляръ похудѣлъ, сталъ еще молчаливѣе и злѣе, смотрѣлъ всегда пасмурнѣе ночи. Стали школяры замѣчать, что тотъ товарищъ ихъ стоитъ сзади всѣхъ во время утренней и вечерней молитвы, жалуется на животъ, на голову и выходитъ изъ хаты во время молитвы; припомнили они, что и въ церковь онъ, хотя и ходитъ, но всегда передъ „Иже херувимы“ выходитъ изъ церкви блѣдный и какъ будто чего-то боится. Надумались и сговорились не пустить его изъ церкви во время пѣнія „Иже херувимы“. Въ воскресеніе, какъ всегда, стали они на клиросѣ и тотъ товарищъ съ ними. Обступили они плотнымъ кругомъ и ждутъ. Начали пѣть „Святый Боже“, онъ сталъ блѣднѣть, передъ Евангеліемъ сказалъ, что у него голова болитъ, хотѣлъ уйти, но его не пустили, передъ „Иже Херувимы“ онъ рванулся выйти, но его схватили за руки и за ноги; онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, сталъ рваться изъ рукъ, глаза сдѣлались сатанинскіе, злые, кажется—и душу другого видятъ и прожигаютъ ее, какъ раскаленнымъ остріемъ ножа. Моментально повернулъ плечами и чуть-чуть не вырвался изъ рукъ, но его еще сильнѣе, сколько было силъ, схватили, держали и крестили; тогда онъ началъ проситься снова, кричать, молить, злиться, щелкать зубами, трястись, а тутъ какъ разъ священникъ вышелъ съ дарами. Тогда раздался дикій, ѣдкій, мертвящій силою ужаса, ненависти, боязни и презрѣнія хохотъ по всей церкви и разнесся не дающій дышать ѣдкій смрадъ, а въ рукахъ товарищей осталось мертвое тѣло ихъ товарища“. Что сталось съ бакаляромъ, я не помню, какъ тамъ далѣе разсказывалъ отецъ, но слабо помнится, что та черная книга заму-

рована въ лѣвой. стѣнѣ Кіевскаго Братскаго монастыря, чтобы никто не могъ достать ее и причинять людямъ зло, а равно свою душу чорту отдать. Только такой конецъ этого отцовскаго разсказа остался въ моей памяти.

Послѣ этого разсказа отца, мать подала ужинъ. И кстати, потому что ничѣмъ инымъ нельзя было отвлечь наше воспаленное воображеніе отъ страшнаго разсказа.

Поужинавъ, отецъ начиналъ учить насъ церковному пѣнію. Онъ не игралъ на скрипкѣ и потому съ голоса училъ насъ пѣнію. А такъ какъ у насъ, деревенскихъ дѣтей того времени, слухъ былъ совсѣмъ не развитъ и далеко тупѣе, чѣмъ у крестьянскихъ дѣтей нынѣшняго времени, почти въ каждой церкви теперь слушающихъ хоровое пѣніе, то отцу приходилось тяжело надрывать грудь и басомъ, и альтомъ, и дискантомъ,—только тогда и мы пѣли за нимъ. При такомъ способѣ пѣнія, отцу приходилось много трудиться, еще больше требовалось терпѣнія и любви къ дѣлу. И дѣйствительно, никакая нужда и приказаніе начальства не заставили бы отца взяться за этотъ подвигъ; да отъ него впрочемъ никто и не требовалъ этого подвига. Единственно только глубокая, жизненная религіозность отца и его мечтательная поэтическая натура, не мирившаяся съ существовавшимъ грубымъ складомъ семейнаго и рабовладѣльческаго общественнаго житья, выработала въ немъ потребность общественной дѣятельности въ доступной для него формѣ учителя церковнаго пѣнія, грамоты и благочестія и дала ему силу, терпѣніе, энергію и любовь—основать и содержать школу въ теченіе тридцати шести лѣтъ до послѣдняго дня своей жизни.

Не съ гаммы—утъ, ре, ми, фа соль, ля—начинали мы учиться пѣнію, а перекрестившись начинали: Аминь, Господи помилуй, Святый Боже. Долго мучился надъ нами отецъ, пока и эти простыя, не сложныя піесы мы выучили. А когда послѣ этого намъ съ меньшимъ трудомъ и мукою далось „Отче нашъ“ и „Достойно есть“, то отецъ началъ учить насъ пѣть „Господи воззвахъ“ на 8 гласовъ. Но мы смѣшивали гласы и путались голосомъ; тогда отецъ примѣнилъ къ намъ способъ обученія гласамъ, практикуемый въ монастыряхъ: училъ насъ наизусть читать

и пѣть по порядку такъ называемые „чернечи запѣвы“. Позабылъ я ихъ теперь, но „наславныки“ помню такъ читалось:

1-й гласъ.

Ишовъ чернець зъ монастыря.

2-й гласъ.

Встригывъ его другый чернець.

3-й гласъ.

Откуду, откуду, ченче брате, грядеши.

4-й гласъ.

Съ Константина града, брате, граду

5-й гласъ.

Сядьмо, брате, да й побеседуймо.

6-й гласъ.

А чы жыва тамъ, брате, маты моя.

7-й гласъ.

А вше твоя, брате ченче, маты давно вмерла.

8-й гласъ.

Увы мнѣ маты моя!

Это текстъ „наславниковъ“; текстъ же „воззваховъ“ забылъ я. Чтобы возобновить въ памяти забытое, я просилъ знакомаго мнѣ молодого дьячка переписать и прислать. Но присланный имъ текстъ „воззваховъ“ не тотъ, какимъ насъ училъ отецъ, а только насмѣшливая пародія на старые „воззвахи“, да онъ всего только три воззваха и прислалъ мнѣ.

Воззвахи.

3-й гласъ.

Буде тоби, дяче, буде!
Пріихалы одъ владыки люде,
Хотять твою рябу кобылыцю взяты,
Що ты не вмиешъ на 3-й гласъ спиваты.

6-й гласъ.

Начатокъ мнѣ и составъ,
Егда новый жидъ на аренду наставъ.
Тутъ пьяныци собираються
Шинкару добрыдень оддаютъ
И въ поставци заглядають

Охъ вейзъ миръ! що маю робыты
Не дають мини рано довго спаты
Треба изъ аренды втикаты.

7-й гласъ.

Чы я въ тебе не жона,
Чы не господыня?!
Три дни хаты не мела
Смитьтя не носыла
Вставай, дьяче,
Доки будешь лежаты?
Запрягай рябу кобылу,
Везы смитьтя съ хаты
То будешъ умиты
На семый гласъ спиваты".

Обучая насъ ежедневно по вечерамъ до полуночи церковному пѣнію, отецъ въ особенности любилъ пѣть съ нами припѣвы къ акаѳистамъ: Іисусу Сладчайшему, Божіей Матери и Святителю Николаю на разные напѣвы. За каждымъ припѣвомъ мы по обычаю крестились. Когда же, бывало, запоемъ: „О Всепѣтая Мати", отецъ начиналъ чаще креститься, поднявъ къ небу глаза, подернутые слезой. При пѣніи же самогласна „Совѣтъ превѣчны, открывая тебѣ Отроковице, Гавріилъ предста", лицо отца сіяло дивнымъ восторгомъ. Онъ давно уже умеръ и портрета не снималъ съ себя, но я и теперь, какъ живого, вижу отца съ поднятымъ вверхъ взоромъ, съ полуоткрытымъ ртомъ и дрожащей нижнею губою, выражающаго въ дрожащихъ задушевныхъ звукахъ пѣсни всю его любовь къ Богу и благоговѣніе, которыя такъ любовно и мечтательно озаряли его красивое лицо. И нерѣдко въ такія минуты, забывая пѣніе, я смотрѣлъ на это сіяющее искрой Божіей лицо отца и оторваться не могъ.

А между тѣмъ это хоровое, правильнѣе—гуртовое, пѣніе было не только не дивное на современный вкусъ, а настоящее лирницкое. И я, впослѣдствіи, когда пѣлъ альтомъ солистомъ въ семинарскомъ хорѣ, часто глумился надъ батьковскимъ пѣніемъ и его напѣвами. И только теперь, послѣ четырнадцатилѣтняго пѣнія и слушанія образцовыхъ въ Кіевѣ церковныхъ и театральныхъ хоровъ, когда я уже сталъ сельскимъ священ-

никомъ, сталъ опять ближе къ народу, ближе къ его душѣ и сердцу, когда я самъ испыталъ и бремя, и горе жизни и когда вопросъ вѣры и молитвы сталъ для меня жизненнымъ вопросомъ счастья на земли, только теперь я понялъ, сколько силъ и богатствъ народной души, сколько радостей, упованій, слезъ и рыданій его сердца сокрыто въ тѣхъ старыхъ „лирныцькихъ“ напѣвахъ церковныхъ пѣснопѣній.

Существуетъ въ нашемъ духовенствѣ ходячее мнѣніе, что церковный роспѣвъ Кіево-Печерской Лавры самобытенъ, что нѣтъ въ православной церкви (исключаю современный намъ періодъ пѣнія—Италіанскій) болѣе мощнаго и величественнаго по выраженію разнообразныхъ состояній вѣрующей молящейся души, отъ высокоторжественнаго и умилительнаго и до глубоко скорбнаго состоянія, нѣтъ другого такого напѣва, и что этотъ мощный и величественный напѣвъ выработался и сложился мощными духомъ великими борцами за Православіе и народность запорожскими козаками, покутовавшими въ старости и замаливавшими свою бранную жизнь въ кельяхъ Кіево-Печерской Лавры.

Народъ малорусскій временъ козацкихъ, лишенный свободы національной и личной, свободы жизни и труда и за свободу мысли и совѣсти терпѣвшій нескончаемыя преслѣдованія, словомъ, народъ, угнетаемый тѣломъ и духомъ, гдѣ могъ искать „ратунку“, къ кому онъ могъ обратиться съ мольбой и надеждою въ каждый тяжелый моментъ народной жизни. Къ своимъ? Но свои далеко, за многія тысячи верстъ. Къ татарамъ? Но то народъ не культурный, дикій, такъ сказать тѣлесный, съ преобладаніемъ однихъ только дикихъ, хищныхъ, животныхъ инстинктовъ; душа тамъ, если и была, то ничѣмъ особенно человѣчнымъ не заявила своего существованія ни въ области поэзіи, ни въ области мысли, ни въ развитіи полезныхъ началъ гражданственности. Къ кому же Малороссъ могъ взывать съ мольбою и надеждою? Къ полякамъ? Но кто же и вызывалъ эти стоны и мольбы, какъ не они! И вотъ по неволѣ все лучшее въ душѣ человѣка—его мысль, его поэзія, его „жаданья“, его мольбы, весь онъ прильнулъ къ такому же мученику правды, добра и любви — къ Іисусу Сладчайшему и къ его Всепѣтой

Матери, ратующихъ въ бѣдахъ и въ напастяхъ, въ горахъ и вертепахъ. И народъ Малорусскій, слѣпо, но жизненно вѣруя и любя Бога, отъ котораго его отрывали, прибѣгая къ нему въ бѣдахъ душею и сердцемъ, не сочинялъ ему пріятныя пѣснопѣнія, а прямо непосредственно рыдалъ, стоналъ и возносилъ ему вопли своей души и гласомъ своихъ церковныхъ пѣвцовъ, и устами народныхъ пѣвцовъ: кобзарей и лирныковъ.

Отъ того то любой изъ старинныхъ Малорусскихъ церковныхъ напѣвовъ есть живой, выразительный, непосредственно изъ сердца льющійся разговоръ съ живымъ Богомъ, полный глубокаго чувства и музыкальной красоты. И если человѣкъ городской, культурный не находитъ поэзіи и красоты въ простыхъ народныхъ напѣвахъ и послѣдніе ему кажутся по своей простотѣ и несложности и грубыми, и непонятными, и чуждыми, въ той мѣрѣ, въ какой груба и чужда ему малороссійская одежда и непонятна красота ея, то это еще не доказываетъ отсутствія красоты и поэзіи въ народномъ пѣніи, а скорѣе говоритъ о томъ, что культурный горожанинъ, воспитанный на чуждыхъ народному духу началахъ итальянской музыки, господствующей въ кіевскихъ церковныхъ хорахъ около ста лѣтъ, отбился отъ народа, отчудился до непониманія своего народа, котораго плоть и кровь—онъ самъ.

Скорбная исторія геройскаго Малорусскаго народа наложила свою печать и на характеръ Южнорусскаго церковнаго пѣнія. Какъ бы ни была, напримѣръ, радостна по содержанію пѣснь церкви, а въ выраженіи ея—пѣніи—кликъ радости, торжества незамѣтно переходитъ въ тонъ скорби и мольбы.

Вотъ именно въ устахъ моего отца, который не вѣдалъ Кіевской духовной школы, гдѣ въ началѣ текущаго столѣтія преобладало въ церковныхъ хорахъ пѣніе италіанское, композиціи высоко даровитаго и глубоко сердечнаго Веделя и доморослыхъ Кіевскихъ италіанцевъ: Дегтерева, Чернова, Березовскаго et cetera (см. архивъ нотъ семинарскаго и академическаго хоровъ) и патентованнаго Бортнянскаго, а учился при сельской церкви по напѣвамъ, завѣщаннымъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, учился молиться въ пѣніи,—въ устахъ такого настоящаго народнаго пѣвца

даже торжественный кликъ къ Божіей Матери: „Радуйся Невѣсто неневѣстная“, начинаясь радостно, торжественно, оканчивался, нотами, полными вдумчивости и грусти.

Вдумываясь въ отцовскій напѣвъ разныхъ припѣвовъ къ акаѳистамъ, я невольно припомнилъ себѣ слѣдующую картину. Я въ церкви, на клиросѣ; передъ началомъ литургіи отецъ Григорій (Мотылевичъ) на колѣнахъ читаетъ акафистъ Божіей Матери; отецъ мой съ нами пѣвчуками на клиросѣ воспѣваетъ похвалу и привѣтъ Ей, а люди съ мольбою колѣнопреклоненные взираютъ на Пречистый ликъ своей заступницы и усердно кладутъ земные поклоны; вотъ уже и мы на клиросѣ преклонили колѣна, весь народъ тоже. И смотрю я на отца, кладущаго земной поклонъ. Нижняя губа у него задрожала, рѣсницы быстро забѣгали.

— „А ну, дитки“.

И мы всѣ дѣтки, электризуясь огнемъ отца, взываемъ: „О Всепѣтая Мати“!.. Кончили. Священникъ читаетъ молитву: „Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, пріятелище сирыхъ, скорбящихъ радосте, обидимыхъ покровительнице! Зриши мою бѣду, зриши мою скорбь; помози ми яко немощну, окорми мя яко странна; обиду мою вѣси, разрѣши ту, яко волиша; яко не имамъ иныя предстательницы, ни благія утѣшительницы, токмо Тебе, о Богомати, яко да сохраниши мя и покрыеши во вѣки вѣковъ. Аминь“.

А отецъ на клироссѣ, припавъ лицомъ долу со вздрагивающею головою и плечами отъ рыданій, шепчетъ:

— „Ратуй Маты Божа родъ христіанскій! ратуй насъ своихъ дитокъ! бачышь наше горе, будь намъ Матирью“.

Встаетъ заплаканный отецъ и поетъ съ нами далѣе:

„Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе Владычице. Ты намъ помози, на Тебе надѣемся и Тобою хвалимся: Твои бо есмы рабы, да не постыдимся“.

А молящіеся поднимали не высыхавшія отъ слезъ очи свои горѣ, къ лику усердной заступницы своей, медленно и твердо знаменали себя крестомъ, преклоняли свои упругія колѣни, падали лицомъ долу, а многіе и крыжомъ лежали у подножія

иконъ, не стараясь двигаться ни однимъ мускуломъ въ продолженіе всей службы Божіей, но всею мыслію, всѣмъ сердцемъ возносясь въ горняя къ престолу Іисуса Прелюбезнаго и Его святѣйшей Матери, тяжелыми стонами и душу надрывающими воплями давая вѣдать Всевѣдущему Отцу, что они здѣсь, на родной землѣ, сироты, обездоленные, обезличенные, рабы, рабочій скотъ, собственность, вещь чуждаго по племени и вѣрѣ народа, и ища тамъ, высоко, у единаго человѣколюбца и помощи, и защиты, и утѣшенія въ горькой мученической долѣ своей мужицкой на землѣ.

М. Щ.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

115) Петра Афанасьевича Шкляревича, изъ м. Хмелова, 1784 г., 1 января.

М. г. мой, дядюшка Григорій Андреевичъ. Дядя Андрей Андреевичъ объявитъ вамъ, по какому несчастному случаю принужденъ я остаться въ домѣ присмотрѣть жену мою, въ крайней слабости находящую; вчерашняго числа чуть было я ее не лишился, но слава Богу, что она жива осталась, а на восьмомъ мѣсяцѣ рожденный сынъ чрезъ часъ только сей суетный свѣтъ видѣлъ; мало меньшимъ несчастіемъ почитаю, что не могу самъ для сей законной причины вамъ, м. г—рю моему, сыновей моихъ представить. Ихъ толко я и имѣлъ двухъ, и одного отъ другого отлучить никакого не находя способу, покорнѣйше васъ прошу быть имъ обѣимъ отцомъ, какъ и мнѣ прежде были; на милость вашу несомнѣнную полагаю надежду, что они неразлучно и въ корпусъ, по счастію ихъ не менше жъ и моему, опредѣлены будутъ; естьли же надъ чаянія какого не примутъ, то по крайней мѣрѣ покорнѣйше, м. г-рь мой, прошу пристроить его въ томъ же корпусѣ, до первой вакансіи, съ платежомъ денегъ положеннаго тамъ, какъ я слышу, числа. Слышу жъ я отъ вышедшихъ изъ сего корпуса, что необходимо должно изъ тамошнихъ учителей уговорить къ нимъ въ манторы, который бы

[1]) См. „Кіев. Стар“. 1895 г., № 5.

сверхъ ученія наставлялъ ихъ къ добродѣтели и честности, а мнѣ, м. г-рь мой, кажется и то нужно, чтобы малого моего чеснока (?), какъ ребенка, и вши не заѣли, съ слезами васъ прошу по благоразсужденію вашему не оставить вашимъ призрѣніемъ и наставленіемъ. Что имъ дано, прилагаю у сего записку, а для свозу, естли угодно вамъ, опредѣлилъ я тройку лошадей съ надежнымъ человѣкомъ, который нынѣ въ Костяничахъ[1]); онъ обратно оттуда ѣдучи, можетъ для васъ подъ закупки ваши быть извощикомъ за одинъ кормъ лошадей, ибо я не имѣю денегъ, чтобъ о покупкѣ чего либо для себя васъ безпокоить. Денегъ для дѣтей присемъ въ ассигнаціяхъ прилагаю 200 р., а болѣе у себя здѣсь не имѣю. Пишу къ тетушкѣ Александрѣ Михайловнѣ, чтобъ изъ Луговецкой[2]) нашей экономіи, по требованію вашему, взявъ, поручила вамъ сто рублей; когда же сихъ денегъ по вашему благоразсужденію мало покажется, то примолвится покорнѣйше прошу, не пожалуется для внучекъ она въ то или особливо число, отъ своей милости, хотя то она нынѣ здѣлалась и скупа, и можетъ быть нѣсколько досадуетъ на замѣну нашу съ Заводовскимъ, о которой я говорить приступилъ съ ее однакожъ дозволеніемъ. Кончивши здѣсь о дѣтяхъ моихъ, всепокорнѣйшую прозбу за нужно почитаю доложить вамъ и о сей мѣнѣ, для знанія вашего, какимъ образомъ оная отъ тетки дозволена: 1) чтобъ ее оставить до смерти при ее владѣніи и покое; 2) естьли мы находимъ полезнѣе для себя, она не возбраняетъ. По сему я съ г. Заводовскимъ, будучи прошедшей осени у него, и говорилъ, онъ согласенъ оставить ее въ покое и на то условіе утвердилъ, а насъ удоволствовалъ; после сего, по его предписанію, показано было мнѣ предлагаемое отъ нихъ имѣніе, можно сказать завидное, не 180 хатъ, но 210; нашелъ я въ нихъ 643 души муж. пола и угодія всѣ, какъ прежде они говорили, можно сказать и что лѣса по степовымъ (мѣстамъ)? весьма довольно; мелницъ нѣтъ, а хотя одна есть, но въ спорѣ съ Горленкомъ, Петромъ Якимовичемъ, съ которымъ они хотятъ учинить миро-

---

[1]) Село стародубскаго уѣзда.

[2]) Деревня Луговецъ—мглинскаго уѣзда.

любіе, да и его сыновья его къ тому склоняютъ. Для насъ мѣна сія весьма сходна и споровъ кромѣ помянутаго ни съ кемъ нѣтъ; естьли Богъ поможетъ совершить, то дѣти мои вѣрно будутъ щастливы, но боюсь, чтобъ г. Заводовскіе не раздумались ибо, слышу, что Селецкій и подобные ему удивляются и высоко ценятъ ихъ Толкачевку[1]), а паче степъ на 300 скиртъ. Покорнѣйше, м. г-рь мой, прошу при свиданіи, какъ я не сомнѣваюсь, что вы на Костяничи ѣхать изволите, естли заведетъ тетка о семъ рѣчь, увѣрить ее, что для насъ мѣна сія, естьли збудется, полезна, а что она въ покоѣ остатся имѣетъ, я при здѣлкахъ утвердить не упущу. Въ прочемъ поручивъ дѣтей моихъ въ вашу отческую милость, извинить меня покорнѣйше прошу, что съ смущеніемъ духа и болѣзнью сильною головною писмо сіе въ силу могъ я окончить безъ всякой связи. Увѣряю жъ васъ о моей благодарности и истинномъ почтеніи, съ которымъ есмь и по гробъ мой пребуду вашъ, м. г-ря моего дядюшки, покорнѣйшій слуга Петръ Шкляревичъ.

116). Брата Андрея Андреевича, изъ Чернигова, 1784 г., 12 мая.

М. г-рь мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Писмо ваше, отпущенное зъ С.-Петербурга прошедшаго мѣсяца 16 дня, честь имѣлъ получить оное въ Черниговѣ, сего теченія 10 числа. Всенижайшую мою вамъ, м. г-рю моему братцу, приношу благодарность за понесенные труды ваши въ доставленіи дѣтей моихъ къ желаемому мною мѣсту и за распоряженіе о нихъ. Дай Богъ вамъ получить облегченіе вашимъ припадкамъ, въ чемъ твердо надѣюсь на милосерднаго Творца, что Онъ вамъ поможетъ и совершенно васъ уврачуетъ и утвердитъ силы ваши къ пользѣ любезнѣйшей вашей фамиліи и общей, нижайше притомъ прося дѣтямъ моимъ являть вашу отеческую милость, до віезда вашего оттудова. Теперь увѣдомляю васъ о здѣшнихъ произшестзіяхъ: что принадлежитъ до исполненія по дѣлу зъ Бѣлухою, то оно исполнено въ нѣкоторыхъ частяхъ; отдалъ хуторъ Борзенскій, кромѣ части лѣса, назызаемаго Хухровищина, въ

[1]) Село прилуцкаго уѣзда.

коемъ показываетъ Бѣлуха половину материзного, я же въ опроверженіе его показанія, далъ суду знать, что вся та половяна не доходитъ ему, поелику отецъ нашъ сестрамъ нашимъ за ихъ части заплатилъ, слѣдовательно тѣ части не могутъ называться материнскими, но уже пріобрѣтенными, но нужно мнѣ быть отъ васъ увѣдомленну, въ какомъ годѣ взята росписка батюшкою въ сестры Уляны Андреевны и въ какихъ годѣхъ таковые жъ взяты росписки и въ прочихъ сестеръ, дабы удобнѣе сыскать въ судовыхъ книгахъ и представить въ доказателство; оспориваетъ онъ и мельницу Процовскую, называя оную материнскою, но я доказывалъ, что мельница материнская одна на Процовской плотинѣ та, которою я владѣю, а другая вновь выстроенна отцемъ. По другимъ уже обстоятелствамъ, въ разсужденіи бывшаго дѣла зъ Степаномъ Лукяновичемъ, судъ разумѣетъ, что, да чуть ли не такъ оно и выходитъ, сколко было въ Кузминой части материзнаго имѣнія, хочай бы оная и вся составлена была изъ оной, должна остатся во владѣніи Бѣлухи; о Хухровщинѣ и мелницѣ нижній Роменскій судъ еще не рѣшился, а до Коровинецъ и Овечей не знаю, какъ и приступить. По записи брата Стефана, данной Левандовскому, уволенъ онъ отъ всѣхъ потераній а взялъ на себе; сверхъ сего, люди брата Кузмы нынѣ, по плутовской роздѣлкѣ Столповскаго, во всякаго почти владѣлца находятся; тоже Овечка по болшей части составляется изъ материзны, то и прошу въ семъ вашего совѣта и наставленія, какъ поступать. Я же о себѣ доношу, что я нынѣ варяю (?) въ Черниговѣ депутатомъ въ комисіи о разборѣ дворянства, и дѣйствительно уже вступили въ разборъ, сего теченія съ 1-го числа. Почти я одинъ поборствую о братіи всей губерніи и, благодару Бога, до котораго часа успѣваю. Хочай многіе, надменные суетнымъ благородствомъ, стараются унижать многихъ, свидѣтелства въ силѣ проекта начали быть принимати; очень многіе думали противно, тоже и абшити на отставку въ войсковые товарищи. Вчерашняго числа получено въ намѣстническомъ здѣшнемъ правленіи предложеніе, что уже его сіятелство (гр. Румянцевъ) кончилъ производство въ малороссійские чины, и что начинается реформа нашимъ вой-

скамъ. Я о своей фамиліи еще не подавалъ доказателствъ, а оставляю оное до свободнѣйшаго для мене времени и могущихъ быть примѣровъ, но по примѣчанію моему слѣдуетъ вамъ, мнѣ и братямъ Григорію Ивановичу и Ивана Андреевича дѣтямъ, введеннымъ (быть?) въ дворянскую родословную книгу, въ первую статью, а прочихъ браттей въ одну статью не поставлять, а старатся буду о ихъ, чтобъ внесены были въ шестую часть, которая кромѣ дипломовъ есть самая лутшая; что, кажется, для насъ будетъ полезно, чтобы не думали, что мы по однимъ только дипломамъ здѣшніе дворяне, и о семъ прошу вашего совѣта и самоскорѣйшаго отвѣта; я думаю, что мы сей комисіи въ два мѣсяца не кончимъ относително только до разбора, виключая написанія дворянской родословной книги и заготовленія грамотъ на дворянство, но всѣмъ ли слѣдуетъ оные взять, или входящимъ во вторую статью, прошу вашего изясненія, и буди силы ваши не изнемогаютъ, то не потрудитесь ли написать образцы, какимъ образомъ писать оные, на какой бумагѣ или паргаментѣ. Былъ я у его сіятелства прошедшаго генваря 19 д., подалъ, что слѣдовало, принятъ благосклонно, обѣдалъ у него и обнадеженъ сими словами, что я для васъ все здѣлаю; но при всемъ томъ, сколко ни стараюсь узнать, представилъ ли онъ, хочай за симъ и посылалъ нарочнаго, не могу узнать, при всемъ томъ другіе получаютъ, многимъ числомъ, ассесорства въ два мѣсяца такіе, кои моимъ службамъ никакъ подобны быть не могутъ, и я лучше желаю быть вѣчно въ нынѣшнемъ чинѣ, носящемъ мною 17 лѣтъ, нежели ассесоромъ. Естли можно чрезъ кого справку забрать, есть ли обо мнѣ представленіе и въ какой чинъ, нижайше прошу вашей помощи. Буди въ такой, какого я противу прочихъ съ излишкомъ заслужилъ, пріемлю, буди же въ первопредставленіи, покорнѣйше прошу оставить для другихъ, а я наслаждатся буду по смерть мою чиномъ любезнаго моего отечества, безъ малѣйшаго смущенія; доволно будетъ съ мене и сего важнѣйшаго чина, что я по сіе время поведеніемъ моимъ отъ всѣхъ знатныхъ, среднихъ и послѣднихъ, заслуживаю доброе имя. Прошу о любезнѣйшимъ мнѣ вашемъ здоровьѣ мене увѣдомить, я болшаго не

буду имѣть удовольствія, если услышу милость Божію въ возстановленіи васъ отъ всѣхъ припадковъ вашихъ. Былъ я и у Евстафія; онъ мнѣ обявилъ, что онъ ожидаетъ архитектора, который дастъ ему смѣту по алебастрѣ, и въ тѣ поры будетъ онъ со мною трактовать. Пребываю съ истиннымъ моимъ доброжелателствомъ, должными почтеніемъ и глубочайшою преданностію, вашъ, м. г-ря моего братца, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

117) Брата Андрея Андреевича, изъ Чернигова (?), іюль, 1784 г.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Получивъ писмо ваше, м. г-ря моего братца, отпущенное зъ С.-Петербурга прошедшого маія 30 числа, а ко мнѣ дошедшее сего мѣсяца въ 14 день, доволно былъ обрадованъ, что милостію Божіею нѣсколко избавляетесь отъ вашихъ болѣзненныхъ припадковъ, но чемъ операція полипуса вашего кончена, желалъ бы въ самомъ скоромъ времени радостною вѣстію быть удоволствованъ. Относително до комисіи о разборѣ дворянства въ нашей губерніи, совѣты ваши полезнѣйшіе и фундаменталные могу вамъ истинно донесть, что я, не получая отъ васъ оныхъ, точно онымъ слѣдовалъ и скоро вошелъ первой разъ въ комисію, все отъ васъ написанное предлагалъ комисіи, но какъ въ тѣ поры вошли въ безпутные толкованія, такъ и нынѣ тому же слѣдуютъ и ничего добраго ожидать нелзя. До сего дня комисія наша дѣлала разборъ дворянамъ, коихъ уже и разобрала болѣе шести сотъ фамилій, а докончивши всѣ списки уѣздныхъ предводителей, надѣюсь, что наберется до тысячи, но не докончивши сего же числа, разъѣхались по домамъ, сентября до 15 числа, безъ всякаго тому (sic), единственно слѣдуя собственнымъ своимъ выгодамъ, а не общественной ползѣ. Есть у нашей комисіи такія головы, что надобно съ ними и своей головы лишится, одни зъ крайней глупости, другія по негодной своей души зависти и коварству, стараются многихъ бѣдныхъ обидѣть, въ семъ числѣ полагаю и нашего губернскаго П., коего какъ растрясъ, то рѣдко сыскую ему подобнаго въ недоброходствѣ. Всѣми мѣрами старается убавить дворянъ, а не умножить, какъ уже многіе и

обижены, хочай и есть споловину добрыхъ и честныхъ людей, но не счего составить двухъ третей голосовъ, слѣдователно ничего добраго и удержать не можно, многіе же... сторонъ наносятъ и смущенія, а паче отъ прокурора Селецкаго, которой, бѣгая по домамъ, разглашаетъ, якобы государыня лишила многихъ бѣлорускихъ дворянъ дворянства за то, что они при разборѣ дворянства давали свидѣтелства подобныя нашимъ свидѣтелствамъ, и сими ложными клеветами многіе смущаются ко вреду бѣдныхъ и требующихъ справедливой помощи людей. Еще и по сіе время не рѣшились принимать значковыхъ товарищей и ихъ дѣтей, возныхъ, войсковыхъ и коллежскихъ канцеляристовъ и сотенныхъ старшинъ, держась правила того, что сенатъ по мнѣнію его сіятелства (гр. Румянцова) велѣлъ обложить ихъ всѣхъ въ подушной окладъ. Я васъ считаю человѣкомъ счастливымъ, что вы избавлены вашею отлучкою отъ депутатства вамъ слѣдовавшаго, тѣмъ болѣе, что вы бы зъ досады могли получить потераніе послѣдняго вашего здоровья. Не тѣ времена, не тѣ люди, чтобы думать о всеобщемъ добрѣ. Родъ нашъ уже разобранъ, и какъ доказателства наши, древность нашей фамиліи, то и присуждено внесть весь родъ нашъ въ шестую часть родословной книги; да и въ самомъ дѣлѣ я сію статью предпочитаю въ разсужденіи древняго дворянства первой статьѣ. Съ козаковъ уѣзда Роменскаго приняты: Коровинскіе—Савченки, Сидоренки и Тарани, а Медвежовскіе—Радченки, а болѣе ни одинъ, ниже Бартошева родня, кромѣ его самаго. За съѣздомъ 15 сентября положено докончивши разборъ по вносимымъ еще доказателствамъ протоколы нынѣ заготовляемые, начерно выслушать и набѣло переписывать и подписывать, а подписавши оные не имѣючи у себе формъ, какъ писать книгу и грамоты, не знаемъ, что и дѣлать. Печать дворянскаго собранія выдумана у насъ и уже жидами и вырѣзана за 125 рублей, съ изображеніемъ на ней посерединѣ губернскаго Чернѣговскаго герба, а около его всѣхъ гербовъ уѣздныхъ съ написаніемъ около всего того: печать дворянскаго собранія Чернѣговской губерніи. Вотъ вамъ вѣсти о нашемъ происхожденіи. За великую я себѣ (честь)? считаю

быть коллежскимъ ассесоромъ, бывши въ нынѣшнемъ моемъ чинѣ семнадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ отъ многихъ... *(Конецъ утерянъ).*

118). Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1784 г., 31 іюня / 11 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Поздравляю васъ съ тремя герцогскими Виртембергскими капитанами, для которыхъ теперь посылаю вамъ патенты, каждый въ особливомъ футлярѣ; а какъ получу требованные мною рисунки, по коимъ бы можно было знать цвѣты и форму мундировъ, не умедлю доставленіемъ вамъ оныхъ. Между тѣмъ, я при семъ посылаю щетъ находящагося здѣсь Виртембергскаго резидента барона Билера, который по письмамъ пріятелей его обманулся, когда мнѣ говорилъ, что небольшихъ издержекъ надобно будетъ по случаю нашихъ патентовъ; ибо къ нему давно уже писано только о второй статьѣ щета его, а того платежа отнюдь неожидалъ онъ, который въ первой статьѣ означенъ и о которомъ онъ отъ самаго герцога въ недавнемъ времени получилъ писмо, которое показывалъ онъ мнѣ въ подлинникѣ въ то самое время, когда вручилъ герцогскій ко мнѣ отвѣтъ, съ коего при семъ сообщаю вамъ точную копію, сожалѣя впрочемъ, что мы обманулися въ нашемъ щетѣ и въ нашей надеждѣ; ибо я, по рѣчамъ барона Билера, менше ста червонцевъ щиталъ Стутгардскія издержки, такъ что нѣсколько дней прежде, нежели онъ получилъ отъ своего герцога приказаніе о требованіи таксы, которой никогда не было еще примѣру, я въ надеждѣ на малость оныхъ издержекъ, проговорился предъ нимъ на щетъ вашъ, сказавъ ему, что вы не оставите изъявить ему благодарность вашу за употребленное имъ въ пользу сыновей вашихъ стираніе присылкою ему петербургскаго гостинца, а имянно: нѣсколько соболей на опушку шубы, о которой у насъ въ то время рѣчь была. Въ самомъ дѣлѣ, онъ заслужилъ такого подарку; но я, м. г-рь мой братецъ, при всемъ томъ сожалѣю теперь, что обязалъ васъ и себя предъ нимъ, когда вижу, что

и безъ того довольно уже коштуютъ вамъ патенты дѣтей вашихъ. Съ другой же стороны надобно принять и сіе въ уваженіе, что герцогъ Виртембергскій здѣлалъ для насъ то, чего еще никогда ни для кого недѣлалъ; что онъ родного своего племянника не инако принялъ въ дѣйствительную свою службу, какъ только маіоромъ; и что въ другомъ мѣстѣ конечно еще больше коштовало бы одновременное пожалованіе трехъ человѣки, неслуживших нигдѣ, въ капитаны. Я долженъ еще ирмѣтить о третьей статьѣ посылаемаго къ вамъ отъ меня щета, что упоминаемые въ ней тридцать фунтовъ шоколаду, по совѣту самого резидента Виртембергскаго, посредствомъ его посланы въ Стутградъ, спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ отправилъ къ герцогу мое прошеніе, съ котораго копію пришлю я къ вамъ въ другое время, потому, что теперь не достаетъ къ тому онаго. Какія книжки досталъ я изъ другихъ мѣстъ, чрезъ одного изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, такія и посылаю вамъ при нынѣшенмъ случаѣ; а впредь увидимъ, что воспослѣдуетъ изъ комиссіи, уже давно отъ меня данной, а нынѣ повторенной, тому же книгопродавцу. Не о Старовольсціевомъ польскомъ рыцарѣ, но о навигаціи Борзимовскаго до Любека, неоднократно писано отъ меня въ Варшаву, чтобы справиться о сей книгѣ въ библіотекѣ Залускаго, и выписать изъ нея то, что касается oczątku kozaczyny; однако изъ всѣхъ обѣщаній, кои мнѣ сдѣланы были отъ двухъ пріятелей, понынѣ ничего не вышло. Естьли у васъ полагаютъ капитанъ-порутческій и секундъ-маіорскій ранги, каждый въ особенномъ классѣ, то не 13, но 14 классовъ щитать надобно и безъ сержатскихъ чиновъ. Въ величинѣ портрета моего не я, но живописецъ виноватъ, такъ, какъ и въ рамкахъ, ибо отъ меня приказано было ему здѣлать самыя простыя рамы, а мѣрка для портрета дана ему была та самая, которая съ вашего портрета взята мною въ Юдиновѣ. Впрочемъ означенное въ вашемъ письмѣ отъ 8-го марта намѣреніе ваше о сохраненіи моего портрета яснымъ и сильнымъ образомъ доказываетъ великость вашего ко мнѣ благопріятства и вашей ко мнѣ любви. Кромѣ сего, не нахожу я, м. г-рь мой, братецъ, ничего болѣе къ отвѣту на оное письмо

ваше; а остается мнѣ еще кое-что сказать вамъ въ отвѣтъ на послѣднее, отъ 15-го маія. То самая дѣйствительная правда, что вамъ о Стутгардской академіи говорилъ Николай Павловичъ, которому такъ, какъ Григорію Павловичу, прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе, и при томъ увѣрить ихъ обоихъ о моей непремѣнной и неразрушимой дружеской къ нимъ привязанности. Что принадлежитъ до намѣренія вашого, чтобы въ слѣдующемъ году послать дѣтей вашихъ въ Стутгардъ, то сверхъ худаго состоянія тамошней академіи, найдется еще и другія причины, для которыхъ не совѣтовалъ бы я вамъ посылать ихъ туда въ слѣдующемъ году, а развѣ года черезъ три, и то для того только, чтобъ они тамо нѣсколько времени послужили, между тѣмъ же можно послать ихъ въ другое какое мѣсто для окончанія наукъ, какъ напримѣръ въ Геттингенъ, гдѣ обучается сынъ Андрея Степановича Милорадовича. О выше помянутыхъ причинахъ скажетъ вамъ г. Ермолаевъ, естьли изволите спросить его объ онныхъ, а мнѣ истинно не достаетъ времени входить здѣсь въ подробное ихъ изъясненіе. Чрезъ него жъ Ермолаева я посылаю по нѣсколько аршинъ шелковыхъ лентъ разныхъ сортовъ, о которыхъ и записку взятую отъ купца при семъ прилагаю, прося васъ впрочемъ дать мнѣ знать, будутъ ли онѣ вамъ угодны. О владимирскомъ крестѣ я вамъ, м. г-рь мой братецъ, скажу вкратцѣ, что это Богъ знаетъ, на что походитъ, будьто для того не дали мнѣ никакого креста, что начальникъ мой представилъ свое мнѣніе (однако жъ отнюдь не въ указъ), по которому онъ удостоилъ меня третьяго класса; ибо когда сей классъ показался дли меня слишкомъ великимъ и превосходящимъ мѣру заслугъ моихъ и когда потому не хотѣли помѣстить меня въ немъ, то для чего не дать было мнѣ мѣста въ четвертомъ классѣ? Мало ли чего дѣлается противъ представленій? Мало ли было у насъ самихъ, во время двадцати двухъ-лѣтней моей бытности въ здѣшнемъ мѣстѣ, такихъ резолюцій, которыя не согласовали съ представленіями? и не лучше ли дать что нибудь, нежели ничего? Я можетъ лучше знаю, нежели Николай Павловичъ, сокровенныя причины, кои недопустили меня до полученія креста; но что дѣлать? терпѣть

надобно. Остается мнѣ сказать вамъ, м. г-рь мой братецъ, праводушно, что ни г. Кудрявской, (которой съ великою благодарностію принялъ блогосклонное ваше объ немъ напамятованіе), ни я, не можемъ услужить вамъ архивомъ нашимъ, ибо свидѣтель Богъ, что съ великимъ трудомъ исправляемся мы въ своихъ должностяхъ, и что весьма мало остается намъ обоимъ свободнаго времени и посольскими дѣлами, кои часъ отъ часу болѣе умножаются. Въ заключеніи всего сего я долженъ объявить вамъ, что вашихъ денегъ остается у меня сто пятьдесятъ семь гульденовъ и 2 крейцера цесарской монеты; ибо по присланному отъ васъ ко мнѣ векселю на 1188, а не на 1200 рублей, получилъ я отъ одного изъ Вѣнскихъ банкировъ здѣшними деньгами 1697 гульденовъ и 21 крейцеръ, какъ то можно усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ же записки, которая отъ банкира за своеручною его подписью дана мнѣ при полученіи у него денегъ по одному векселю. По сей запискѣ, тако жъ по щету Виртембергскаго резидентъ и по выше реченной купеческой запискѣ о посылаемыхъ къ вамъ лентахъ, найдется точность объявленія моего объ остающихся у меня денегъ вашихъ, изъ которыхъ должно еще будетъ нѣсколько издержать на заказанные мною въ Стутгардѣ темляки для капитановъ нашихъ, тако жъ и на рисунки, о коихъ выше сего рѣчь была. Впрочемъ пребуду я всегда съ непремѣнною моею къ вамъ преданностію и совершеннымъ почтеніемъ, вашъ покорнѣйшій и усерднѣйшій братъ и слуга Григорій Полетика.

P. S. Г. Ермолаевъ можетъ также кое что сказать вамъ о томъ, что вы, м. г-рь мой братецъ, давно уже совѣтовали мнѣ стараться получить какія либо деревни; а я только слова два, три скажу вамъ о сей матеріи: совѣтъ весьма добръ, дружественъ и благоразуменъ, но не намъ, Господи, не намъ пользоваться онымъ.

119) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Чернигова, 1784 г., 3 октября.

М. г-рь мой Григорій Андреевичъ. Писмо ваше августа отъ 29-го пущенное, я имѣлъ честь получить, и хотя дружеское ваше выраженіе обыкновенно пріемлю съ особливымъ и пріят-

нѣйшимъ моимъ удовольствіемъ во всегдашнее время, но теперешнее ваше положеніе, въ разсужденіи одержимыхъ припадковъ, весма оскорбляетъ меня, ожидая засимъ нетерпѣливо съ сердечнымъ желаніемъ получить увѣдомленіе о выздоровленіи вашемъ, не сумнѣваясь при томъ, какъ со стороны умѣренности вашей нужной къ сохраненію здоровья, такъ и по нынѣшнему мѣсту состоянія именитыхъ и лучшихъ медиковъ, съ которыми однакожъ, дай Боже намъ болѣе нужды не имѣть и пріити въ свое здоровье. Прилагаю при семъ о службѣ моей списокъ и два атестата, на послѣднюю компанію турецкой войны служащіе, и не желая отнюдь васъ обременять, ежели припадки затрудненіемъ быть могутъ, не безпокойтеся и возвратите ко мнѣ обратно. Въ челобитной же моей объяснивши, что за изнеможеніемъ силъ моихъ и слабаго здоровья, далѣе службы продолжать не могу и по недостаточному или скудному состоянію моему къ содержанію себя и дѣтей моихъ дабы, изъ высочайшаго милосердія и призрѣнія на долговременную и усерднѣйшую службу мою, просить оставить мнѣ получаемое нынѣ жалованье мое по мою жизнь; фелдмаршалъ, у котораго я недавно былъ, показавъ виды въ предпринимаемой мною отставкѣ своего чувствованія и сожалѣнія, обѣщалъ всякую помощь, совѣтуя прежде прислать къ нему прозбу объ орденѣ св. Владимира, по имѣнію права къ полученію онаго, будучи съ 1749-го года декабря со 12 дня порутчикомъ, чему въ слѣдующемъ декабрѣ совершится 35 лѣтъ, и ежели я на сіе поступлю, то долженъ препроводить прозбу въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а объ отставкѣ въ новомъ годѣ, въ февралѣ, неизвѣстный жребій буди бы оной указалъ на 4 класъ ордена за лѣта даваемый, то лучше бы при старыхъ остаться да и подарить, ежели не догадаются, кажется нѣтъ нужды, особливо уже при отставкѣ. Хочу же вамъ, м. г-рю моему, сказать, сколько мнѣ заподлинно извѣстно по увѣренію г. губернскаго предводителя и депутатовъ, что коммиссія ихъ о разборѣ дворянства не скупится въ число сіе принятіемъ, хотя только кто основаніе по своему доказательству на то имѣетъ и не такъ строго судятъ, какъ можетъ быть пересказываютъ; правда, что горячія пренія и личныя досады часто бываютъ причиною во

всякихъ дѣлахъ несогласія, остерегаются при томъ въ соображеніи пунктовъ проекта могущаго быть по герольдіи опровerженія, а себѣ предъосужденія по трудамъ немалаго времени, а о грамотѣ и другихъ по формамъ и наставленіямъ сумнѣніяхъ, намѣрены доложиться генералу губернатору. Андрей Андреевичъ къ нынѣшнему собранію еще не пріѣхалъ, а ожидается. Меня обыкновенно между иными дѣлами заботитъ немало призывъ депутатовъ, просимые отпуски до меня не столь принадлежащіе, какъ поспѣшествовать окончанію по разнымъ обстоятельствамъ отъ сената до здѣшняго правленія входящимъ. Нынѣшнее мое отправленіе въ Петербургъ сихъ нарочныхъ сотеннаго асаула Мойсея Козачка и при немъ двоихъ служителей моихъ не для посылки гостинцовъ на двоихъ трехъконныхъ повозкахъ, какъ, по привычкѣ моей, къ выпискѣ прихотей моихъ, отъ которыхъ впредь хочу перестать; а по нынѣшнему случаю васъ, вселюбезный другъ мой, покорнѣйше прошу, по возможности вашего состоянія, въ скорѣйшемъ оныхъ посланныхъ моихъ сюда возвращеніи не оставить вашимъ пособіемъ, чтобъ скоро за пріѣздомъ ихъ туда приказать, съ кѣмъ знающимъ и удобнымъ человѣкомъ, приказать препроводить и отдать съ благопристойностію посланное варенье, заѣдокъ въ домѣ его сіятельства князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, въ двухъ ящикахъ, и къ Александру Андреевичу Безбородку, въ одномъ, по замѣткѣ на тѣхъ же ящикахъ значащейся. Писемъ же отъ меня ни къ одному не посылаю и для того объявить, что при оказіи послано безъ писемъ и кажется въ нихъ нужды нѣтъ въ разсужденіи извѣстнаго моего знакомства не неблагопристойно покажется; а затѣмъ по влагаемому у сего реестру, чрезъ довольно знающихъ, искупить по выбору значащуюся провизію и другія нужныя мнѣ вещи, и особливо уложивъ порядочною укладкою, чтобъ цѣлостно и безвредно къ дорогѣ провезти; а на покупку всего того при семъ же ассигнаціями посылаю 325 рублей, да сверхъ того на содержаніе на мѣстѣ въ оба пути людей и лошадей поручено мною асаулу сотенному 75 р. Отъ брата Петра Степановича пакетъ писемъ къ хозяину вашему Якову Ивановичу Хорошкевичу здѣсь же сообщаю. Пребывающій съ совер-

шеннымъ моимъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ м. г-ря моего вѣрный и покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

120) Могилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго, изъ Могилева, 1784 г., 15 октября.

Высокоблагородный господинъ, м. г-рь! Писаніе ваше мною, а заимодавцомъ г. Іоранскимъ 50 червонцовъ, по векселю, отъ братовъ вашихъ данному и на срокѣ протестованному, получены. Слѣдовавшіи проценты по векселному закону помянутымъ заимодавцомъ, по приказанію моему, безъ взисканія оставлены, а толко за проѣздъ его, бывшій въ прошедшомъ году, нарочно за симъ долгомъ въ Стародубъ съ Могилева, самое малѣйшое число, то-есть 5 р., имъ отъ присланного вашего взяты. Требуемыхъ конституцій вами въ Могилевѣ въ продажѣ нѣтъ; и никто даже изъ самыхъ адвокатовъ не виписываетъ онѣхъ, яко несоставляюшихъ нынѣ подъ россійскою державою не законоположенія, ниже исторіи нужной. О чемъ объявивъ, съ достодолжнымъ почитаніемъ, остаюсь высокоблагородія вашего м. г-ря покорный слуга архіепископъ Мог. Георгій.

121) Брата Андрея Андреевича, 1784 г., 15 октября.

М. г-рь мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Отпущенное отъ васъ, м. г-ря моего братца, писмо прошедшаго сентября отъ 19 числа, получилъ я оное сего мѣсяца 13 числа; оное мене наиболѣе тѣмъ опечалило, что я не вижу о здоровьи вашемъ ничего полезнаго, которое для мене драгоцѣннѣе всего, но не сумнѣваюсь, чтобы усердныя молитвы непрестанно приносимыя въ храмѣ Оксютинскомъ іерейскими устами къ милосердному Творцу нашему о исцѣленіи васъ отъ вашей болѣзни, не успѣли и не испросили бы вамъ первобытнаго и долгоденственнаго здоровья. Могу вамъ признаться вамъ, м. г-рь мой братецъ, что я еще никогда отъ васъ не былъ обиженъ такъ, какъ въ нынѣшнемъ писмѣ мною отъ васъ полученномъ. Душа и совѣсть моя ничего мнѣ не предявляетъ такого, за что бы я моглъ относително до братнихъ дѣтей и ихъ имѣнія отдать Богу отвѣтъ; правда, что не оправдится никто предъ Создателемъ въ своихъ дѣлахъ, а поможетъ толко твердое упованіе и его милосердіе,

развѣ за то, что я выполнилъ прозбу умирающаго брата и принялъ подъ наблюденіе его дѣтей и имѣніе, и сохранилъ его въ цѣлости, долговъ выплатилъ до 6000, дому не опустошилъ, а во многомъ поправилъ, хлѣба пріобрѣлъ въ десять разъ болѣе, нежели отъ него осталось; а что подкоморій Столповскій лишилъ невинно сиротъ двадцати дворовъ въ Коровинцахъ, въ томъ ли я виноватъ, когда вы сами были налицо и знаете ради кого онъ сіе здѣлалъ, и что бездѣлникъ Левандовскій, подъ видомъ благотворенія дѣтямъ, сіе надъ ними исполнилъ; что же принадлежитъ до мнѣнія людей, знающихъ дѣло объ опекѣ, что я оной и по сіе время зъ себе не здалъ, то я ихъ извиняю, они моего намѣренія не зная, могли и могутъ думать, что я имѣнія братняго и мнѣ нипочему непринадлежащаго, неохотно хочу съ рукъ выпустить, я ихъ моею совѣстью увѣряю, первое, чтобъ оттягать было отъ Левандовскаго 20 дворовъ, бездушно имъ пріобрѣтеніе; второе, чтобы сыскать старшой дочери братней жениха, какъ то сыскивались и нынѣ сыскиваются обоимъ, и ввесть ихъ въ ихъ имѣніе, не давая съ такъ неболшого имѣнія правнаго опекунамъ дохода; а какъ они волѣ моей не захотѣли повиноватся и описали меня зъ сочиненія мошенниковаго отъ ногъ до головы, то я не толко отъ ихъ имѣнія руки умываю, но и отъ ихъ самихъ, и хочай мнѣ здѣшнее главное правителство и велитъ въ мое вѣдѣніе опять привернуть имѣніе, но я не на то веду, чтобы оное принять, а стараюсь толко, чтобы земскаго исправника Стаховича отправить въ уголовную палату за починеніе нимъ плутовства въ освидѣтелствованіи насилія, а что принадлежитъ до отчета за содержаніе мною ихъ имѣнія, то я болѣе на мою совѣсть надѣюсь, нежели на приходныя и расходныя книги; видно, что я на то родился, чтобы получить въ награжденіе за доброе злое. По моимъ недостаткамъ желалось бы, чтобъ дѣти мои введени были въ корпусъ, но чимъ перемѣнить, когда такое для нихъ счастье; на первый случай, пишу я къ Собецкому, буди мое писмо застанетъ его тамъ, чтобы онъ должныя нынѣ мнѣ денги сто рублей оставилъ у васъ, а сколко болше надобно, покорнѣйше прошу меня увѣдомить, буду старатся прислать. Слѣдуетъ ли мнѣ прописуемые заидки съ Пет-

ромъ Афанасіевичемъ посылать, когда за моими заидками и его дѣти придобрились кому слѣдовало, а онъ ихъ еще и не давалъ. Наконецъ, пожелавъ вамъ выздоровленія, какъ наискорѣйшаго, съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ есмь и пребуду вашъ, м. г-ря моего братца, всепокорнѣйшій слуга Андрей Полетика. Я нездоровъ и затѣмъ не ѣду въ Чернѣговъ до перваго зимняго пути.

122) Петра Афанасьевича Шкляревича, изъ м. Хмелова, 1784 г., 27 октября.

М. г. мой, дядюшка Григорій Андреевичъ! Покорнѣйше прошу извинить меня, что я на письмо ваше отъ 19 сентября, полученное мною сего октября 17 числа, до сего времени не отвѣтствовалъ; причина тому главнѣшая, что въ ожиданіи купцовъ на табакъ, намѣренъ былъ я денги, для содержанія дѣтей моихъ требуемыя, доставить вмѣстѣ, но какъ сей годъ намъ въ неурожая хлѣба и сѣна весьма тягостенъ, такъ же и табаку хоть родилось мало, но и на тотъ купцовъ нѣтъ, а уповаю боятся къ намъ ѣхать, чтоби избавиться отъ карантиновъ, ибо уже и въ Прилукѣ несчастная болѣзнь оказалась и оная заперта. Я только до сего дня продалъ свой прошловскій табакъ и ожидаю денегъ на сихъ дняхъ, но переслать ихъ къ вамъ, м. г—рю моему, въ способѣ разбиваюсь мыслями: легче всего по почтѣ, но и тутъ сказываютъ, что всѣ письма изъ Малой Россіи въ С. П.-бургъ и другіе—колютъ и кладутъ въ уксусъ, отчего пропасть могутъ ассигнаціи, другая опасность, что я посылалъ отсюда въ Новгородокъ свою ассигнацію на 25 рублей, при почтмейстеру Конотопскомъ запечаталъ оную въ письмо, и онъ сверхъ моей и свою печать приложилъ, тое письмо, какъ по справкѣ явилось, вездѣ на почтахъ прошедши, въ Новгородкѣ съ денгами пропало. Мнѣ обявляла тетушка Елена Ивановна, что она къ вамъ въ письмѣ послала на сто рублей ассигнацію, но неизвѣстенъ я, получили ли вы, м. г., оную, покорнѣйше прошу увѣдомить меня и какой вы лучшій способъ пересылки денегъ за благо разсуждаете, естьли до того не сыщу я нарочнаго. Я справку дѣлалъ съ графскою канцеляріею, чтобы чрезъ курьеровъ отъ него посылаемыхъ переслать, но и

тутъ сказано, что и курьеровъ задерживаютъ въ карантинахъ и не пропускаютъ, о чемъ де представлено къ ея величеству. Отсрочка въ корпусъ дѣтей нашихъ весьма для меня и дяди Андрея Андреевича тягостна, но что дѣлать болѣе, какъ только ожидать вожделѣннаго сего пріема; естьли удастся на общемъ коштѣ въ числѣ депутатовъ, отправлену быть въ С. П.-Б., о чемъ я всячески старатьсь буду по обновленіи нашего намѣсничества, къ которому уже и срокъ слѣдующаго генваря мѣсяца 10 число назначенъ, то и я буду у васъ, а естьли депутаты отправлены будутъ попрежнему, то не въ состояніи такихъ здѣлать издержекъ, на ваше милостивое попеченіе оставляю дѣтей моихъ. Братцы мои гвардейцы надѣлали вижу довольно намъ мотовствомъ своимъ добра, кромѣ долгу, о которомъ и вы изволили увѣдомлять и самъ адъютантъ ко мнѣ пишетъ: ѣдучи въ Тулѣ, нахватами у купцовъ 75 руб., вздумавши тамъ свататься дурачески а безо всякой другой нужды, а можетъ быть еще что съ такою пѣснею отзовется, ибо кромѣ плутовства и обмановъ ничего отъ нихъ допроситься не могъ. Я отвѣчалъ къ адъютанту, чтобы онъ принялъ терпѣніе на нѣкоторое время, увѣряя его, что буду стараться отъ отца выпросить денги для заплаты его долгу, ибо мы согласились пріуготовить его прежде къ сей вѣсти, чтобы иногда нечаянно объявивши, не быть, храни Богъ, и его смерти причиною. Начало уже здѣлано, чтобы симъ мотать въ П.-бургъ болѣе не посылать, а съ помочью полковника Гудовича надѣемся исходатайствовать имъ выпускъ, чѣмъ бы то ни было, въ малороссійскіе полки. Подлинно уродились да удались. Я уповаю, что г. адъютантъ мое письмо вамъ покажетъ, ибо и ко мнѣ объ васъ пишетъ, то какъ я ему писалъ самую истину и васъ покорнѣйше прошу въ томъ его увѣрить, чтобы не сомнѣвался. Въ прочемъ у насъ все по старому. Что съ представленіемъ обо мнѣ дѣлается и могу ли я выше ассесора получить чинъ, покорнѣйше прошу при случаѣ меня увѣдомить, пребывающаго съ истиннымъ высокопочитаніемъ вашего м. г-ря, дядюшки, вѣрнопокорнѣйшаго слуги Петра Шкляревича.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Поднесеніе Черниговскимъ дворянствомъ малороссійскому генералъ-губернатору Куракину золотой вазы. Въ помѣщенной въ предъидущей книгѣ журнала[1]) статьѣ: «Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики» мы, со словъ автора воспоминаній «Pro domo sua», о которой мы говорили,—разсказали о поднесеніи черниговскимъ дворянствомъ бывшему малороссійскому генералъ-губернатору кн. Алексѣю Борисовичу Куракину золотой вазы и о вызванномъ этимъ поднесеніемъ предложеніи Куракина воспитывать на своемъ иждивеніи 20 дѣтей недостаточныхъ дворянъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ. Иллюстраціей этому могутъ послужить появившіеся въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» два документа, которые поэтому мы и считаемъ не лишнимъ привесть въ дополненіе къ нашему разсказу.

Вотъ постановленіе Черниговскаго дворянскаго собранія отъ 13 января 1806 г.:

„Малороссійской черниговской губерніи Дворянское Собраніе, имѣя разсужденіе, что съ времени главнаго управленія его сіятельства господина малороссійскаго генералъ-губернатора обѣими малороссійскими губерніями чрезъ милостивое его ходатайство оказаны сему краю многія благодѣянія. Корпусъ дворянства въ признательность за оные опредѣляетъ поднесть его сіятельству памятникъ для предбудущихъ временъ въ вещи, составляющей золотую вазу на сумму десять тысячъ рублей, съ приличною на ней надписью. Сумму же на оную употребить пять тысячъ руб. изъ суммы дворянской, пять же тысячъ рублей дворянство доставитъ отъ себя. Исполненіе же сего опредѣленія г. губернскій маршалъ пріемлетъ на себя“. Затѣмъ слѣдуютъ подписи губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ и другихъ дворянъ, всего 95 подписей.

Получивъ вазу, которая обошлась дороже первоначально предназначенной суммы (именно 17.060 руб. 25 коп.), Куракинъ отвѣ-

[1]) Кіевская Старина 1895 г. № 5.

чалъ на это поднесеніе слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя губернскаго маршала Н. М. Стороженка:

„Милостивый Государь мой

Николай Михайловичъ!

Имѣвъ честь получить при письмѣ вашего превосходительства отъ имени дворянства черниговскаго золотую вазу, я нахожу себя въ непремѣнной и пріятнѣйшей для меня обязанности просить васъ засвидѣтельствовать ему признательность, каковую чувствую я къ таковому благорасположенію ко мнѣ сего почтеннаго сословія.

Примите пожалуйста на себя, милостивый государь, изъяснить за меня, что сколь лестно мнѣ всегда было снискивать и пользоваться его довѣренностію, столько лестно видѣть и изъявленіе оной. Я, конечно, въ полной мѣрѣ умѣю оное цѣнить и вмѣняю себѣ въ особенное счастіе, если усилія, кои токмо старался я устремлять на дѣйствія полезныя, достигали цѣли своей и пріобрѣли мнѣ благорасположеніе дворянства. Памятникъ онаго послужитъ къ чести моей и будетъ всегда пріятнѣйшимъ для меня воспоминаніемъ.

Возобновляя свидѣтельство моея благодарности къ сословію дворянства черниговскаго, я прошу васъ предложить ему о желаніи моемъ воспитать, въ знакъ оныя, на моемъ иждивеніи, въ учрежденномъ тамо домѣ воспитанія, двадцать человѣкъ изъ дѣтей недостаточныхъ дворянъ, кои будутъ туда приняты по избранію и назначенію самого дворянства.

Благосклоннымъ принятіемъ сего усерднаго моего пожертвованія дворянство вновь удостовѣритъ меня въ его ко мнѣ благорасположеніи.

Въ заключеніе, прошу васъ, милостивый государь мой, принять свидѣтельство благодарности моей собственно къ вамъ, яко принявшему на себя исполнить волю дворянства.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть навсегда вашего превосходительства покорный слуга кн. *Алексѣй Куракинъ.*

4 февраля 1809 года“.

По сообщенію г. М., помѣстившаго въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ эти документы, поднесенная Куракину ваза заключала въ себѣ болѣе пяти фунтовъ золота. Съ одной стороны на ней былъ изображенъ черниговскій гербъ съ подписью: «печать дворянскаго собранія черниговской губерніи», а съ другой стороны—вензель Куракина и надпись: «Малороссійскому генералъ-губернатору князю Алексѣю Борисовичу Куракину». Въ настоящее время этотъ «памятникъ для предбудущихъ временъ», какъ назвало свою вазу черниговское дворянство, сохраняется, вѣроятно, въ имѣніи Ѳ. А. Куракина въ саратовской губерніи.

Н. Ш.

Сказка о человѣкѣ, понимавшемъ разговоръ животныхъ.

Бувъ одынъ сырота и ны мавъ де соби найты службы. Иде дорогою и плаче, а на встричъ ему якъ разъ якійсь панъ иде. «А чого ты, хлопче, плачешъ?»—Отъ такъ и такъ, паночку,—ныма де службы найты.—«Ходимъ до мене, будешъ у мене служиты!» И повивъ его панъ узенькою дорожкою въ очеретъ. Дывыцця той хлопець: куды це винъ веде мене? Колы це бачитъ: прыздорова хата въ очерети; входыть винъ—никого нема тамъ. «Теперъ, хлопче,—каже панъ,—ничого ны будышъ робыты, тики дрова рубаты, ти що стоять въ сажняхъ»,—а самъ взявъ та й пишовъ соби. Сумно яко-сь зробылось тоди тому хлопцю, выйшовъ винъ на двиръ, дывыцця: кýды-бъ тутъ ему втикты?—колы бачить, и дорожки тои ныма, куды воны сюды йшлы... мабудь, дума соби, треба оставатысь та служиты. Взявся винъ до роботы, такъ ему годъ—якъ каглою выйшовъ. И дума винъ соби: «шо я за дурный, шо ны договорывся за цину?» Колы це прыходыть ёго панъ. «Сёгодня, каже, тоби годъ выйшовъ, ходимъ, та я тебе розсчытаю!»—и прыводыть ёго въ коморку; а тамъ купа грошый лежить. «Ну, каже, быры, хлопче, за твою службу скильки хочишь!» Ставъ хлопыць та й думае:.. якъ визьму мало, то вcredли буду жалкуваты,—визьму богато—боюсь, шобъ панъ ны лаявъ». Думавъ винъ, думавъ, та й каже панови: «лучче, пане, сами дайте, скильки знаете!» А панъ каже: «якъ ты такый дурынь, то чекай, я тоби лучче заплатю ны такъ!» та якъ свысне ёго кулакомъ въ ухо въ одно, потимъ въ друге,—«о-це, каже, тоби плата, глядыжъ теперъ, никому ны росказуй, шо я тоби такъ заплатывъ!»

Выйшовъ хлопыць на двиръ, плаче. Колы бачить: и дорижка йе, куды ему выйты. Выйшовъ винъ на гору, на велыкый шляхъ, колы дывыцця: литае птычка и балакае зъ своими дитьми,—а винъ понимае, шо вона каже. «Эге—каже винъ соби—не дурно панъ казавъ, шобъ никому ны росказуваты,—мабудь цей панъ изъ закованнымъ носомъ!» (т. е. волшебникъ, или чортъ). Отъ говорыть до своихъ дитей птычка: «постойте, диты, прыйидуть увечери чумакы и будуть блызько коло насъ ночуваты, та наварятъ каши, а разбойныкы прыйдуть и побьють ихъ и намъ останецця вся каша,—отъ тоди я васъ нагодую».—«А якъ такъ, дума соби хлопець, то треба пидождаты чумакивъ,—чи правда то буде, шо ця птычка каже». Колы це незабаромъ дывыцця винъ: йидуть чумаки. «Отъ тутъ ставаймо и будымъ ночуваты!» Выпряглы волы и бырyцця варыты кашу. Пидходыть винъ тоди до ныхъ и каже: «я бъ вамъ, дядькы, ны совиту-

вавъ тутъ ночуваты».—«Чого жъ такъ?»—«А того, шо сюды прыйдуть розбойныкы и побьють васъ!»—«Эге, а насъ хиба мало! куды имъ!»—А одынъ чумакъ каже: «а я не хочу тутъ ночуваты, шобъ чого справди ны було».—«Этъ дурный ты, шо дурного слухаешь!»—«Ни, таки пойиду дальше!» И одъихавъ винъ съ тимъ хлопцемъ на версты дви и переночувалы благополучно. «Ну, каже хлопець, ходимъ теперъ, побачимъ, шо тамъ случилось?» Прыходять воны,—колы вси чумаки побыты лыжать, а птычка носыть и годуе своихъ дитей. Спасыби тоби, хлопче, шо ты спасъ мене одъ смерти»,—дякуе той чумакъ; пытае: «якъ це ты взнавъ?»—«Мини птычка сказала, шо це теперъ щебече!»—А той каже: «Пойидымъ, каже, сыну, до мене, ты сырота, а въ мене йе дочка,—може ты будешь зятемъ мини, все тоби отдамъ багатство».

Прыйижають воны вже въ село, колы литыть ворона,—крычыть: «Уже йиде хозяинъ, ны знае, шо вдома робыцця: выкралы комору, а хазяйка на воротяхъ ожидае и хоче заризатысь!» Хлопець тогди каже: «дядьку, у васъ плохо робыцця вдома: выкралы комору, а хозяйка стоить на воротяхъ зъ ножемъ и хоче зарызатысь,—такъ васъ боицця. Теперъ, каже, покажить мини дорогу, я буду самъ йихаты, а вы бижить и заходьте потехенько ззади, выдырить нижъ и вговарюйте, шобъ ны журылась». Такъ винъ и зробывъ: зайшовъ иззади, выдиръ нижъ, каже жинци: «ны бійсь, дурна, я ничого тоби ны скажу! слава Богу, каже, шо я самъ жывый зостався,—мои товарыши давно побыты лежать, а намъ давъ Богъ славного хлопця, то винъ мене спасъ и тебе тоже,—може ще буде намъ зятемъ. Онъ-онъ, каже, винъ уже йде изъ нашими волами! Зайижай, каже, сыну, та ходимо до хаты! Давай, жинко, вечераты!» Силы воны, повечералы, и собакамъ йисты далы. Выйшовъ хлопець на двиръ, дывицця, ажъ собаки сваряцця, а винъ разбира ихъ разговоры. Одынъ каже: «ты ны йижъ, бо ты не встеригъ коморы, а я й теперъ вещи стережу!»—найився та й пишовъ ажъ на вулыцю, на смитныкъ, лигъ та й лежить. Иде хлопець до хаты та й каже: «ну, дядьку, давайте заступа, ходимъ ваши вещи копаты, ти, шо злодіи покралы!» Прыйшлы воны до того мисця, дё лежить собака, сталы копаты и выкопалы вси вещи. «Ну, каже хозяинъ, теперъ будемъ робыты сватання и весилля, куплю я вамъ хату, дамъ шисть паръ воливъ и грошей трохи и будете вы житы!»

Незабаромъ оженывся той хлопець, выбрався въ свою хату и живе соби, якъ Богъ прыказавъ. Отъ одынъ разъ пишла жинка до

матери, а маты и каже: «спытай—но, дочко, якъ винъ усе може знаты? чи винъ такый волшебныкъ, чи такъ знае все?» — «Э, мамо, я вже ёго пытала, а винъ каже: якъ тоби расказаты все, то умру».— «Дурна ты, дочко,—якъ умре, то тильки и шкода! Вылыка цяця наймытъ! ты ще выйдышь за кращого хозяина!» Прыйшла жинка до дому и прыстала до мужа: роскажи та роскажи. А винъ каже: «ну, якъ ты мене не жалуишь, то давай билу сорочку, я надину, сляжу на лавци и буду росказуваты, а потимъ умру».—«Не умрешь, чоловиче, Богъ зъ тобою, шо це ты выгадавъ!» —а сорочку таки достае и знովъ просыть росказуваты. Узявъ винъ, надивъ сорочку, лигъ, колы це десь узявся пивень пидъ викномъ, якъ заспивае, закрычить до его: «дурный, ты, каже, на шо ты такый вылыкый секретъ кажешь жинци? ось у мене сорокъ жинокъ и я правды ны одни ны кажу! узявъ бы нагайку та показавъ бы, якъ правду казаты!» А жынка пыта: «чогожъ ты мовчишь, чоловиче?» — «Пидожды, жинко, треба тебе навчиты!» —уставъ, заперъ двери на крючокъ, узявъ нагайку,— якъ зачавъ правду казаты, що вже вона не знала, якъ просытысь! «А що, жинко, будешь пытаты?» — «Ой, ны буду, голубчику!» Якъ вырвалась вона изъ хаты, побигла до матери жалуватысь. Якъ побачила маты дочку побыту—ажъ перелякалась, стала крычаты. Почувъ батько, уходыть на той крикъ до хаты: «А це що, дочко?» — «Эге, що?—каже маты: шобъ ты пропавъ изъ своимъ зятемъ разомъ! якый-сь наймитюга та буде мою дытыну убываты!» Колы и зять уходыть. «Здраствуйте!» — «Здоровъ! А що ты, сыну, робышь?» пыта батько. Росказавъ винъ все, якъ було. «А на шожъ ты, дочко, пытала ёго, якъ ему не можна казаты?» А зять каже: «Та я бувъ бы и росказавъ, та пивинь пидійшовъ пидъ викно, та дурнемъ мене назвавъ за те, шо я не вмію жинки вчиты!» — «И правда, шо не вміишь, каже батько; якъ узявъ батигъ, якъ началъ стару и молоду батогомъ потягаты, облушпарывъ добре... «Отъ теперъ, каже, иды, дочко, до дому и николы не пытай мужа!»

И съ тихъ поръ жинка не пытала бильше мужа и добре жилы воны до самои старости. (Запис. А. Школа въ пос. Новоархангельскѣ елисаветгр. у.).

Сообщилъ В. Н. Ястребовъ.

Циркуляръ Херсонскаго губернатора. Херсонскимъ губернаторомъ М. Веселкинымъ разосланъ къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ губерніи циркуляръ слѣдующаго содержанія: «Херсонская губернія, какъ извѣстно, богата древностями разныхъ эпохъ жизни человѣчества, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ: въ почвѣ ея находятъ памятники быта разныхъ народовъ, со временъ первыхъ обитателей Европы до новѣйшаго, сравнительно, времени иноземнаго здѣсь владычества. Къ сожалѣнію, не мало весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ древности погибло отъ неумѣлыхъ, а иногда недобросовѣстныхъ пріемовъ кладоискателей, и много вещей, имѣющихъ большое археологическое значеніе, увезено за границу. Заботясь о сохраненіи для пользы отечественной науки уцѣлѣвшихъ еще памятниковъ старины въ нашемъ краѣ, считаю долгомъ обратиться къ просвѣщенному содѣйствію вашему, въ цѣляхъ положить предѣлъ дальнѣйшему расхищенію продолжающихся и ожидаемыхъ важныхъ археологическихъ находокъ. Въ этихъ видахъ были-бы приняты съ особою благодарностью сообщенія херсонскому Губернскому Статистическому Комитету свѣдѣній по прилагаемой программѣ, присылка предметовъ древности для опредѣленія ихъ происхожденія, или же для помѣщенія въ образуемый при Комитетѣ Музей и, наконецъ, извѣщеніе Статистическаго комитета о предполагаемыхъ или произведенныхъ уже раскопкахъ и находкахъ».

Приложенная къ циркуляру краткая «программа археологическаго описанія мѣстности» ставитъ рядъ вопросовъ, касающихся главнымъ образомъ древнихъ земляныхъ сооруженій (городищъ, кургановъ, валовъ, пещеръ), а также случайныхъ находокъ и археологическихъ коллекцій.

Какъ мы слышали, уже есть и результаты этого циркуляра: получено много отвѣтовъ на программу, дающихъ цѣнныя указанія о мѣстныхъ древностяхъ. Систематизаціей ихъ занятъ секретарь Статистическаго Комитета В. И. Гошкевичъ, ведущій также и самостоятельныя разысканія о древностяхъ херсонской губерніи, преимущественно первобытной эпохи.

Учрежденный при Комитетѣ «Херсонскій Археологическій Музей» также двигается впередъ и со временемъ несомнѣнно займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди другихъ подобнаго рода учрежденій, которыми, къ слову сказать, еще бѣденъ нашъ югъ, такъ богатый памятниками старины.

Мѣры, предпринимаемыя херсонскимъ губернаторомъ къ сохраненію и систематическому описанію мѣстныхъ древностей, заслужи-

ваютъ полнаго сочувствія; только такимъ путемъ могутъ быть побѣждены косность, отсутствіе интереса къ родной старинѣ, которыя съ такой силой царятъ въ средѣ нашего общества.

Будемъ надѣяться, что просвѣщенная дѣятельность херсонскаго губернатора вызоветъ подражанія и въ другихъ мѣстахъ нашего края. Если древности херсонской губерніи, составляющія по большей части наслѣдіе иноплеменныхъ намъ народностей, обратили на себя такое вниманіе, если къ охранѣ ихъ принимаются энергичныя мѣры, то тѣмъ болѣе желательно такое отношеніе къ памятникамъ старины, напр., юго-западныхъ губерній, искони населенныхъ славянскимъ племенемъ, бывшихъ ареной начальнаго развитія жизни русскаго народа, хранящихъ въ своей почвѣ безчисленные остатки прошлаго. Нельзя отрицать, конечно, что и по отношенію къ этимъ послѣднимъ кое-что уже сдѣлано, какъ спеціальными учрежденіями, такъ и частными лицами; но все это носило и носитъ временный характеръ, лишено общаго плана, вызывалось зачастую чисто случайными обстоятельствами, — *постоянное* наблюденіе (которое и возможно лишь *на мѣстѣ*), искреннее отношеніе къ дѣлу, пробужденіе въ обществѣ сознанія важности этого дѣла только и могутъ поставить его на настоящую почву, не дадутъ возможности осуществиться такъ часто наблюдаемымъ въ послѣднее время фактамъ уничтоженія мѣстныхъ древностей или спекуляціи ими.

Н. Б.

Къ исторіи Кіево-Никольскаго монастыря. Свѣтъ на исторію Кіево-Никольскаго монастыря проливаетъ *«копія выданная съ указа св. Сѵнода сему монастырю и нынѣ представленная въ оцѣночную коммиссію 30 марта 1895 года»*. Указъ св. Сѵнода выданъ по поводу перехода, согласно Монаршей волѣ 1812 и 1831 гг., какъ сего монастыря, такъ и принадлежавшихъ ему построекъ въ инженерное вѣдомство. Во всей перепискѣ, касающейся Кіево-Никольскаго монастыря, интересныя историческія свѣдѣнія даетъ помѣщенная въ ней копія отношенія Кіевскаго Военнаго Губернатора на имя оберъ-прокурора св. Сѵнода, въ которомъ (отношеніи) Военный Губернаторъ доказываетъ право неприкосновенности Кіево-Никольскаго монастыря и его строеній ссылкою на его значеніе для кіевскаго района и древность.

«Пустынно-Николаевскій монастырь именуемый Слупъ или Столповой, древнѣйшій между кіевскими, основанный великою княгинею блаженною Ольгою, при могилѣ кіевскаго князя Оскольда, въ намять его, былъ первоначально женскимъ, въ коемъ, какъ извѣстно по житію преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, была пострижена мать сего святого. Въ 1113-мъ году в. к. Мстиславъ Владиміровичъ, сынъ Мономаховъ, перестроилъ монастыръ сей вновь деревяннымъ зданіемъ. Въ 1690-мъ году близъ сего монастыря построенъ большой Пустынно-Николаевскій монастырь, нынѣ обращенный въ Кіевскій Военный Соборъ, и къ оному приписанъ древній Николаевскій Столповой. Въ 1713-мъ году Кіевскимъ Губернаторомъ княземъ Голицинымъ построена каменная церковь въ Столповомъ монастырѣ, до нынѣ существующая—до 1732-го года. Настоятелями обоихъ сихъ монастырей вмѣстѣ были игумены, а съ того года установлены архимандриты. Въ 1786 г. при учрежденіи Малороссійскихъ духовныхъ штатовъ, монастырь сей положенъ вт 1-мъ классѣ, и до сихъ поръ таковымъ существовалъ по Имянному Высочайшему указу. Въ 1831-мъ году по послѣдовавшему повелѣнію кіевскій первокласный Пустынно-Николаевскій монастырь обратить въ Кіевскій Военный Соборъ, а монашествующую братію размѣстить по кіевскимъ другимъ Монастырямъ; такимъ образомъ одинъ только бывшій Кіевской Епархіи первокласный Архимандричій Монастырь упраздняется, тогда какъ въ нѣкоторыхъ Епархіяхъ существуетъ по нѣскольку первокласныхъ Монастырей, затѣмъ въ Кіевской Епархіи остается одинъ только второкласный и одинъ третьекласный Архимандричій Монастыри, коихъ Архимандриты, занимаясь училищными должностями, не могутъ быть при Архіерейскихъ служеніяхъ въ празничные не свободные дни отъ ученія. По мнѣнію его (Кіев. Губернатора) какъ для сей необходимости, такъ равно и потому, что въ Столповомъ Монастырѣ находится древняя чудотворная икона святителя Николая, Греческаго письма, къ коей многіе съ усердіемъ прибѣгаютъ нужно оный оставить безъ упраздненія: а потому онъ, Кіевскій Военный Губернаторъ, просилъ его, г. оберъ прокурора, исходатайствовать у Его Императорскаго Величества утвержденія перво-класной Архимандріи, бывшей въ большомъ Пустынно-Николаевскомъ древнемъ Монастырѣ, называемомъ Николай Слупъ или Слупскій съ Архимандритомъ и братіею и съ ихъ окладомъ, предоставивъ имъ и торговыя лавки отъ Монастыря устроенныя, естьли сіе предположеніе будетъ удостоено Высочайшаго одобренія, то монастырь сей имѣетъ достаточную ризницу и церковные утвари и хотя потребуетъ нѣкоторой перестройки

зданій, за то церковъ каменная, въ прошломъ году прочно поновленная и распространенная пристройками боковъ, представляетъ для сего предмета всѣ нужныя къ тому удобства, не требуя никакихъ дальныхъ отъ казны издержекъ».

Святѣйшій Сунодъ заслушалъ отношеніе Кіевскаго Военнаго Губернатора и 4-го февраля 1833-го года повелѣлъ: братію перевести въ монастырь Николай Слупъ, возвести Слупскій монастырь въ Архимандричій 1-классный монастырь и передать въ его вѣдѣніе лавки.

К. И. Т—ъ.

„Панськiй будынокъ" въ д. Лебединцѣ, прилук. уѣзда полтав. губ. Въ одномъ изъ имѣній покойнаго Г. П. Галагана, д. Лебединцѣ, существуетъ единственный въ своемъ родѣ старосвѣтскій украинскій «панськiй будынокъ», который мнѣ пришлось видѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Объ этомъ «будынкѣ» я давно зналъ со словъ покойнаго Г. П. Галагана, который говорилъ мнѣ, что устроилъ этотъ памятникъ старины съ соблюденіемъ всѣхъ подробностей, пользуясь совѣтами и указаніями Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и В. Б. Антоновича. Обстоятельства сложились такъ, что во время служенія моего въ Прилукахъ подъ начальствомъ Г. П. Галагана (въ 1874—1878 г.) мнѣ не пришлось побывать въ Лебединцѣ, а удалось это сдѣлать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и то, можно сказать, мелькомъ. Въ Лебединецъ я пріѣхалъ съ высокоуважаемымъ Н. И. Стороженко почти при захожденіи солнца въ лѣтній день, такъ что осмотръ сдѣланъ наскоро, да при томъ и бѣглыя замѣтки мои затерялись. Вспоминаю, что внѣшній видъ «будынка» значительно отличается отъ современныхъ барскихъ домовъ. Зданіе покрыто высокою соломенною крышею; подъѣздъ съ точенными съ рѣзьбой столбами; размѣры и форма оконъ имѣютъ своеобразный видъ. Въ «будынкѣ» все до послѣднихъ мелочей напоминаетъ старину, начиная съ дверныхъ и оконныхъ приборовъ. Меблировка, килимы, скатерти, утварь—дышатъ стариной, и каждая вещь вполнѣ типична. Сколько мнѣ извѣстно, въ полтавщинѣ не существуетъ другого подобнаго памятника украинской старины, и однако до настоящаго времени ни одинъ изъ художниковъ или фотографовъ не воспроизвелъ этого памятника. Можно сказать, что и «будынокъ», и тѣнистый садъ, окружающій его, вполнѣ достойны кисти талантливаго пейзажиста, а мебель и утварь заслуживаютъ вниманія просвѣщенныхъ любителей и знатоковъ род-

ной старины. Рѣшаюсь думать, что если не модель, то хоть рисунки или снимки съ зданія и обстановки Лебединскаго «будынка» имѣютъ полное право занять подобающее мѣсто въ естественно-историческомъ музеѣ полтавскаго губернскаго земства.

Казалось бы, что пора г.г. техникамъ губернскаго земства обратить съ своей стороны вниманіе на этотъ этнографическій памятникъ и оцѣнить съ технической стороны орнаментацію. Во всякомъ случаѣ теперь въ Прилуку можно удобно проѣхать отъ стан. Круты, а въ городѣ есть Галагановская усадьба, гдѣ завѣдывающій усадьбой можетъ сообщить маршрутъ для желающихъ. Пишу это для свѣдѣнія тѣхъ, у кого найдется охота изложить и возможно обстоятельно ознакомиться съ единственнымъ весьма цѣннымъ памятникомъ украинской старины.

В. Василенко.

Мелкія извѣстія.

1. Празднованіе памяти св. Кирила и Меѳодія.
2. 75-лѣтіе основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко.
3. Училища въ память Н. И. Костомарова и Н. В. Гоголя.
4. Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка.
5. Открытіе памятника М. С. Щепкину.
6. Положеніе вопроса объ устройствѣ музея въ Кіевѣ.
7. Французское иллюстрированное изданіе, посвященное Россіи.

Празднованіе памяти св. Кирилла и Меѳодія. По сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, день памяти св. Кирилла и Меѳодія 11 мая былъ отпразднованъ петербургскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ съ особенною торжественностью. Празднованіе началось молебномъ, который былъ совершенъ въ Исаакіевскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Палладіемъ. Затѣмъ въ залѣ кредитнаго общества происходило общее собраніе славянскаго благотворительнаго общества, въ которомъ были прочтены поздравительная телеграмма, посланная совѣтомъ одесскому отдѣленію общества по случаю его двадцатипятилѣтія, и привѣтственная телеграмма сербскаго митрополита Михаила. Потомъ настоятель Исаакіевскаго собора протоіерей Смирновъ произнесъ рѣчь о космополитизмѣ, который онъ охарактеризовалъ, какъ «стремленіе быть всѣмъ, но не тѣмъ, чѣмъ создалъ Богъ», и далѣе напомнилъ слушателямъ, что космополитизмъ осужденъ Богомъ, что первая дерзкая попытка его — вавилонское столпо-

твореніе—была жестоко наказана и что Спаситель любилъ свою родину, скорбѣлъ о ней и заповѣдалъ ученикамъ идти сперва къ своимъ, а потомъ къ чужимъ. Послѣ рѣчи о. Смирнова хоръ Архангельскаго исполнилъ сербскую пѣсню: «Кто свою отчизну любитъ». (Новое Время).

75-лѣтіе основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко. 23 минувшаго апрѣля, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Кіевлянина», въ актовомъ залѣ историко-филологическаго института кн. Безбородко происходило торжественное засѣданіе состоящаго при институтѣ историко-филологическаго общества по поводу исполнившагося 75-лѣтія со времени основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко и вмѣстѣ съ тѣмъ 20-лѣтія его жизни въ новомъ видѣ, послѣ преобразованія его въ 1875 г. изъ юридическаго лицея въ историко-филологическій институтъ. Засѣданіе открыто было вступительною рѣчью предсѣдателя общества, директора института Ф. Ф. Гельбке, указавшаго въ ней предметъ засѣданія и замѣтившаго, что хотя учебное заведеніе, основанное въ 1820 г. по завѣщанію кн. Безбородко подъ именемъ гимназіи высшихъ наукъ, подвергалось не одинъ разъ преобразованіямъ (именно въ 1832 г. въ лицей физико-математическій, въ 1842 г. въ лицей юридическій и въ 1875 г. въ институтъ историко-филологическій), но тѣмъ не менѣе его жизнь за 75 лѣтъ представляетъ нѣчто цѣльное, ибо всѣ періоды этой жизни объединяются идеею высшаго гуманитарнаго образованія, представителемъ котораго оно всегда было, а потому почтить 75-ю годовщину его существованія является дѣломъ вполнѣ справедливымъ. Самъ институтъ долженъ былъ отказаться отъ мысли торжественно отпраздновать этотъ день [1]), но историко-филологическое общество, состоящее при институтѣ, нашло умѣстнымъ посвятить одно изъ своихъ засѣданій воспоминаніямъ о прошлой жизни заведенія. Въ заключеніе директоръ прочиталъ телеграммы, присланныя институту къ этому дню его бывшими воспитанниками.

Первая изъ слѣдовавшихъ затѣмъ рѣчей, произнесенная проф. Е. В. Пѣтуховымъ, была посвящена первому періоду жизни заведенія, т. е. гимназіи высшихъ наукъ. Въ ней авторъ подробно остановился на основателяхъ и первыхъ устроителяхъ гимназіи, князѣ и графѣ Безбородкахъ, графѣ Кушелевѣ-Безбородко, первыхъ ея директорахъ Кукольникѣ и Орлаѣ, охарактеризовавъ ихъ личность и

[1]) Почему именно долженъ былъ отказаться—это представляется несовсѣмъ понятнымъ.

дѣятельность, а также и послѣдующихъ ея директоровъ и профессоровъ, очертилъ внутреннее устройство гимназіи и организацію преподаванія, причемъ указалъ на чрезмѣрный энциклопедизмъ получавшагося воспитанниками образованія, въ чемъ г. Пѣтуховъ усматривалъ и главную причину, почему заведеніе было признано несоотвѣтствующимъ требованіямъ жизни и подверглось въ 1832 г. преобразованію. Въ заключеніе авторъ назвалъ лицъ, воспитывавшихся въ гимназіи и заявившихъ себя на разныхъ поприщахъ дѣятельности государственной, научной и литературной, подробнѣе остановившись на Тарновскомъ, Рѣдкинѣ и Гоголѣ.

Затѣмъ преподаватель института М. А. Сребницкій изложилъ очеркъ исторіи лицея физико-математическаго (1832—1840) и юридическаго (1840—1875). Кратковременное существованіе физико-математическаго лицея было охарактеризовано, какъ время наибольшаго упадка заведенія имени кн. Безбородко, когда оно и въ научномъ, и въ учебномъ отношеніи стояло очень низко. Съ особенною подробностью очерчена была лучшая пора жизни юридическаго лицея, до начала шестидесятыхъ годовъ, когда лицей стоялъ вполнѣ на высотѣ своего назначенія и когда профессорами въ немъ были Н. Х. Бунге, В. А. Незабитовскій, М. А. Туловъ, И. В. Лашнюковъ. Воспользовавшись богатымъ архивнымъ матеріаломъ, отчасти печатными источниками и воспоминаніями современниковъ, авторъ подробно охарактеризовалъ учебно-ученую дѣятельность выдающихся профессоровъ лицея и представилъ живую картину жизни нѣжинскаго студенчества за эту пору исторіи лицея. Затѣмъ были указаны причины постепеннаго упадка заведенія, отмѣчено измѣненіе характера и состава профессоровъ и студентовъ и изложенъ ходъ вопроса о преобразованіи юридическаго лицея въ историко-филологическій институтъ.

Наконецъ, проф. П. И. Люперсольскій въ своей рѣчи остановился на первомъ времени жизни историко-филологическаго института, именно на періодѣ устройства и первоначальной дѣятельности института подъ управленіемъ перваго его директора Н. А. Лавровскаго, при чемъ охарактеризовалъ первоначальный составъ служащихъ въ институтѣ, описалъ открытіе института, обрисовалъ состояніе въ немъ преподаванія и дѣятельность конференціи его за это время, упомянулъ о дѣятельности скончавшихся къ настоящему времени представителей первоначальнаго состава служащихъ въ институтѣ (Н. Я. Аристова, А. Ѳ. Хойнацкаго, Ѳ. А. Златоустовскаго и П. Г. Сертье); указалъ на дѣятельность бывшихъ воспитанниковъ инсти-

тута, изъ которыхъ большинство служатъ преподавателями въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и закончилъ выраженіемъ надежды, что институтъ, начинавшій свою дѣятельность бодро и радостно, будетъ также продолжать ее и впредь.

Съ своей стороны мы думаемъ, что учебное заведеніе имени кн. Безбородко, которое, какъ видно изъ его исторіи, разсказанной названными ораторами, въ теченіе 75-лѣтняго своего существованія перепробовало системы устройства почти всѣхъ факультетовъ, существующихъ въ русскихъ университетахъ, превращаясь изъ энциклопедическаго учебнаго заведенія въ физико-математическое, изъ физико-математическаго въ юридическое и изъ юридическаго въ историко-филологическое,—со временемъ не минуетъ еще преобразованій: такая уже должно быть его судьба—испытать на себѣ всевозможныя превращенія, пока, наконецъ, оно не остановится на такомъ устройствѣ, которое наиболѣе будетъ удовлетворять потребностямъ того населенія, среди котораго оно существуетъ.

Училища въ память Н. И. Костомарова и Н. В. Гоголя. Въ прошломъ 1894 году, въ с. Юрасовкѣ, острогожскаго уѣзда, открыто одноклассное училище имени Н. И. Костомарова, устроенное на капиталъ, который Н. И. Костомаровъ, по духовному завѣщанію, оставилъ въ суммѣ 8920 рублей (золотомъ) министерству народнаго просвѣщенія на учрежденіе народной школы на мѣстѣ его родины. Видъ зданія этого училища, имѣющаго вывѣску: *«Юрасовское 1 классное училище Мин. Нар. Просвѣщенія имени Н. И. Костомарова»*, помѣщенъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ одесскаго журнала «По морю и сушѣ», вмѣстѣ съ краткою замѣткою о немъ. Нынѣ, какъ сообщаютъ газеты, полтавскому уѣздному земству разрѣшено ассигновать, согласно ходатайству Песчанскаго волостнаго схода, 8780 рублей на устройство въ селѣ Васильевкѣ училища въ память Н. В. Гоголя и сельской библіотеки его имени. Съ своей стороны жители Васильевки собрали 800 рублей для устройства небольшого памятника Гоголю, который предположено поставить на площади передъ училищемъ.

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Проживающіе въ Петербургѣ малороссы ежегодно чествуютъ память Т. Г. Шевченка, устраивая семейно-музыкальные вечера. Въ этомъ году такой вечеръ состоялся, вмѣсто обычнаго февраля, въ апрѣлѣ (по сообщенію «Петербургскаго Листка» и «Новостей» 12 апрѣля, а по сообщенію журнала «По морю и сушѣ»—13 апрѣля), въ театральномъ залѣ Павловой.

На сценѣ, среди зелени и цвѣтовъ, былъ поставленъ поясной гипсовый бюстъ Т. Г. Шевченка. У сцены въ залѣ, съ лѣвой стороны, большой щитъ былъ увѣшанъ снимками съ эскизовъ М. О. Микѣшина—иллюстрацій къ произведеніямъ Шевченка, а съ правой стороны обращалъ на себя вниманіе писанный Микѣшинымъ же большой портретъ покойнаго поэта во весь ростъ, въ свиткѣ, съ бандурою въ рукахъ, среди яркихъ цвѣтовъ мака. У ногъ портрета ютился небольшой картонъ съ наброскомъ малороссійскаго дѣвичьяго лица; это—копія писаннаго Шевченкомъ портрета извѣстной Лукерьи, его невѣсты. Исполнителями въ концертной части вечера были Ждановъ, Варзаръ, Рѣшетникова, Чубинская, Мухина и Рѣзниченко; кромѣ того, одинъ любитель съ малороссійскою лирою изображалъ ярмарочнаго пѣвца-лирника; но большая часть концерта состояла изъ хорового пѣнія. Исполнялись народныя пѣсни и произведенія композиторовъ Лысенка, Гордѣева, Козаченка и Сычева; между прочимъ исполнены были: «Думы мои, думы!» «Свято въ Чигрини», «На городи коло броду» (Лысенка), «И ничъ иде, и день иде» (Козаченко), «Не женыся на богатій» (Сычева), «Зозуля», «Слава козаченькамъ» и друг. Присутствовавшій на вечерѣ Д. Л. Мордовцевъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на то, что покойный поэтъ обращался за вдохновеніемъ не къ Аполлону и музамъ, а къ высшей и святой правдѣ, прося Богоматерь направить его мысли и чувства къ высшему идеалу. Особенный фуроръ, какъ сообщаютъ «Новости», вызвало за ужиномъ, который слѣдовалъ за концертомъ, стихотвореніе В. Л. Величка *(напечатано тамъ-же)*.

Относительно того, были-ли на вечерѣ танцы, газеты страннымъ образомъ противорѣчатъ (такъ же, какъ и относительно числа): «Петербургскій Листокъ» увѣряетъ, что танцевъ не было, а «Новости» разсказываютъ, что публика долго «наслаждалась лихими танцами парубковъ и молодыць, наряженныхъ въ настоящія спидныци и украшенныхъ кралями и дукатами». Говоря о томъ, что вечеръ прошелъ очень удачно, кореспондентъ журнала «По морю и сушѣ» прибавляетъ, что многимъ изъ присутствовавшихъ, и молодымъ и старымъ, этотъ вечеръ напомнилъ «голубое небо Малороссіи, ея безпредѣльныя степи, утопающіе въ садахъ хутора и золотистые подсолнечники у заваленокъ бѣлыхъ хохлацкихъ хатъ...»

Открытіе памятника М. С. Щепкину. 9 мая, въ г. Суджѣ, при громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи курскаго губернатора и другихъ административныхъ должностныхъ лицъ, открытъ въ

земскомъ саду памятникъ М. С. Щепкину, воздвигнутый на средства генерала Н. Л. Маркова. Торжество открытія началось чтеніемъ Высочайшаго разрѣшенія воздвигнуть памятникъ; затѣмъ, при громкихъ кликахъ толпы, къ подножію памятника возложены были вѣнки депутатами отъ города Суджи, отъ Суджанскаго земства, отъ русскаго театральнаго общества, отъ драматическихъ труппъ Императорскихъ театровъ, отъ курскаго драматическаго кружка и отъ редакціи журнала «Театралъ». Потомъ Южинымъ-Сумбатовымъ было прочтено стихотвореніе Лаврова: «Передъ памятникомъ Щепкина», а представитель курскаго драматическаго кружка произнесъ рѣчь. Только что открытый памятникъ представляетъ изъ себя изящный бронзовый бюстъ, поставленный на пьедесталъ въ видѣ колонны изъ лабрадора, изготовленный въ мастерской Островскаго въ Кіевѣ. Подпись на памятникѣ гласитъ: «Подымать память о лучшихъ людяхъ—все тоже, что поселять въ гражданахъ любовь къ родинѣ». (Южный Край).

Положеніе вопроса объ устройствѣ музея въ Кіевѣ. По сообщенію газеты «Жизнь и Искусство», вопросъ этотъ близится къ своему разрѣшенію. Лицами, заинтересованными въ судьбахъ музея и пожертвовавшими на его устройство около 70000 рублей, въ настоящее время избрана подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева коммиссія по постройкѣ и устройству музея. Въ составъ этой коммиссіи, кромѣ вице-предсѣдателя Д. Е. Ѳедорова, избраны слѣдующія лица: членъ судебной палаты А. М. Лазаревскій, городской голова С. М. Сольскій, профессоръ университета В. Б. Антоновичъ, извѣстный собиратель памятниковъ малорусской старины В. В. Тарновскій, М. Ф. Чуйковъ, А. Н. Терещенко, В. И. Толли, В. А. Рубинштейнъ и Л. И. Бродскій. Изъ двухъ предложенныхъ городомъ мѣстъ для постройки музея коммиссія эта въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій признала болѣе удобнымъ мѣсто, прилегающее къ Александровскому парку, противъ царскаго дворца. Кромѣ того, въ этомъ же засѣданіи коммиссіей поручено одному изъ мѣстныхъ архитекторовъ составить проектъ для конкурса на составленіе плана зданія. При этомъ постройку зданія предполагается производить съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было безъ особенныхъ затратъ расширить зданіе.

Французское иллюстрированное изданіе, посвященное Россіи. Во французскихъ журналахъ появилось объявленіе о предпринятомъ съ мая иллюстрированномъ изданіи, которое посвящается Россіи. Изданіе называется: «La Russie et les russes». Оно будетъ состоять изъ

26-ти выпусковъ; каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ 16 рисунковъ, при чемъ обѣщаютъ дать виды городовъ, памятниковъ, разныхъ живописныхъ мѣстъ, жилищъ, сцены нравовъ, изображеніе мѣстныхъ праздниковъ, народныхъ костюмовъ и проч. Первый выпускъ долженъ былъ выйти въ маѣ, но въ Кіевѣ еще не получался. Въ своемъ библіографическомъ отдѣлѣ нашъ журналъ поговоритъ объ этомъ изданіи послѣ выхода тѣхъ выпусковъ, которые будутъ заключать въ себѣ свѣдѣнія и рисунки, касающіеся Малороссіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Петровъ. а) Отчетъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1895 годъ. К. 1895 г. 31 стр.

б) Коллекціи древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныя Церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи почетнымъ членомъ Церковно-археологическаго Общества при сей Академіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. А. Леопардовымъ. К. 1895 г. 82 стр.

Нельзя сказать, чтобы Церковно-археологическое Общество, состоящее при Кіевской духовной академіи, обнаружило за свое болѣе чѣмъ двадцатилѣтнее (основано въ 1872 г.) существованіе особенно продуктивную дѣятельность. Но все таки, кое-что дѣлается, главнымъ образомъ по отношенію къ надзору за мѣстными памятниками церковнаго зодчества, и для нашего края это уже составляетъ многое, такъ какъ вообще древности его въ послѣднее время остаются безъ всякаго надзора, подвергаются систематическому разграбленію и гибнутъ въ большинствѣ случаевъ для науки. Въ отчетномъ году церк. арх. об., состоявшее изъ 36 почетныхъ членовъ, 107 дѣйствительныхъ и 27 членовъ корреспондентовъ, имѣло 10 засѣданій, на которыхъ обсуждались, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: объ удлинненіи главнаго алтаря церкви Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, сооруженной въ 1745 г., и объ устройствѣ придѣла къ ней; по ходатайству Н. и Ѳ. Терещенко предъ св. Синодомъ о снятіи съ церковнаго погоста города Глухова стараго зданія Трехъ-Анастасіевской церкви, какъ остающагося безъ употребленія, за устройствомъ ими на этомъ погостѣ новой каменной церкви, а также вслѣдствіе вет-

хости его; наконецъ, давно ждущій очереди вопросъ объ охраненіи остатковъ древняго Михайловскаго храма въ селѣ Старогородкѣ, близъ г. Остра. Къ сожалѣнію, въ отчетѣ не сказано, какія послѣдствія имѣло обсужденіе этихъ вопросовъ. На тѣхъ-же засѣданіяхъ общества было прочитано нѣсколько (10) рефератовъ; отмѣтимъ сообщенія Н. И. Петрова: «Западно-русскія полемическія сочиненія второй половины XVI в.», «Объ остаткахъ древняго (XII в.) храма архистратига Михаила близъ г. Остра, черниговской губ., съ сохранившимися на алтарной стѣнѣ фресковыми изображеніями», «Мученіе св. великомученицы Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ ея, Ѳеодосія Сафоновича» и «О древней Кіево-Подольской Борисо-глѣбской церкви, замѣненной впослѣдствіи Рождество-Предтеченскою».

Отчетный годъ особенно выдается по громадному количеству предметовъ, поступившихъ въ состоящій при обществѣ Церковно-археологическій музей. Поступившіе предметы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и проч— 489; медалей, жетоновъ и монетъ—7,752; религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта—312; актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.—14; рукописей—10; старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—3; гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. п.—12. Кромѣ того, въ библіотеку музея поступило 86 книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій. Всего поступленій за 1894 г.—8,678. Громадность этой цифры объясняется тѣмъ, что, изъ общаго числа, 8420 №№ составляютъ единичное пожертвованіе почетнаго члена об. Н. А. Леопардова (о чемъ ниже); изъ пожертвованій же другихъ лицъ заслуживаютъ вниманія: куски ценины и фресокъ изъ Зарубскаго монастыря, гипсовый наличникъ окна съ разводами первой половины XVII в., найденный въ усадьбѣ Десятинной церкви; рукописное евангеліе съ записью 1623 г. изъ Сычинской церкви (Холмской епархіи), мѣдный образокъ св. Николы Можайскаго изъ Очакова, желѣзные и глиняные предметы, найденные вмѣстѣ съ золотыми эмалевыми вещами въ 1885 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Есикорскаго, ольвійскія и босфорскія монеты изъ Одессы и изъ Очакова, римскія и византійскія изъ находокъ въ кіевской и полтавской губерніяхъ, копія съ портрета Іосафа Горленка, сборникъ выписокъ 1778—1805 гг. подъ названіемъ «Quod libet» и 20 видовъ галиційскихъ церквей. Какъ видимъ, церковно-археологическій музей все больше и больше разростается; уже теперь онъ представляетъ изъ

себя по богатству содержанія одно изъ наиболѣе выдающихся учрежденій такого рода. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ одного обстоятельства: среди жертвователей очень слабо представленъ элементъ мѣстнаго, особенно сельскаго, духовенства; еще и до сихъ поръ въ церквяхъ хранится много вышедшихъ изъ употребленія имѣющихъ археологическій интересъ различныхъ церковныхъ предметовъ; благодаря тому, что священники мало освѣдомлены о научномъ ихъ значеніи, предметы эти, не смотря на запрещенія духовныхъ властей, или уничтожаются, или получаютъ ненадлежащее назначеніе, попадая въ руки торговцовъ (на что было обращено вниманіе и въ печати). Намъ кажется, что болѣе широкое распространеніе среди сельскаго духовенства свѣдѣній о цѣнахъ и задачахъ общества и музея (хотя бы въ формѣ указаній, что именно желательно собрать въ музеѣ) привлекло бы къ нимъ новыя силы, увеличило бы численность и полноту коллекціи. Чтобы показать, насколько и теперь уже богатъ музей, приведемъ общіе итоги. *По музею*: церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п.—2,922; памятниковъ *не церковныхъ—33,634*; фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ досокъ, гравюръ, чертежей и т. п.—3,292; актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.—1,461; рукописей—1,054; старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—1,038. *По библіотекѣ музея* періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ—1,783. Всего—35,184, число, краснорѣчиво говорящее само за себя. Среди приведенныхъ цифръ обращаетъ на себя вниманіе количество памятниковъ не церковныхъ; этотъ фактъ наглядно показываетъ, какъ необходимо въ Кіевѣ устройство историческаго музея, гдѣ бы такого рода предметы могли найти себѣ мѣсто.

О коллекціяхъ г. Леопардова, переданныхъ въ церк.-арх. музей, уже была замѣтка на страницахъ «Кіевск. Стар.» [1]), а потому много говорить о ней мы не будемъ. Значеніе ея для мѣстнаго края обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе предметы пріобрѣтались въ Кіевѣ изъ находокъ въ самомъ Кіевѣ, а также въ кіевской и сосѣднихъ губерніяхъ. Брошюра г. Петрова, заголовокъ которой мы выше выписали, представляетъ изъ себя подробный каталогъ коллекціи съ обозначеніемъ стоимости предметовъ; если и нужно признать, что оцѣнка въ нѣкоторыхъ (довольно частыхъ) случаяхъ преувеличена, то, не смотря на это, даръ г. Леопардова и въ мате-

---

[1]) 1894 г., № 3.

ріальномъ отношеніи составляетъ большую цѣнность. Центръ коллекціи—собраніе крестовъ и образовъ; «представляя полную картину историческаго развитія этого рода памятниковъ въ Россіи отъ начала христіанства въ ней и до настоящаго времени, этотъ отдѣлъ коллекціи г. Леопардова особенно интересенъ по тѣмъ немалочисленнымъ представителямъ своимъ, которые носятъ на себѣ несомнѣнную печать византійскаго производства, или же сдѣланы русскими мастерами въ великокняжескую эпоху южно-русской исторіи» (стр. 3).

Очень полно также собраніе монетъ, между которыми есть рѣдкіе экземпляры монетъ великаго княжества кіевскаго; къ той же эпохѣ относится небольшой сравнительно подборъ предметовъ домашняго и военнаго быта, очень характерныхъ для нашего края; заслуживаютъ также вниманія предметы болѣе раннихъ вѣковъ—каменнаго и бронзоваго, представляющіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходные образцы орудій этихъ эпохъ.

Судьбу колекціи г. Леопардова, среди другихъ частныхъ коллекцій, можно считать одной изъ наиболѣе счастливыхъ. Благодаря тому, что владѣльцемъ ея сознавались тотъ общій интересъ и польза, какіе представляетъ его собраніе, имъ было, прежде всего, предпринято изданіе болѣе выдающихся предметовъ коллекціи; такимъ образомъ, явилось 6 выпусковъ «сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ»,—изданіе если и не всегда удовлетворительное по тексту (что мы отмѣтили въ свое время), то, съ другой стороны, давшее массу точныхъ снимковъ, сохранившихъ предметы для изслѣдованія на тотъ случай, если бы они погибли. Не довольствуясь этимъ, г. Леопардовъ передалъ и все собраніе, стоившее ему и труда, и большихъ матеріальныхъ издержекъ, въ учрежденіе, гдѣ, онъ знаетъ, собраніе его будетъ гарантировано отъ всякихъ случайностей. Мы можемъ только высказать пожеланіе, чтобы и другіе собиратели послѣдовали примѣру г. Леопардова.

Н. Б.

А. А. Тилло. Проникаютъ-ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи? Изв. Имп. Академіи Наукъ. 1895, № 4, стр. 347—352.

Въ 1889 году ген. Тилло издалъ гипсометрическую карту Европейской Россіи (60 верстъ въ дюймѣ), явившуюся плодомъ многолѣтней тщательной работы автора по орографіи Россіи и кореннымъ

образомъ измѣнившую понятія, господствовавшія до того времени объ устройствѣ поверхности нашей страны. Этой картой прежде всего устанавливалось, что такъ называемыя Урало-Балтійская и Урало-Карпатская возвышенности, будто-бы тянущіяся съ востока на западъ по Европейской Россіи, на самомъ дѣлѣ должны быть замѣнены возвышенностями *Средне-Русскою* и *Приволжскою,* идущими съ сѣвера на югъ и расчленяющими въ этомъ направленіи внутренность Европейской Россіи [1]). Отчасти вслѣдствіе небольшого масштаба карты, отчасти — недостаточности матеріала по гипсометріи, автору пришлось воздержаться отъ разсмотрѣнія возвышенностей, пролегающихъ по окраинамъ Европейской Россіи.

Тотчасъ-же по опубликованіи своей первой гипсометрической карты, А. А. Тилло приступилъ къ составленію новой, въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ, главнымъ образомъ съ цѣлью выясненія связи орографическаго строенія Европейской Россіи съ прилегающими сосѣдними частями Германіи, Австро-Венгріи и Румыніи. Западною границею этой новой карты взяты приблизительно меридіаны Вѣны и Берлина; въ область ея вошли такимъ образомъ Бескиды и Татры, что даетъ возможность обозрѣть въ совокупности связь всей Карпатской системы съ Европейской Россіей. Нынѣ отпечатанъ юго-западный листъ карты, заключающій въ себѣ между прочимъ Карпаты, и потому авторъ считаетъ нужнымъ заняться вопросомъ, поставленнымъ въ заглавіи его изслѣдованія.

Авторъ указываетъ, что въ самыхъ лучшихъ русскихъ географическихъ руководствахъ, словаряхъ и учебникахъ до сихъ поръ господствуетъ терминологія, основанная на положительномъ рѣшеніи этого вопроса. Въ положительномъ смыслѣ говорилъ о немъ и авторъ еще при изданіи своей первой гипсометрической карты, не имѣя возможности тогда заняться имъ критически.

Вопросъ этотъ однако уже давно рѣшался русскими геологами отрицательно. Покойный проф. Барботъ-де-Марни въ 1867 г. первый высказался совершенно опредѣлительно, «что мнѣніе о продолженіи отраслей карпатскихъ горъ въ предѣлы губерній волынской и подольской не имѣетъ никакого основанія» [2]). Затѣмъ въ статьѣ академика

[1]) Статья А. А. Тилло, служащая объясненіемъ къ картѣ, подъ заглавіемъ „Орографія Европейской Россіи на основаніи гипсометрической карты“, напечатана въ Изв. Русск. Географ. Общ. т. XXVI, в. І-й, стр. 8—32, а также въ изданіи „VIII съѣздъ Русскихъ Ест. и Врачей“ 1890.

[2]) „Отчетъ о поѣздкѣ въ Галицію, Волынь и Подолію“ Юбилейный Сбор. Имп. Минералогическаго Общества. 1867.

Карпинскаго «Замѣчанія о дислокаціи породъ въ южной половинѣ Европейской Россіи» [1]), также приведено много существенныхъ данныхъ, служащихъ для подтвержденія и развитія взгляда Барботъ-де-Марни. Съ другой стороны, по самымъ достовѣрнымъ и авторитетнымъ источникамъ западно-европейскихъ ученыхъ отроги Карпатъ не доходятъ до границъ Европейской Россіи, такъ какъ въ Галиціи они кончаются у города Ярославля, а въ Румыніи—не достигая праваго берега рѣки Серета.

Разсмотрѣніе юго-западнаго листа новой гипсометрической карты А. А. Тилло, на которомъ находятся Карпаты и прилегающая къ нимъ полоса земель къ сѣверу и востоку, укрѣпляетъ тотъ взглядъ, что отроги Карпатъ не переходятъ ни въ Привислинскія губерніи Царства Польскаго, ни въ предѣлы губерній волынской, подольской и бессарабской.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы совмѣстными усиліями геодезистовъ и геологовъ была создана дѣйствительная орографія Европейской Россіи, соотвѣтствующая тѣсной связи между геологическимъ строеніемъ и рельефомъ поверхности.

П. А.

Новыя народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя.

Въ январьской книгѣ «Кіевской Старины» за 1894 годъ мы говорили о народныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ повѣстей Н. В. Гоголя, по поводу изданной А. Ф. Марксомъ повѣсти «Тарасъ Бульба» съ рисунками Зичи, Штейна и Котляревскаго. Послѣ того, въ теченіе прошлаго и настоящаго года, Марксъ выпустилъ народныя иллюстрированныя изданія слѣдующихъ повѣстей Гоголя изъ малорусскаго быта: 1) Сорочинская ярмарка, съ 37 рисунками И. Храброва (цѣна 20 коп.),—2) Вій, съ 38 рисунками Р. Штейна (ц. 25 коп.),—3) Майская ночь или утопленница, съ 31 рисункомъ И. Храброва (ц. 20 коп.),—4) Страшная месть, съ 37 рисунками Р. Штейна (ц. 25 коп.),—5) Пропавшая грамота, съ 12 рисунками Р. Штейна (ц. 15 коп.),—6) Ночь передъ Рождествомъ, съ 46 рисунками И. Храброва (ц. 30 коп.), 7) Заколдованное мѣсто, съ 14 рисунками И.

---

[1]) Горный журналъ. 1883.

Храброва и виньеткою Р. Штейна (ц. 15 коп.) и 8) Старосвѣтскіе помѣщики, съ 50 рисунками Павла Соколова (ц. 25 коп.).

Всѣ эти книжечки изданы въ такомъ же форматѣ и отличаются такими же внѣшними качествами, какъ изданіе «Тараса Бульбы», о которомъ мы говорили, и такъ-же, какъ послѣднее, гораздо изящнѣе вышедшихъ изъ продажи изданій наслѣдника братьевъ Салаевыхъ В. Думнова. Изъ трехъ рисовальщиковъ, которымъ принадлежатъ рисунки, хотя фамилія И. Храброва не извѣстна, но рисунки его, имѣя свои недостатки, все таки болѣе типичны и тщательнѣе исполнены, чѣмъ рисунки извѣстныхъ П. Соколова и Р. Штейна.

Н. Ш.

Выставка древностей въ Археологической Коммиссіи въ Петербургѣ.

Древности, поступающія въ Археологическую Коммиссію путемъ раскопокъ и посредствомъ покупки, ежегодно представляются ею на возрѣніе Государя Императора. Изъ печатнаго описанія выставки за 1894 годъ, видно, что на ней находится не мало выдающихся по своему значенію древностей изъ разныхъ мѣстностей Юга Россіи, который и до сихъ поръ представляетъ неистощимый источникъ для археологическихъ пріобрѣтеній; украшеніемъ выставки являются вещи изъ керченскихъ катакомбъ, шиферная икона изъ Херсонеса, кладъ золотыхъ греческихъ монетъ изъ гор. Рени и керченскій мраморный левъ; заслуживаютъ также вниманія литейныя формочки и другія древности изъ Кіева, коллекція поливныхъ блюдъ изъ Херсонеса, коллекція армянскихъ вещей изъ Бердянска, древности изъ могильника въ с. Покровскомъ, купянскаго у. харьков. губ., изъ кургановъ могилевской и виленской губ. Въ описи читатель найдетъ и краткое описаніе обстановки, при какой найдены вещи, и опредѣленіе этихъ послѣднихъ. Кстати замѣтимъ, что случаи нахожденія монетъ въ греческихъ могилахъ Ольвіи, показавшіеся составителю описанія почему-то «любопытными», на дѣлѣ—фактъ весьма обыкновенный.

Предполагаемое изданіе альбома писанокъ.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской заключаетъ въ себѣ около 1500 экземпляровъ писанокъ изъ губерній воронежской, курской,

полтавской, кіевской, волынской, минской, подольской и гродненской. Сколько извѣстно, это—самое обширное собраніе писанокъ въ Россіи. Недавно завѣдующій музеемъ, С. К. Кулжинскій, напечаталъ въ Кіевѣ программу для собиранія свѣдѣній о писанкахъ, изъ которой мы узнаемъ, что названнымъ музеемъ предположено изданіе большого альбома писанокъ въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ, при чемъ могутъ быть напечатаны рисунки писанокъ и другихъ коллекцій, особенно изъ такихъ мѣстъ, откуда писанокъ въ лубенскомъ музеѣ не имѣется, какъ то—изъ губерній бессарабской, херсонской, екатеринославской, харьковской, черниговской и др. Намъ извѣстно, что управленіе музея получило уже съ этою цѣлью собраніе рисунковъ изъ подольской и изъ херсонской губерній. Признавая большую важность этого предпріятія для изученія народнаго южно-русскаго орнамента, для чего у насъ почти ничего еще не сдѣлано, пожелаемъ, чтобы собиратели писанокъ оказали Лубенскому музею возможное содѣйствіе высылкою самихъ писанокъ или рисунковъ ихъ, съ обозначеніемъ мѣстнаго названія узора и мѣста происхожденія каждой. Въ вопросѣ о происхожденіи узоровъ весьма важно, чтобы предположенный альбомъ достигъ возможной полноты по части географическаго распространенія ихъ, а для этого необходимы рисунки и свѣдѣнія изъ недостающихъ губерній. Совѣтуемъ собирателямъ писанокъ не упустить этого случая, потому что другой врядъ ли скоро представится.

Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторіи уніи. Соч. свящ. Стефана Недѣльскаго. (Изъ Литов. Епарх. Вѣд.) Вильна. 1894. in—8. 317 стр.

Въ началѣ XVIII в. среди западно-русскихъ уніатовъ замѣчается два теченія: одно въ сторону слiянія съ церковью римско-католической, другое въ пользу сохраненія особенностей восточной церкви, отличавшихъ унію отъ католицизма. Представителями перваго направленія были монахи-базиліане, второму сочувствовали народъ, бѣлое духовенство и отчасти іерархи. Силы были неравны: базиліане, сильные своею сплоченностью, образованіемъ, матеріальными средствами и покровительствомъ Рима и въ значительной степени польскаго правительства, должны были, конечно, одержать верхъ надъ невѣжественной и забитой массой и почти столь же невѣжествен-

нымъ и забитымъ бѣлымъ духовенствомъ. Но на сторону послѣднихъ становится высшая іерархія, стремившаяся подчинить себѣ базиліанскій орденъ, который успѣлъ создать себѣ почти независимое положеніе. Виднымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ между іерархіей и базиліанами, является Левъ Кишка (род. 1668, ум. 1728 г.). Воспитанный базиліанами, занимавшій должность протоархимандрита ордена, выдвинутый, наконецъ, базиліанами на высшія мѣста въ уніатской церкви—епископа Владимірскаго и затѣмъ митрополита всея Руси, Кишка рѣзко мѣняетъ фронтъ и изъ ревностнаго защитника ордена становится его врагомъ, стремится подчинить его митрополичьей власти и въ то же время заботится о сохраненіи особенностей уніатской церкви, о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня бѣлаго духовенства.

Этой то интересной личности и посвящена книга о. Недѣльскаго. Авторъ говоритъ о происхожденіи и воспитаніи Кишки, даетъ краткій очеркъ исторіи базиліанскаго ордена, разсматриваетъ дѣятельность Кишки, какъ профессора Владимірской базиліанской семинаріи, викарія и суперіора Виленскаго Свято-Троицкаго и суперіора Полоцкаго Борисо-Глѣбскаго монастырей, протоархимандрита базиліанскаго ордена, епископа Владимірскаго и, наконецъ, митрополита. Особыя главы посвящены очерку состоянія уніатской церкви и православія въ зап. Россіи въ к. XVII и нач. XVIII вв., дѣятельности Замойскаго собора и обзору литературныхъ трудовъ Кишки и изданныхъ имъ церковно-богослужебныхъ и церковно-практическихъ книгъ.

Свѣдѣнія о происхожденіи и раннихъ годахъ жизни Льва Кишки очень скудны, и авторъ пополняетъ эти свѣдѣнія своими предположеніями большею частью мало обоснованными. Авторъ не имѣлъ подъ руками и многихъ изъ сочиненій Кишки и говоритъ, напр., объ его трудѣ «Morze łask, o cudach Nayswiętszey Panny Borunskiey» только на основаніи рукописныхъ записей о чудесахъ Борунской иконы Божіей матери, записей, которыя послужили источникомъ для книги Кишки. Объясненіе авторомъ измѣненія въ отношеніяхъ Кишки къ базиліанамъ послѣ занятія митрополичьей каѳедры представляется натянутымъ. Авторъ приписываетъ эту перемѣну занятіямъ Кишки біографіей своего знаменитаго предшественника Ипатія Поцѣя, которыя показали ему, какъ далеко ушла современная уніатская церковь отъ идеала Поцѣя. Не проще ли искать объясненія въ естественномъ антагонизмѣ между митрополитами, хлопотавшими о подчи-

ненія ордена своей власти, и базиліанами, которые хотѣли не только сохранить свою автономію, но и распространить свое вліяніе на сферу дѣятельности самого митрополита? К.

Е. І. Сѣцинскій, свящ. Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческое описаніе. Съ 4-мя фототипіями и 20 гравюрами и цинкографіями. Изд. на средства Каменецкаго городскаго управленія (Кіевъ, 1895). Стр. VIII+247. Ц. 2 р.

Настоящее изданіе посвящено памяти исполнившагося въ 1893 г. столѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи. Авторъ изслѣдованія о. Сѣцинскій, редакторъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, извѣстенъ въ исторической литературѣ цѣнными изысканіями главнымъ образомъ въ области мѣстной церковной археологіи.

Мысль, руководившую авторомъ и издателями, нельзя не признать удачною. Въ русской литературѣ до настоящаго времени не было сколько-нибудь полнаго и систематическаго обозрѣнія исторіи г. Каменца; между тѣмъ, въ исторіи этого города есть немало любопытныхъ и поучительныхъ страницъ, заслуживающихъ вниманія людей мыслящихъ. Автору предстояла нелегкая задача пересмотрѣть и свести воедино результаты разрозненныхъ и нерѣдко случайныхъ изученій, разбросанныхъ какъ въ русской, такъ, главнымъ образомъ, въ польской исторической литературѣ, и систематизировать этотъ матеріалъ, чтобы дать читателю болѣе или менѣе наглядное понятіе о судьбахъ древняго укрѣпленнаго пункта, къ которому на протяженіи ряда вѣковъ тяготѣла обширная область съ богатымъ историческимъ прошлымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всестороннее освѣщеніе исторіи Каменца еще невозможно, такъ какъ для этого потребуется длинный рядъ изученій архивнаго матеріала, далеко еще неразработаннаго и даже не имѣющагося въ Каменцѣ. Такъ напр., изученіе каменецкихъ оффиціальныхъ книгъ XVI и сл. вѣковъ, хранящихся нынѣ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, могло-бы выяснить много неизвѣстныхъ еще подробностей внутренней жизни городской общины и въ частности—общины армянской, но и тутъ пришлось-бы обратиться за дальнѣйшими справками въ столичныя книгохранилища. Г. Сѣцинскій вовсе и не задается такими широкими цѣлями, преслѣдованіе которыхъ физически невозможно для провинціальнаго изслѣдователя старины. Ближайшая задача его—свести то, что сдѣлано прежними изыскателями,

освѣтить частные факты городской жизни общими свѣдѣніями изъ жизни мѣстнаго края и обратить должное вниманіе на мѣстные историческіе памятники.

Людей, горькимъ опытомъ научившихся съ недовѣріемъ встрѣчать т. наз. юбилейныя изданія ожидаетъ пріятное разочарованіе при чтеніи книги г. Сѣцинскаго. Съ великимъ тщаніемъ авторъ собралъ въ своемъ трудѣ все, что можно было извлечь изъ прежнихъ изслѣдованій и опубликованныхъ документовъ, критически разработалъ этотъ разнообразный и нерѣдко сомнительный матеріалъ и далъ читателю картину живую, поучительную и довольно полную, безъ насильственнаго затемненія фона и безъ идиллическихъ прикрасъ, столь свойственныхъ большинству юбилейныхъ изданій. Не ограничиваясь печатными изданіями, изслѣдователь ознакомился также съ архивными дѣлами мѣстной городской думы и внесъ въ книгу нѣсколько любопытныхъ подробностей на основаніи добытой частнымъ путемъ переписки прежнихъ дѣятелей. Если къ этому прибавить, что къ книгѣ приложено немало снимковъ, удовлетворительно исполненныхъ фотографіей С. В. Кульженка въ Кіевѣ, то станетъ понятнымъ, почему трудъ г. Сѣцинскаго долженъ быть признанъ выдающимся явленіемъ въ текущей исторической литературѣ. Для ученой разработки исторіи онъ облегчитъ справки, для обычнаго чтенія дастъ матеріалъ поучительный и интересный въ лучшемъ смыслѣ слова.

Первыя пять главъ сочиненія г. Сѣцинскаго посвящены общему историческому очерку внѣшнихъ событій въ жизни Каменца съ XIV в. (стр. 1—82), т. е. исторію литовскаго, польскаго, турецкаго, снова польскаго и затѣмъ русскаго занятія. Изложеніе автора выгодно отличается отсутствіемъ мелкихъ подробностей и стремленіемъ поставить исторію города въ связь съ общимъ ходомъ событій въ краѣ. Знакомство съ литературой предмета и умѣлое пользованіе ею, столь рѣдко встрѣчаемое въ изданіяхъ, разсчитанныхъ на широкую публику, лишаютъ эту часть труда г. Сѣцинскаго характера обыкновенной компиляціи, обнаруживая въ авторѣ писателя вдумчиваго и умѣлаго. Должно пожалѣть лишь, что копія плана Каменца 1672 г., изданнаго Тшебицкимъ, перепечатана изъ «Подоліи» П. Н. Батюшкова, а не извлечена хотя-бы изъ соч. К. Гурскаго, гдѣ планъ этотъ выполненъ безъ прикрасъ и съ сохраненіемъ латинскихъ подписей. Нѣсколько нелишенныхъ интереса подробностей объ осадѣ Каменца въ 1672 г. могъ-бы извлечь авторъ изъ соч. Ѳ. Стерналя «Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi» (Lwów, 1890).

Дальнѣйшія шесть главъ труда г. Сѣцинскаго даютъ болѣе подробное обозрѣніе внутренней жизни Каменца. Тутъ разсмотрѣны исторія каменецкой крѣпости, церковно-религіозной жизни (православіе, католицизмъ, армяно-григоріане), просвѣтительныхъ учрежденій города, русской, польской и армянской общинъ и наконецъ торговли городской, въ связи съ ростомъ населенія и застройки города до послѣдняго времени. При составленіи этихъ детальныхъ экскурсовъ требовалась масса кропотливаго труда, и если тѣмъ не менѣе въ изложеніи замѣтны нѣкоторые пробѣлы, то вина тому въ недостаточности изслѣдованнаго матеріала, а не въ недостаткѣ вниманія со стороны автора. Весьма любопытно, что собственно для XIX в. книга г. Сѣцинскаго даетъ весьма немного, если исключить перечисленіе именъ и описаніе зданій и другихъ сооруженій, но мы далеки отъ мысли винить въ томъ автора: исторія новѣйшихъ мѣстныхъ учежденій края вообще покрыта мракомъ забвенія, ея почти не коснулась еще исторія, и систематическое обозрѣніе судебъ города не можетъ заполнить этого пробѣла, для чего потребуется детальное изученіе по архивнымъ матеріаламъ. Кажется намъ, что такое изученіе не только полезно, но просто необходимо: въ противномъ случаѣ, историки будутъ фатально обречены на печальную необходимость обрывать свое изложеніе раздѣломъ Рѣчи Посполитой и въ дальнѣйшемъ ограничиваться голой номенклатурой учрежденій и именъ, мало говорящею уму и сердцу читателя.

Съ внѣшней стороны изданіе каменецкой думы производитъ пріятное впечатлѣніе.

Н. М.

ОПЕЧАТКИ:

Въ майской книжкѣ „Кіевск. Ст.“ за текущій годъ въ отд. библіографіи, на стр. 51, строка 3 сверху ***напечатано:*** *1893 годъ.* ***Слѣдуетъ читать:*** *1894 годъ.*

Въ ст. Н. Ѳ. Сумцова „Современная малорусс. этнографія“ на стр. 188 строка 11 сверху ***напечатано:*** **Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ;** ***слѣдуетъ читать:*** **Древній мудрецъ** ***зажегъ фонарь и искалъ подлиннаго человѣка. Новый нашъ*** **мудрецъ, Викторъ Ивановичъ и пр.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895. г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Програмы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ). Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ. В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Ѳ. Катановъ.*

Члены редакціоннаго комитета:

И. Н. Смирновъ.

Ѳ. Г. Мищенко.

2—3

Отъ Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Въ текущемъ году предстоитъ первое присужденіе преміи по антропологіи и этнографіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденной при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ память международныхъ конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи, бывшихъ въ Москвѣ въ 1892 г.

Премія по этнографіи выдается:

а) за самостоятельныя научныя монографическія изслѣдованія по духовному и матеріальному быту славянскаго и инородческаго населенія Россіи;

б) за научные этнографическіе труды руководящаго и методологическаго характера, какъ-то: учебники и руководства по этнографіи Россіи, научно-разработанныя этнографическія программы, систематическіе обзоры этнографической литературы по отдѣльнымъ племенамъ и народностямъ Россіи и славянскихъ земель, этнографическія карты и картограммы;

в) за собранія новыхъ матеріаловъ по духовному быту русскаго и инородческаго населенія Россіи (тексты по народной словесности, образцы народной музыки, описанія семейныхъ и другихъ обычаевъ, вѣрованій, и т. д.), приготовленныя къ научному изданію, а также за систематическія и болѣе полныя коллекціи предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ населенія Россіи.

Премія выдается въ видѣ денежной суммы (около 100 р.) или медали.

Срокъ для представленія сочиненій и матеріаловъ на соисканіе преміи—15 мая, а для представленія коллекцій—не позднѣе 1 сентября. Премія присуждается въ годичномъ торжественномъ засѣданіи Общества 15 октября, и о присужденіи ея публикуется въ столичныхъ газетахъ.

Въ случаѣ неприсужденія преміи въ текущемъ году, за Отдѣломъ сохраняется право выдачи ея въ будущемъ году.

Сочиненія и труды могутъ быть представляемы, какъ рукописные, такъ и печатные, вышедшіе однако-же не ранѣе, какъ за годъ до выдачи преміи, и еще не получившіе награды въ той или другой формѣ. Представленные труды и сочиненія должны быть на русскомъ языкѣ.

Предсѣдатель отдѣла *Вс. Миллеръ.*

Секретарь *Н. Янчукъ.*

Адресъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: *Москва, Политехническій Музей.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLIX, 1895 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

на. е) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ XVI. Орогидрографія, геологія, почвы, климатъ и флора полтавской губерніи. Съ гипсометрической и почвенной картами. **П. А.** ж) Al. Czechowski. Samuel's von Skrzypna Twardowski «Wojna domowa». Doctordissertation. **Н. М.** з) Русскіе народы. Наброски перомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Часть I. (Выпуски 1—3). Европейская Россія. **В. Я.** и) Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада (Софіевки). В. Иващенка. Кіевъ. 1895. 8-о. 57 стр., съ 2-мя портретами, 4-мя рисунками, однимъ планомъ и однимъ снимкомъ съ рукоп. і) Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четвертъ XVII в. Виталія Эйнгорна. к) Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи. (1795—1895). Составилъ свящ. П. Викулъ. л) Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (могилевскаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Н. Чарнецкаго. м) Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. **А. Л.** н) Н. И. Петровъ а) Отчетъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1895 годъ. б) Коллекціи древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныя Церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи почетнымъ членомъ Церьковно-археологическаго Общества при сей Академіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. А. Леопардовымъ. **Н. Б.** о) А. А. Тилло. Проникаютъ ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи? Изв. Имп. Академіи Наукъ. **П А** п) Новыя народныя иллюстрированныя изданіе повѣстей Н. В. Гоголя. **Н. Ш.** р) Выставка древностей въ Археологической Коммиссіи въ Петербургѣ. с) Предполагаемое изданіе альбома писанокъ. т) Униатскій митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторіи уніи. Соч. свящ. Стефана Недѣльскаго. (Изъ Литов. Епарх. Вѣд). **К.** у) Е. I. Сѣцинскій, свящ. Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческое описаніе. Съ 4-мя фототипіями и

Понеделокъ. 14. День былъ зранку велми хорошій, передъ полднемъ дожчъ тихій, посля хмарно и вѣтряно, и къ вечеру холодно отъ полунощного вѣтру. Ночь тиха, свѣтла и холодновата. До хоружого енер. Якима въ дѣлѣ брата п. Семена сватебномъ писалъ отъ род., чтобъ не бить сватанню. Обѣдалисмо всѣ тутъ въ Короваяхъ. По обѣдѣ родитель поехалъ зъ родителкою, изъ сестрою Олесею и братами Лукою и Іваномъ въ Роменъ, а мы обое, братъ п. Семенъ, швакгеръ Троцкій и Несторовичъ и п. прилуцкая тутъ въ Короваяхъ ночовали От старости сухоносовского получилемъ писмо, что купилъ онъ воловъ 28 по 13 р. безъ 20 к., и отвѣтъ написалемъ къ нему, чтобъ виправу въ Gданскъ споражать, а ему бить у четверъ сей въ Кривую Руду.

Вовтор. 15. День былъ теплій, почасти свѣтлій, а почасти похмурній, ночъ холодна зъ дождемъ. Рано простившись мы зъ братомъ п. Семеномъ, швакгромъ п. Якимомъ, поехалемъ до Перервинецъ, а пріехавши обѣдали, а съ нами Несторовичъ и тіотка Константинова, сестра покойници Урсалки. По обѣдѣ ездилисмо зъ Несторовичемъ въ степъ оглядовать жилиной стѣнки, Савѣцкому проданной писареви, и видѣли тамъ окопъ и свѣжѣйшій за...

Середа. 16. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтромъ, а потомъ къ вечеру холоденъ, ночъ такъже погодна, а хмурна, вѣтеръ полунощний. Старосту перервинского щиталисмо зъ п. Несторовичемъ и показалось на лице денегъ 19 р. и 4 а., зъ которихъ казалемъ 15 р. на сѣно обернуть, а остатокъ на дворовіе нужди, и приказъ ему далемъ въ 10 пунктахъ. Жена его старостина сина родила Івана. Обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ оставили въ Перервинцяхъ еждж алихъ коней 9, цукъ воронихъ, лисихъ 2, да каштана верхового и виехали въ путь, а проехавши Бѣлоусовку, ночовали у футорця Сухомузкого, где и волкъ пробѣгъ чрезъ греблю и поузъ насъ. Росходъ перер. стар. (на харчъ: жита 34 четвер. и 8 мѣрокъ, гречки 10 чет., проса 12 чет., на собаки овса 16 четвер., ячменю 1 чет., на свинѣ жита чет. 4, ячмен. чет. 24, на дробину овса 39 четвер.), денегъ 60 р.

Четвер. 17. День былъ вѣтренъ, похмуренъ и дожчеватъ, ночъ зъ жестокимъ вѣтромъ холоднимъ и дожчемъ, дожчъ перенялся, а вѣтеръ не пересталъ до свѣта. Рано поехавши отъ ночлѣга, уехали миль зъ 2 и пріехавши въ село Денисовку, стали у Константія и обѣдали. А по обѣдѣ уехали миль зъ полтретѣ до перевозу Горошинского, отъ перевозу до Горошина верстъ 6, отъ Горошина пріехали до футора Криворудского за 2 часа, дорога худа. Четверній конь гнѣдій старій при перевозѣ здохъ.

Пятокъ. 18. День увесь былъ зъ жестокимъ вѣтромъ полуношнимъ, а зъ ранку и дожчевато; ночъ погодна отчасти и холодновата. Ищисляли зде у футорѣ товаръ и овци, о чомъ особливая имѣется вѣдомость.

Субота. 19. День былъ погодній зъ вѣтромъ, отчасти холоднимъ, ночъ тиха, свѣтла и холодна. Несторовичеви подарилемъ коровъ 2, одну зъ телямъ, а другую яловую, зъ родителскихъ жостерскихъ дарованнихъ, и 20 овецъ дойнихъ. Вѣдомости о товарѣ и овцахъ спорадивши, дали Личмаку и коровнику. Пообѣдавши у футорѣ, віехали зъ футора Криворудского, уехавши миль около 4-хъ, ночовали подъ Березняками.

Неделя. 20. День былъ сперва свѣтлій и тихій, потомъ мало хмаренъ вѣтрянъ и холодноватъ. Ночъ свѣтла тепла и тиха. Отъ ночлѣгу уехалисмо зъ милю и обѣдали не доеджая млинка Петра Кулябки, а по обѣдѣ пріехали въ Лубнѣ, отстоящіе отъ Лукомля въ 26 верстахъ, и стали на квартирѣ у швакгра п. Троцкого. У вечеру ходили мы обое зъ женою до п. Петра Кулябки, где вечерали и просидѣли долго въ ночъ.

Понедел. 21. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ свѣтла, вѣтряна и холодновата. П. Якиму швакгру далемъ денги заплатить въ аптеку за прежніе лѣкарства 1 р. 84 копѣйки, за мѣючіе взятись, на что и рецептъ далемъ; 1 р. 77 коп., а особливо 5 таляр. бит. на заплатку зъ 10 хемсовихъ(?) пожитковъ налога, двохъ оконъ зеленихъ, 6 паръ чашовъ фарфуровихъ, спалнѣ на голову лазебной и книги именуемой Animadversines in pharanabaparsiam (?) Да о колясцѣ и спалнѣ его жъ написалемъ цену 30 р.,

чтобъ оніе купить. Былъ у насъ намѣсникъ мгарскій зъ рибою и питтемъ; обослалъ такъ же насъ рибою жъ и питтемъ Петро Кулябка. Пообѣдавши у сватовой нашей п. Троцкой, поехалисмо дорогою пѣратинскою, степомъ, до села Оробіовъ, отъ Лубенъ въ 3-хъ миляхъ добрихъ, где переехавши греблю черезъ Удай стали на ночлѣгъ, куда приходилъ попъ оробіовскій отецъ Андрей и вечералъ у насъ.

Вовтор. 22. День былъ свѣтлій сперва, да толко велми вѣтрянъ, потомъ хмаремъ зъ громомъ и дожчемъ малимъ, ночъ хмарна и тиха. Поехалисмо зъ Несторовичемъ до Курѣнки, въ милю отъ Оробіовъ отстоящую, где оглядали на греблѣ тамошней имѣющейся плѣни родителской зъ 3 колами и своего кола, которое велѣлемъ пристроити на старомъ мѣстѣ. Оттуда поехавши, заехали до Григорія шафара и оттоль ехали до Сухоносовки год. 2, около 2-хъ миль, и пріехали на обѣдъ въ Сухоносовку, где и обѣдали. Тутъ, въ Сухоносовцѣ, отъ Алексѣйця, пріехавшаго зъ Миколаемъ крисковскимъ, получилемъ зъ Глухова писмо отъ господара, Клима, стар. крисков., сестри Уляни Івановни зъ Москви и брата п. Михайла Скор.

Середа. 23. День былъ похмурній зъ дожчемъ, да тихій и теплій, такова жъ и ночъ. Посѣщалъ насъ рано намѣсникъ Красногорскаго монастыря Даніилъ Штапулскій и просилъ къ себѣ въ монастыръ на завтрейшій праздникъ, куда мы по обѣдѣ поехали и пріехавши стали въ маліованнихъ келіяхъ.

Чотвер. 24. День былъ похмурній и теплій, ночъ зъ болшимъ дожчемъ тихимъ. По набоженствѣ обѣдалисмо тутъ, жена особливо, а я въ трапезѣ, и со мною Петровскій старий и Григорашъ шаргор. Пообѣдавши, поехали и пріехали въ Сухоносовку. Тутъ, въ Сухоносовцѣ, у Івана Сулими, козака чорнуской сотнѣ, жителя Ковалювъ, купилемъ степокъ за 15 р. и далемъ ему 7 р., а онъ писмо.

Пятокъ. 25. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ свѣтла, тиха и ядерна. Посѣщалъ насъ рано отецъ Ѳома Збриский, протопопъ пѣратинскій, а мы простившись съ нимъ, віехали зъ

Сухоносовки и переехавши село Позники, стали на степу, у футора Милорадовичевого, на обѣдъ, откуду зъ Несторовичемъ ездилемъ купленного осматривать степку. Старостѣ сухоносов. Омеляну далемъ приказъ другій въ 13 пунктахъ, которого копія зде, а именно: о исправки реестровъ, о содержаніи писемъ моихъ, о виборѣ ктитора, о млину куренскомъ, о куплѣ степку, о прибавкѣ возовъ воловихъ, о винницѣ, о млинку вѣтряномъ, олѣяхъ орѣх. и конопляной, о гор. въ Перервинцахъ, о найму винника на карбъ, о присилкѣ воску, шкуръ и вовни. Поехавши оттоль, пріехали въ Лохвицю до п. Павловой тіотки рано еще и позабавивши у еи зъ годину, отехали и пріехали на ночъ въ село Токарѣ, где и ночовалисмо.

Субота. 26. День былъ и ночъ сходніе весма противъ вчерайшихъ. Рано поехалисмо зъ Токаровъ и пріехали на обѣдъ въ футоръ нашъ Гамалѣевскій, где и заночовали. Пчоли осмотривали, оба мы зъ Несторовичемъ, где 20 роевъ новихъ стало. Стадника куцупѣевского за коня Несторовичего зсадненного вибыть.

Неделя. 27. День и ночъ такіе, якъ и вчорайшіе. Виправленъ въ Gданскъ зъ волами Микола Товкаченко крисковскій. Воловъ купленнихъ 81, домашнихъ подъ возомъ 4, а возъ зъ харчю, коней двое половихъ дано ему въ дорогу, да денегъ дано ему жъ 15 р., 25 ефимковъ, да 10 червонних, и приказъ данъ ему, его же копія зде. Рано поехали зъ футора и пріехали на службу въ Андрѣевку, где и обѣдали. По обѣдѣ, виправивши Миколу крисковского, поехали позно въ полъ 8 часа, а пріехали въ полъ 12 часа, и заночовали на Засуллѣ, въ дворѣ.

Понеделокъ. 28. День билъ и ночъ свѣтли, тепли, тихи, сходни вчорайшимъ. Пріехалисмо на обѣдъ въ Роменъ, где застали родителку и сестру и братовъ Луку и Івана въ добромъ здоровю, и обѣдалисмо вкупѣ. У лазнѣ милъся. Писмо зъ Астраханѣ отъ Архипа досталось рукамъ моимъ, а писано марта 24-го дня, въ якомъ ознаймуетъ, что пойшли они за море и что смотрѣли гор. куховъ 40, якіе цѣли, а 18 не смотрѣли куховъ.

Вовтор. 29. День и ночъ были свѣтли, велми тихіе и велми тепліе. Писалемъ до п. Петра, пол. луб., ускаржаючись на Ко-

динця, черезъ Несторовича. Демянъ Кузмѣнскій посланъ въ Глуховъ, а черезъ его писалъ я до родителя о своемъ обороте и до господаря де о чомъ господарскомъ, а Демянови казалемъ заехать до Конотопу и увѣдомитись отъ Воловатого (т. е. Костенецкаго) . . . . (?) нового и зъ якимъ контрактомъ.

Середа. 30. День былъ свѣтлій, однако жъ вѣтрянъ зъ малопереходжими хмарами. Ночъ свѣтла, вѣтряна, а вѣтеръ зъ полуношной стороны. Юско посланъ въ Срѣбнее по сестру сотника срѣбранского (Троцины) для дочери Пазѣ. Сей день у Ромнѣ пробавили.

Юль. 1. Четвер. День сей былъ свѣтлій зъ вѣтромъ и ночъ свѣтла жъ, зъ вѣтромъ же меншимъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителкою; по обѣдѣ сестра Олеся поехала въ Лубнѣ, черезъ которую писалемъ до п. Янима Троцкого за спалню благодаря и что 15-го вскорѣ прислани будутъ. Отъ род. зъ Глух., черезъ Якова подписка получилемъ писмо зъ требованіемъ присилки ключа отъ імбара, где баулъ, и зъ обявленіемъ, что опредѣленъ на розискъ Мокрѣевичъ да порутчикъ. Отъ Петра Апостола отвѣтъ получилемъ, что онъ послалъ указъ до лукомского сотника о нечиненіи безправно обидъ у футорѣ моемъ Криворудскомъ. Жена заболѣла, а species фебри.

Пятокъ. 2. День былъ свѣтлій, теплій я вѣтряний, у вечеру передъ заходомъ слонца вѣтеръ умножился, дожчъ и громъ, потомъ знову вияснилось и ночъ была свѣтла, толко холодновата, потому что вѣтеръ полунощній. Получилемъ писмо отъ Савѣцкого писаря полк. зъ прошеніемъ попустить степу перервинского укосить сѣна, за то, что якоби моимъ стадомъ стѣнки его вибити.

Субота. 3. День былъ свѣтлій, толко вѣтрянний и холодноватий, ночъ такова жъ, да холоднѣйшая. Отписалемъ къ Савицкому писару, прося уступки стѣнки жилиной и проч. По службѣ били Заборовскій и протопопъ. Обѣдалисмо сами. Придѣлалъ нѣкоторіе штучки до рондзѣка золотаръ и зважилъ, а показалось ваги 26 лотовъ безъ золотника, а рондзѣкъ тотъ, що былъ на чорной тясмѣ.

Недѣля. 4. День былъ холодноватъ, вѣтрѣнъ и отчасти хмаренъ, ночъ свѣтла, тиха мало и холодновата. Мощанскій да Ана-

стасій Волошинъ, винограднинъ, женились. Обѣдалисмо вкупѣ зъ протопопою ром., да Федоромъ Заборовскимъ, женою его и сотничкою роменскою. По обѣдѣ, у вечеру поехалисмо зъ Ромна, а съ нами тіотка, и ночовали у Борзенки, за милю. Родителка подарила пологъ, полотна женѣ, запонку, запаску и серги Пазѣ дочерѣ. Оставилисмо коней 2, строкатого да бѣлого, у футорѣ нашемъ, якіе дворникъ Павелъ на свои руки и принялъ въ Ромнѣ.

Понеделокъ. 5. День сей былъ похмурний зъ дожчемъ, толко тепловатъ къ вечеру и тихъ. Ночъ также хмурна и тиха. Рано вставши, отъ Борзенки пріехали на обѣдъ у Смѣлее, и обѣдали тамъ же въ дворѣ родителскомъ. По обѣдѣ поехавши, наехали брата п. Івана и пріехали до броду именуемаго Торний, зъ миль 3 отъ Смѣлого, где и заночовали.

Вовтор. 6. День былъ свѣтлъ отчасти, теплъ и тихъ, хмари перехожіе зъ малимъ дожчемъ, ночъ тожъ тиха, толко хмарна. Отъ ночлѣга, отъ Терновъ, уехали миль зъ двѣ, зъ полтори до Грузкой, оттоль милю до Красенъ, где и обѣдали. По обѣдѣ пріехали до перевозу мутинского, где переехавши черезъ перевозъ Сеймовий, стали, виехавши зъ Мутина заразъ, на ночъ, а ехали полъ 3 часа черезъ Сеймъ. Конѣ у бродъ ишли.

Середа 7. День былъ зранку холодноватъ и дожчеватъ, а по обѣдѣ силний дожчъ зъ громомъ, къ вечеру вияснилось и тепло стало. Ночъ вся свѣтла и тиха. Рано отправили возки до Тулиголовъ зъ Янѣшевскимъ и сами поехали, и пріехавши въ Кролевець, стали въ дворѣ тіотки П. Павловой, отколь ездилемъ осматривать комори своей дѣлаючайся и двора родителского заложенного, а осмотрѣвши, поехали на обѣдъ въ Подоловъ, где не заставши сестри и никого, обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ пріехала сестра зъ Дяковскою и дѣтми своими, тутъ и заночовалисмо по ея прошенію. Увѣдомилемся, что присланъ указъ ехать вовся въ Москву князю Шаховскому, а на его мѣсто пріедетъ полковникъ Тургеневъ, Романъ Семеновичъ.

Четвер. 8. День былъ холодноватъ, свѣтелъ отчасти и дожчеватъ, ночъ свѣтла, тиха. Рано поехалисмо отъ сестри Чарнише-

вой, и въ Кролевцѣ, у церквѣ ст. Спаса, вислухалисмо службы Божой, и пріехали на позній обѣдъ въ Тулиголови. Зъ попомъ отцемъ Петромъ сторжились за мѣстце тое, где цегелня, дать ему полъносатки горѣлки теперъ, а полносатки въ новину. Дновалисмо тутъ въ Тулиголовахъ. Григорій Огѣевскій отехалъ. Василю молодику приказалемъ о коморѣ Степаненковъ, Желѣзнячиной и Вурвихвостовой и о дворѣ Гетманчика.

Пятокъ. 9. День былъ зранку свѣтелъ и тихъ, а мало погодивши и вѣтрянъ, въ день дожчъ и градъ, къ вечеру знову свѣву свѣтелъ да вѣтрянъ, ночъ свѣтла и тиха. У пасѣцѣ тулигол. Тровъ 2 толко было, за вѣтрами и холодами. Поехалисмо зъ Тулигол. и пріехали въ Глух. передъ вечоромъ, где застали родителя при добромъ здоровю.

Субота. 10. День былъ свѣтлій, отчасти хмарній, теплій и отчасти вѣтраний, ночъ свѣтла и тиха. Рано ездилемъ до князя Шаховского, а потомъ до п. гетмана. Въ домъ повернувшись, обѣдалемъ зъ домашними. У вечеру кровъ пускалемъ банками.

Неделя. 11. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ таковажъ. Рано у князя былемъ, потомъ у гетмана, где у самой гетмановой и обѣлалемъ. За дворъ въ Кролевцѣ на предмѣстю стоячій заплатилемъ кролевецкому жъ жителеви 22 р., а 2 р. еще далемъ Василеви на купчую и проч.

Понеделокъ. 12. День и ночъ были противъ вчорайшихъ. Алексѣй Полуденскій да Ярема, служителѣ, послани въ степъ для кошення сѣна, Алексѣеви дано на сѣно 21 р., да черезъ его козаку Сулимѣ въ доплатку за степокъ 8 р., да на строеніе млина курѣнского 6 р., да п. Якиму Троцкому въ доплатку за спалню 15 р., да черезъ его жъ, до Несторовича послалъ на сѣно, на Гамалѣевщинѣ коситись мѣючое, 40 р., до его жъ на вино 3 р., Яремѣ на сѣно 15 р. въ Перервинцѣ, а 15 р. за коня дрикганта, Івану Кучеровскому. Черезъ Алексѣя купчая отъ Сулими данная посланна для конфѣрмацѣи на урадѣ. Да имъ же, Алексѣю и Яремѣ, далемъ на дорогу по 20 а. Писма послалемъ черезъ нихъ до родителки, до Троцкаго и до Несторовича. Рано ездилемъ до князя,

где виправивши указъ къ полковнику луб. Петру, пріехалемъ домой и отправилемъ зъ онимъ Юска, въ Лубнѣ, и указъ о присилцѣ сюда Кодинца сотника. Алексѣю и Яремѣ дани приказы на писмахъ.

Вовтор. 13. День сей и ночъ были противъ вчорайшихъ. Обѣдалемъ у панеи гетмановой, по обѣдѣ ездилемъ до полковника ахтирского, пріехавшаго сюда въ Глуховъ, оттуду до князя, где просидѣлемъ долго. П. Михайло, братъ, и жена его заболѣли обое.

Середа. 14. День былъ и ночъ противъ вчорайшихъ. Рано ездилемъ осматривать своей ями дубовой, другой, оттоль былемъ у склепу и пріехавши домой, обѣдалъ. По обѣдѣ билъ полковникъ ахтирскій и посидя отехалъ, а я ездилъ посѣщать п. Михайла, брата, на Бѣлополовку. Повернулись бѣлополовцѣ зъ Царицина, которіи туда отвезли слугу моего Остапа Свѣтака и съ нимъ вино двойное и табаку; а привезли писмо его, въ якомъ пишетъ, что Архипъ пошолъ за море и что Тихонъ Демидовъ даетъ по полъ 2 р. ведро двойного вина и что онъ рибу присилаетъ сюда на моихъ подводахъ, а свою будто и проч., и привезли они, бѣлополовцѣ, риби: сазановъ 398, сули 2068, коней 6, а самая кобыла, якую рибу послалъ зложить въ Сварковѣ.

Четвер. 15 День и ночъ были еще горячійшіе нѣжъ прежніе, и свѣтліе и тихіе. Обѣдалемъ у гетмана, где и полковникъ ахтирскій былъ. По обѣдѣ домой пріехалемъ, куда пріехали Степанъ Миклашевскій и Яковъ Полуботокъ. Отехалъ полковникъ ахтирскій зъ Глухова съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ унукъ его, а мой племянникъ, сынъ брата п. Семена, Івась былъ отпущенъ въ Ахтирку для посѣщенія, о чемъ родитель и писалъ къ родителцѣ. Около полночи пріехалъ полковникъ Романъ Семеновичъ Тургеневъ на мѣсто князя Шаховского, и сталъ въ загородномъ дворѣ, съ нимъ вмѣстѣ.

Пятокъ. 16. День былъ жаркій велми и якъ би туманний, по полуднѣ дожчъ сторонами и градъ зъ громомъ и блискавицею. Ночъ тиха и тепла, сторонами похмурна. Рано поехалемъ до футора Калюжновского, оттоль въ Сварковъ, где и заночевалемъ.

Субота. 17. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, ночъ похмурна, тиха и тепла. Рано зъ Сваркова поехалемъ на обѣдъ въ Глуховъ, по обѣдѣ былъ я у князя и повернувшись мился у банѣ. До 3 р. Забарою даннихъ на косарѣ, что косятъ у заклѣвенского человѣка, я еще придалъ 1 р. 50 к. Зъ Сухоносовки пріехалъ Дядя и подводъ 2 прійшло зъ шкурами конскими, товарачами и овечими, мухояромъ, воскомъ и 5 отарами.

Неделя. 18. День былъ отчасти свѣтлій, а отчасти похмурній, тихій, теплій, ночъ тепла и похмурна. Рано былемъ у гетмана, обѣдалемъ у себе и со мною швакгеръ п. Яковъ. У гетмана обѣдалъ князь, Тургеневъ и прочіи. По обѣдѣ были у насъ и посидѣвши отехали.

Понеделокъ. 19. День сперва съ туманомъ, потомъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла. Грицку Дядѣ далемъ на воли 100 р., а черезъ его-жъ старостѣ сухонос. на соль 30 р. Забарѣ на косовицю еще далемъ 1 р. 50 к.

Вовтор. 20. День былъ зранку холоденъ зъ туманомъ, потомъ свѣтелъ, и въ день дощъ ишолъ. Ночъ свѣтла и тепла. Сегодня рано былъ я у гетмана, а обѣдалъ у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ. У вечеру зъ п. Михайломъ братомъ ездилемъ до князя и не увидѣвши его, повернулись. Билъ я у брегадира вчорэ и купилъ карету, дарованную ему отъ покойной тіотки, и заплатилемъ за оную и за станокъ до неи зъ конми 40 р., а онъ, брегадиръ Арсеніевъ, поехалъ сегодня въ Москву зъ домомъ своимъ.

Середа. 21. День билъ свѣтлій, теплій и тихій, у вечеру хмары зъ дожчемъ силнимъ и громомъ, такъ же мало не чрезъ всю ночъ дожчъ ишолъ. Сегодня рано отехалъ въ Москву князь Алексѣй Івановичъ Шаховской, которого опроводилъ гетманъ до яру другого, не доежджая Ясманѣ села, а старшина енер., род. и я и великороссійскіе господа запроводили его на становиску за Ясмань, верстъ у 3, где и обѣдали и подпивали, тамже и заночовали. А на его мѣстѣ остался здѣ полковникъ Тургеневъ. Железо, слуга род., посланъ отъ род. въ Москву зъ парою коней до Курбатова и прошеніемъ отъ п. Павловой о селахъ еи и о Засуллю, которому

я далъ штановъ лосинихъ двое вимить тамъ и купить табату картузъ, на что все далъ ему я 4 р., да черезъ его жъ послала жена сестрѣ барилцѣ мастихинои и пѣрниковъ ящикъ.

Четвер. 22. День былъ теплій, тихій почасти и почасти вѣтрянъ, болшъ хмаренъ, нѣжъ свѣтелъ. Рано съ княземъ Шаховскимъ простились всѣ, онъ поехалъ въ путь свой, а мы поворотивши, пріехали на обѣдъ въ Глуховъ, род., п. Федоръ и я зъ швакгромъ и братами Маркомъ и Іваномъ, и обѣдалисмо вкупѣ. По обѣдѣ ездилемъ до швакгра п. Якова и оглядали коней продажнихъ нѣмецкихъ по 100 р. Повернувшись оттоль, ходилемъ у лазню и кровъ банками пускалъ на спинѣ и на ногахъ, стегнахъ, для свѣрбу великого.

Пятокъ. 23. День былъ холодній и вѣтряний, и дожчеватий, и пополамъ свѣтелъ, ночъ свѣтла тиха. Родителеви визичилемъ 180 р. и отослалемъ черезъ Клима пѣщанского. Отправлени конѣ 18 въ Гамалѣевскій футоръ черезъ Иллю. Посланъ Василь Кравецъ въ Батуринъ за Урбаномъ утекшимъ. Писалемъ до стар. крисков., чтобъ 3000 дранѣ виготовалъ, а на оную взялъ зъ денегъ отъ роздачи на жито осталнихъ 30 р. Купилемъ жита 2 четверики за 6 р. и 30 а. и одинъ посланъ въ Криски, а другій въ Тулиг., а за тое жито самъ заплатилемъ.

Субота. 24. День былъ холодноватий, по перемѣшкамъ свѣтелъ и хмаренъ, ночъ сперва свѣтла и тепла, потомъ хмарна. Рано былемъ у п. гетмана, где и обѣдалемъ, у вечеру ездилемъ до полковника Тургенева и позно повернулся въ свой домъ. Швакгеръ п. Андрѣй пріехалъ въ Глуховъ. Писмо получилемъ отъ стар. перерв., что козаки тамошніе позатиканную, (т. е. сѣнокосъ означенный колышками) покосили; также, что дрикgантъ шпаковатий здохъ.

Неделя. 25. День былъ сперва холодноватъ, после свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла жъ и тепла. Рано былемъ у гетмана, обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до Количова зъ родителемъ. Асаулъ енер. Мануйловичъ и Григор. Кулябка, сотникъ луб., приходили въ статяхъ за Оболонскимъ. Отправилемъ козака перервинского зъ пис-

мами до Перер., чтобъ Ярема 15 р., данніе за буланого дрикганта, удержалъ у себе, до Сух. о посилки гор. и сала въ Перер., до Несторовича о дачѣ коней 3-хъ, стар. сух., и перер. и Яремѣ.

Понедел. 26. День былъ холодноватъ сперва, потомъ свѣтелъ и тепелъ, у вечеру дожчъ и громъ и въ ночѣ, потомъ ночъ випогодилась, а къ свѣту знову хмарно стало. Рано ездилемъ до гетмана, обѣдалемъ зъ женою у швакгровъ своихъ, потомъ былемъ у п. Михайла, и просидѣвши доволно, повернулемся домой. Купилемъ ковадло котляреви и заплатилемъ самъ 1 р. и 80 к.

Вовтор. 27. День былъ свѣтелъ и тепелъ, попеременкомъ хмара и дожчъ, у день ясно, къ вечеру хмарно и вѣтряно, ночъ випогодилась велми. Рано былемъ у гетмана и п. Михайлову болную посѣщалемъ, обѣдалемъ зъ женою у швакгровъ, потому что именниникъ синъ п. Андрѣя Полуботка. У вечеру знову былемъ у п. Михайла.

Середа. 28. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, у вечеру вѣтряно и черезъ ночъ, и хмарно. Ездилемъ рано въ Сварковъ, а зъ Сваркова повернувшись, заехалемъ къ гетману, где и обѣдалемъ. По обѣдѣ повернулемся домой, куда пріехалъ п. Михайло, братъ и швакгри. Демку Пиндюренку заплатилемъ долгъ его, уздицкому человѣку должнихъ 2 р. 50 к.

Четвер. 29. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалъ у гетмана князь Щербатий, посилаючійся въ Царградъ, и секретарь его Аргамаковъ, и Тургеневъ, и Кошелевъ и другіе и я, по обѣдѣ заходилъ зъ Григоріемъ Гамалѣею до швакгровъ, оттоль до п. Михайла, где и въ карти игралемъ и вечералемъ. За мѣхъ котлярскій заплатилемъ котлярени 3 р. и 10 к. Писалемъ черезъ сухос. подданого, брата Сердюченкового, до пол. луб. о Кодинцу и до стар. сухонос., и 4 р. послалемъ на покупку ободдя. Федоръ Дмитр. Кошелевъ поехалъ зъ Кіева въ Москву.

Пятокъ. 30. День былъ до полудня свѣтелъ, тепелъ и тихъ, отъ полудня дожчъ зъ громомъ и блискавицею, у вечеру престалъ, ночъ вся знову зъ дожчемъ. Родитель пріехалъ въ Глуховъ. Отпи-

салемъ до стар. Сухонос. и послалемъ 4 р. на покупку ободдя въ Густинѣ. Черезъ тогожъ посланного Сердюченка писалъ до пол. луб., о чомъ вчера написанно, а сегодня отправленъ до Книша, гамалѣевского старости, писалемъ, чтобъ новую началъ яму и о Евгеніи. Купили овса полъ 2 четверика за 1 р. и 80 к., и самъ заплатилемъ.

Субота. 31. День былъ зранку хмаренъ, а потомъ мало не черезъ увесь день дощъ ишолъ, ночъ випогодилась, однако жъ вѣтеръ полунощний былъ. Сегодня на службѣ Божой былисмо у церквѣ п. судіиной сестри, обѣдали дома, родитель мы, швакгри, Григор. Гамалѣя и братъ п. Семенъ, пріехавшій сегодня и прощеніе у род. получившій. Капитанъ ґвардіи Воейковъ и секретаръ сенатскій Топѣлскій, пріехалъ зъ Москви въ Глуховъ и зъ собою за карауломъ привезлъ Танского, пол. перояСловского, розисковать объ немъ зъ Тургеневимъ. Милемся въ лазнѣ, а жена ездила на Бѣлополовку.

М-ць августъ. Неделя. 1. День былъ вѣтряний и вѣтеръ полунощній, однако жъ нехолоденъ и свѣтелъ, ночъ хороша. На службѣ былемъ на Бѣлополовцѣ, а по службѣ у Турковского и у п. гетмановой. На обѣдъ зъ женою пріехали домой, а въ вечеру знову туда жъ ездилисмо, и тамъ я зъ братомъ п. Михайломъ, женою его и Бокомъ поигравши въ кадрилѣю, зъ проиграшомъ моимъ, повернулемся назадъ. Началъ жестянку чаю, полну насипанную.

Понедел. 2. День былъ зранку холодній, вѣтряний, въ день мало вияснилось, потомъ знову хмарно стало и ночъ хмарна и вѣтряна. У службѣ, у Петровского, а болшъ нѣгде.

Вовтор. 3. День. и ночъ были противъ вчорайшихъ хмарніе, холодніе и вѣтряніе. На службѣ у Петровского, по обѣдѣ у вечеру братъ п. Семенъ отехалъ къ родителцѣ у Шабалиновъ. Писалемъ до стар. крис. о присилцѣ ґрадѣлця, дранѣ. Послалъ карету и спалню до маляра въ Маковъ малювать.

Серода. 4. День былъ противъ вчорайшихъ хмарній и вѣтряній, по перемѣнкамъ свѣтелъ и хмаренъ, и ночъ такова жъ. Рано былемъ у Тургенова, а оттоль на службѣ у ст. Михайла, знову у

его, оттоль на молебнѣ за именитство царици Евдокіи, и оттоль за гетманомъ поѣхалемъ на Бѣлополовку, где обявлялемъ ему о томъ, что суддѣ енер. опредѣлили были послать мене на розискъ въ полкъ нѣжинскій, въ мринскую сотню. У лазнѣ милемся.

Четвер. 5. День былъ сперва похмуренъ и холодноватъ, а потомъ свѣтлій, тихій и теплій зъ ноччю. Не ездилемъ никуда зъ дому. Былъ у вечеру отецъ Никифоръ, для исповѣданя нашего, а на службѣ былемъ у судейской церквѣ, и по службѣ зашедлемъ до капитана ґвардіи Воейкова.

Пятокъ. 6. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, передъ вечоромъ хмурно стало, ночъ погодна до половини, а отъ половини до свѣта дожчъ. Ездилемъ до Сваркова, оттоль до футора Калюжновского, и повернулемся назадъ позно. Хлопецъ малий, купленний отъ Забари, ушелъ и машталеръ Тимошъ.

Субота. 7. День былъ увесь и ночъ вѣтряніе зъ уставичнимъ дожчемъ, чрезвичайнимъ осѣннимъ. На службѣ у веригинской церквѣ, обѣдали у себе, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла и видѣлъ грамоту, черезъ канцеляристу Лазаревича написанную о томъ, чтобъ якъ отъ слободъ великороссійскихъ, такъ и отъ маетностей внутрѣ Малой Россіи великороссійскихъ и иноземцовъ, помоществованіе дѣлано было въ линѣи той, якая строится теперъ отъ Днѣпра до Донца.

Неделя. 8. День былъ до вечора дожчеватъ, а передъ вечоромъ вияснилось и ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ѣздилемъ зъ женою на той бокъ до п. Михайла и жони его.

Понеделокъ. 9. День былъ свѣтлій теплій, толко вѣтеръ полунощній, однако жъ после тихо, и ночъ такова жъ была погодна. Другая грамота прислана къ гетману, чтобъ со всѣхъ помѣщичихъ деревень, великороссійскихъ и иноземцовъ необходя чинено было въ работѣ линѣи помоществованіе противъ козаковъ, какъ то они исправляютъ, и писмо о семъ отъ Тараканова. Жена поехала у футоръ зъ тіоткою, маткою Подолского и тамъ ночовала.

Вовтор. 10. Рано поехалемъ въ Сварковъ, где заставши жену и тіотку, тутъ и обѣдалъ. А по обѣдѣ пріехали у футоръ Калюж-

новскій, они жъ тамъ остались ночовать, а я пріѣхалемъ у Глуховъ на ночъ. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ.

Середа. 11. День и ночъ были противъ вчорайшихъ. При женѣ у футорѣ насадили 8 копъ безъ 2-хъ снеповъ въ овину, зъ которихъ вимолотили по 5 четвертинника зъ ковшами 2-ма. Обѣдалисмо въ дому малолюдно и постно.

Чотвер. 12. День и ночъ были противъ вчорайшихъ. Обѣдалемъ у п. гетмана, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ братомъ ездили до капитана гвардіи Воейкова и Топѣлского и посидя доволно, отойшли. Третая грамота принесена до п. гетмана, чтобъ со всѣхъ державскихъ маетностей, почавши отъ гетмана до послѣдняго владѣлца, вислать подданихъ на линѣи, по пропорцѣи противъ козаковъ.

Пятокъ. 13. День былъ и ночъ противъ вчорайшихъ. Сегодня былъ я у енералной судовой канцеляріи и подавши доношеніе, чтобъ мнѣ не ехать въ мринскую сотню полку нѣжинского, для розиску по челобиттю епископа чернѣговского, уволненъ зосталъ отъ тоей дороги, а оттуду поехалъ у футоръ и Сварковъ, и домой повернулся позно.

Субота. 14. День зъ ранку былъ хмурний, вѣтряний и холодноватъ холодомъ осѣннимъ, а потомъ тотъ же вѣтеръ хмару розогналъ, потомъ и дощикъ нагналъ. Ночъ такова жъ власне. Рано былемъ у п. гетмана, а обѣдалемъ въ дому и у вечеру у банѣ банками кровъ пускалемъ. Родитель приобщался пресвятимъ тайнамъ. Жита нажали у футорѣ Калюжновскомъ 200 копъ а отъ Бѣжского и скопщини 50 копъ, якое и зложили въ скиртъ 2 и въ стогъ.

Неделя. 15. День былъ зранку и после отчасти похмурний, однако жъ теплій и дощикъ зранку малій ишолъ, ночъ также похмурна и мало вѣтряна. Рано былемъ у гетмана, и обѣдалемъ въ дому, по обѣдѣ ездилемъ зъ женою до Турѕенева и жени его зъ поздравленіемъ.

Понеделокъ. 16. День зранку свѣтелъ, о полднѣ дожщикъ, къ вечору вѣтеръ и ночъ вѣтряна и холодна велми. Обѣдалисмо въ дому. По обѣдѣ родитель поехалъ въ Кролевецъ. У вечеру

ездилемъ на тотъ бокъ, до п. Михайловой, и посидя повернулся. За ярую крашанину до круглого намету, за 80 аршинъ по 6 коп., 4 руб. 80 коп.

Вовтор. 17. День былъ и ночъ вѣтряніе, холодніе велми. Сегодня кровъ пускалемъ зъ руки правой, толко не пойшла. Обѣдалисмо въ себе, тіотка зъ сыномъ Подолскимъ поехала домой.

Середа. 18. День былъ холодній, а вѣтряний, однако жъ вияснилося и къ вечеру тихо, ночъ тиха свѣтла, однако жъ холодна. Юско посланъ въ Роменъ и черезъ его 20 р. до Несторовича и писмо вѣрчое о поисканню Урбана и другое, и приказъ ему данъ. Маслосвятіе болѣзненной п. Михайловой отправлялось.

Четвер. 19. День былъ свѣтлій, погодній и теплій, ночъ тиха жъ и свѣтла. Рано до п. Михайла ездилемъ, которого посѣщалемъ жену, а обѣдалемъ у капитана Воейкова, гдѣ былъ родитель, Тургеневъ и протчіе, а по отездѣ Тургенева были у насъ Воейковъ, Косоговъ и Топѣлскій, и посидѣвшя отойшли. Послали писмо до Бидлова въ Москву п. гетманъ, прося лѣкарства п. Михайловой.

Пятокъ. 20. День былъ свѣтлій, однако жъ зъ вѣтромъ, тепловатъ, а къ вечеру холоденъ. Ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Рано поехалемъ въ футоръ, оттоль въ Сварковъ, где и заночовалемъ зъ братомъ Яномъ.

Субота. 12. День зранку свѣтелъ и ясенъ, погодя мало вѣтрянъ, хмаренъ и холоденъ, около полдня свѣтелъ знову и тихъ, до вечора, ночъ такъ же свѣтла, тиха и холодновата. Рано по службѣ Божой зъ Сваркова поехавши, заехалемъ до Количова болѣзнуючого уже пятій день на горячку, оттоль пріехавши домой обѣдалисмо, а по обѣдѣ знову ездилисмо зъ женою обое до него, где его водкою горячою платомъ мазали, что ажъ сталъ потѣть, и позно въ ночѣ розехались. Въ Москву отправили писма род. и чолобитніе, а я писмо писалъ къ сестрѣ, черезъ куріера отъ Тургенева наряженного. Маляръ Якимъ Єлѣнскій вималіовалъ образъ Мойсея и вопр.... хатъ, которому далемъ 2 р.

Неделя. 22. День былъ свѣтлій отчасти, а отчасти похмурній, однако жъ тихій и теплій. Ночъ свѣтла и тиха. Рано былъ у гетмана, а потомъ въ дому обѣдалъ зъ сестрою Чарнишевою, которая пріехала сюда затимъ, что зъ суду енера. призвано еи сюда, даби по дѣлу князя Кропоткина платилась 1643 р. У вечеру ездилъ я знову до п. Михайловой и тамъ доволное время посидѣвши, повернулся назадъ.

Понеделокъ. 23. День былъ и ночъ во всемъ сходній противъ вчорайшихъ. Рано ездилемъ въ городъ и тамъ заходилъ у склепъ, а насипавши бутилку, повернулся назадъ домой, а обѣдали у насъ Тургеневъ, Воейковъ и Топѣлскій. У вечеру ездилемъ до Количова, где посидѣвши доволно, назадъ повернулся ноччю, а Количовъ ослабы въ болѣзни своей никакой не имѣетъ. Хлопецъ мой Василецъ въ ночѣ противъ понеделка ушелъ.

Вовтор. 24. День былъ сперва хмарній, потомъ отчасти свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ хмарна, тиха и тепла. Сегодня рано Климъ Пѣщанскій отъ имени своего подалъ доношеніе въ ратушъ глуховскую, что хлопецъ Василецъ ушолъ и унесъ перстень алмазній, которому цена 100 р., да еще чего обшукавшись не обищется, о томъ учинится вѣдомо. Рано сегодня поехалемъ зъ Глухова до монастира Гамалѣевского, ехалемъ до Словута 2 год., отъ Словута до Собичева год. 1 и мѣнутъ 40, зъ Собичева четвертей 3 до Макова, зъ Макова до монастира полчаса, где пріехавши ночовалемъ.

Середа. 25. День и ночъ во всемъ противъ вчорайшихъ. Тутъ въ монастирѣ Харлампіевомъ службы вислухалемъ и обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ. Получилемъ писмо отъ Несторовича, что Романъ Кровнѣцкій, староста топалскій (гр. Рагузинскаго), пріехалъ въ Розбишовку розискивать о степу Гамалѣевскомъ.

Четвер. 26. День былъ похмурній, теплій и тихій, къ вечору невеликій дощикъ, ночъ тиха и хмурна, къ свѣту дощъ. Противъ четверга, въ ночѣ, 11-го часа передъ полноччю, Андрей Количовъ подполковникъ отъ огневици умре, дванадцатодневно утерпѣнний Кровъ зъ головной жили пускалъ мнѣ докторовъ цилюрикъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.
